

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№17

Литературно-художественное издание

Тамбов
2019

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)6я4
Т17

Тамбовский АЛЬМАНАХ № 17

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

***30-летию окончания Афганской войны
посвящается***

Главный редактор
Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Редакционный совет
Валентина ДОРОЖКИНА
Мария ЗНОБИЦЕВА
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА

ISBN 978-5-6042248-4-7

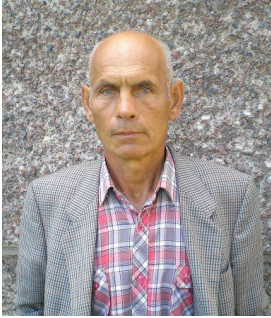
УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)6я4
Т17

ISBN 978-5-6042248-4-7

9 785604 224847

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское отделение

Александр МАКАРОВ

Красный мячик

Стихи

* * *

Из послевоенной разрухи,
Из низкой избушки я вышел.
Избушка – два синих окошка,
Прижался подсолнух к плетню.
Какой я счастливый, что вышел,
Какой я счастливый, что выжил!
Какой красный мячик красивый!
Сейчас я его догоню.

Бегу я – и смотрит деревня
Глазами спокойными окон,
Храня треугольники писем,
Молчат треугольники губ...
По травам, налившимся соком,
Под песней, парящей высоко,
Из послевоенной разрухи
За мячиком красным бегу!

Тоской по травам, по деревьям,
Тоской по маленькой реке,
Что на виду у всей деревни,
Как будто жилка на руке.

И я, протягивая руки,
Хочу их сильными сберечь,
Чтоб в тёмном омуте разлуки
Поймать обломки наших встреч.

Солнечный путь

Солнечный путь над рекой голубой,
Бег колесницы и скрип колеса.
Ветер идёт и несёт за собой
Пение птиц и людей голоса.

Ветер разбил на две части поля:
Шум на одной стороне и испуг;
А на другой стороне – звон шмеля,
Радость и друг мой – нескошенный луг.

Ветер развёл на две части мою
Жизнь неширокой морщинкой на лбу:
Вот – на одной стороне я пою,
Вот – на другой я молчу, как в гробу.

То по лугам зеленеющим – вдоль,
То по полям зоревым – поперёк
Медленно катятся радость и боль.
Солнечный путь бесконечно широк.

* * *

Её косили на заре,
Но проходили сроки,
Она опять росла, в земле
Отыскивая соки.

Её косили вновь. Она
Вновь силу находила,
Ввысь поднимаясь, влюблена
Во всё, что рядом было.

Растёт, волнуется, жива –
Всему на удивленье –
Обыкновенная трава,
А не трава забвенья.

Анатолий ГОНЧАР

Покушение

Фрагмент романа

Пролог

...Уничтожить президента?! – высокий чернобородый Сулейман Имурзаев, амир ...нского района, задумчиво поскрёб подбородок. – Высоко метит, высоко ... – сомнение в его голосе сквозило подобно холодному ветру, бьющему о стенки палатки. Шуршащий по крыше дождь заглушал звуки. – Планы Шамиля слишком... – говоривший запнулся, пытаясь подобрать слово, а подобрав, невольно усмехнулся: – Амбициозны. Но каким образом их выполнить? – И совсем резко: – Надеюсь, у него есть определённый план?! – задав вопрос, Сулейман отхлебнул чая из стоявшей перед ним чашки.

- Конечно, иначе я бы здесь не сидел, – эмиссар Шамиля Басаева Артур Магомедов прищурился, взглядываясь в лицо своего собеседника и, уловив в нём нетерпение, выдал: – Мы используем для исполнения задуманного беременную шахидку.

-Что? – Сулейман едва не поперхнулся от возмущения. – Шахидку? Беременную? Да её не подпустят и на

дистанцию выстрела! Беременность – это то, что в первую очередь привлечёт внимание охраны. Они обыщут её и сразу обнаружат пояс шахида! Беременная шахидка... Никогда бы не подумал, что со временем Шамиль станет таким... – он хотел сказать безмозглым, но сдержался, – наивным.

- Не тебе судить! – жёстко оборвал его представитель Басаева. – Если Шамиль сказал ТАК, значит, так и будет.

- Но это же невозможно! Замаскировать шахидку под беременную – это всё равно, что написать у неё на лбу: «Шахид». Беременная... Бред!

- Замолчи! – прошипел эмиссар, и последнее время привыкший только командовать амир невольно заткнулся. Он слишком хорошо знал представителя Шамиля, чтобы всерьёз ему противоречить. А тот одним глотком допил остававшийся в чашке, порядком остывший чай, и всем своим видом показывая готовность уйти, закончил: – Запомни, Сулейман, твоё дело найти и подготовить женщину, а не рассуждать об осуществимости или неосуществимости задуманного. – Магомедов начал подниматься на ноги. – И вот что ещё. Обязательные критерии отбора кандидатов: возраст около двадцати, красивые, стройные, но не хрупкие и болезненные, а скорее спортивного телосложения. – И отодвигая полог: – Поверь, всё получится. Ты просто не знаешь всей гениальности задуманного...

-Хорошо, если так, – Имурзаев обиженно поджал губы. Видно было, что он хотел ответить что-то резкое, но вновь сдержался. – Сроки?

- Три месяца...

- Хорошо, – амир мысленно прокрутил в голове возможные варианты. Опыт подготовки жертвующих собой за веру у него был, и, раз самое главное, что от него требовалось, – это подготовить шахидок, то он сделает это. А дальше – не его забота... На всё воля Аллаха!

Глава 1. Информация к размышлению

Полковник ГРУ Черных.

...Ни минуты покоя! – подполковник Остапенко выглядел расстроенным. Информация, только что переданная ему осведомителем, оказалась настолько расплывчатой, что впору было требовать назад отданные за неё деньги. Тем не менее, подполковник, хотя и скупно, но поблагодарил агента. Пожав на прощание протянутую руку, он отправился к стоявшей на обочине выдавшей вида белой «шестёрке» со слегка тонированными стёклами и вогнутым передним бампером (отметка, оставшаяся от столкновения с колесом БТРа, в которое Остапенко въехал неделю назад, случайным образом не рассчитав тормозной путь). Подойдя к машине и напоследок оглядевшись по сторонам, подполковник сел за руль, бросил на сиденье автомат, сильно хлопнул дверцей и, заведя двигатель, включил первую передачу.

Встреча с «Кривым», а именно такую кличку носил платный агент, завершилась вполне штатно, тем не менее, до благополучного окончания дня было ещё далеко – следовало суметь без происшествий выбраться из леса, по которому петляла дорога, соединяющая два селения. То, что это удавалось далеко не всегда, Остапенко знал едва ли не лучше других – на опушке этого же леса аккурат перед мостком был расстрелян его предшественник, а совсем недавно подлетела на mine МТЛБешка артиллеристов. Минная же разведка, учиняемая комендачами и морпехами, через раз обнаруживала оставляемые чехами «сюрпризы». Так что желание поскорее вырваться из лесных глубин под бдительные очи-бойницы ближайшего блокпоста в конце концов заставило подполковника утопить педаль газа, и белая «шестёрка», немилосердно

завывая мотором, начала резво набирать обороты. Впрочем, нестись здесь как по асфальту всё равно не получалось. Максимум, что можно было себе позволить, – это переключить коробку на третью передачу и разогнаться до пятидесяти – повороты и осклизлая от обильно растекающейся грязи щебёнка не позволяли такой роскоши, как залихватские гонки. Но даже такая, казалось бы, небольшая скорость не гарантировала безопасного движения, и после того, как машину Остапенко пару раз едва не вынесло за пределы обочины, он был вынужден сбросить обороты мотора, а уже перед самым мостком и вовсе перейти на вторую передачу – улететь в кювет желание было едва ли не меньшим, чем попасть под чеховскую раздачу. Наконец «Жигули» цвета дорожной грязи с сидевшим в них ГРУшником выскочили из-за деревьев, стремительно наращивая обороты, преодолели открытое пространство и, взлетев на горку, оказались под спасительной защитой блокпоста. Выбравшись на улицу селения, подполковник вновь сбавил скорость, объезжая многочисленные ямы и колдобины, украшавшие местное асфальтовое покрытие. Тем не менее, спустя двадцать минут, Остапенко сидел в кабинете полковника Черных и отчитывался о результатах состоявшейся встречи.

- Значит, ничего конкретного «Кривой» сообщить не смог? – полковник Черных крутанул правой рукой лежавшую на столе шариковую ручку, а левой в задумчивости принялся тереть гладко выбритый подбородок.

- Ничего, – буркнул Остапенко и уселся поудобнее, будто предполагал находиться в кабинете шефа ещё очень долгое время, – разве что подтвердил уже имеющуюся у нас информацию.

- Да, похоже, – был вынужден согласиться полковник, – боевики готовят что-то действительно серьёзное.

- По слухам и тем сведениям, что мы получили се-

годня, – Остапенко не сообщал ничего такого, что не было бы известно полковнику Черных, тем не менее, слушал тот довольно внимательно, – готовится ликвидация кого-то из самых высокопоставленных российских чиновников.

- По слухам... – Черных усмехнулся, – высокопоставленного чиновника... – усмешка полковника стала шире. – Да за те деньги, что ты отдал «Кривому», я бы, как минимум, назвал тебе премьер-министра или прези... – полковник осёкся. И он, и Остапенко уже были хорошо осведомлены о предстоящем визите в Чеченскую республику президента Российской Федерации. – Чёрт! Хренов Экибастуз! – полковник в сердцах выругался. – Никак им неймётся! Совершить теракт против президента! Невозможно! Придурки! Всех их снайперов и шахидов перестреляют ещё на подлёте... – тут в голове Черных что-то щёлкнуло. – Разве что... – он вновь крутанул шариковую ручку.

- Что разве? – вкрадчиво поинтересовался Остапенко, увидев блеск в глазах шефа.

- Разве что противник придумает нечто неожиданное, оригинальное, не укладывающееся ни в какие схемы и рамки привычного.

- Ход конём?! – догадался Остапенко, и в его душе стала разрастаться тоска. Прощай покой и отдых! Шеф сделал допущение в возможности минуту назад казалось бы невозможного и теперь будет носом рыть, чтобы либо понять задумку противника и, поняв, разрушить его планы, либо вернуть уверенность в своей первоначальной убеждённости в невозможности проведения теракта.

- Ага, ход лошадьё, – пошутил Черных, в очередной раз раскручивая остановившуюся было на мгновение ручку. – Но если хотя бы в чём-то мы с тобой правы, вскоре жди в гости Ярцева, – полковник назвал фамилию начальника местного отделения ФСБ. – В конце концов, он один из тех, кто непосред-

ственно отвечает за безопасность прибывающей персоны.

И как бы в подтверждение его мыслей на столе тренькнул телефон ЗАС.

- Слушаю, Черных, – представился полковник, подняв трубку. Ему ответили, после чего лицо полковника расплылось в довольной улыбке. – Хорошо, ждём! – пообещал он, повесил трубку и, сохраняя на губах улыбку, посмотрел на своего подчинённого. – Что я говорил? Полковник Ярцев собственной персоной, скоро будут-с. Вот ведь какое совпадение, да?

Остапенко кивнул, действительно совпадение, и ещё какое! Оно было слишком явным, чтобы невольно не задуматься над вопросом, а не сосёт ли его агент по кличке «Кривой» сразу двух маток?

Полковник Ярцев не заставил себя ждать. И после краткого совещания, завершившегося обменом информации, стороны договорились о совместных действиях. Визит президента – это такое дело, которое ни в коем разе нельзя было пустить на самотёк.

А первоначальное предположение Остапенко относительно «Кривого» постепенно приобретало уверенность. Но, по совести, сейчас это волновало подполковника в крайнюю очередь.

Последующие полтора месяца тайные агенты обеих спецслужб стояли на ушах: от них требовалась хоть какая-то информация, указывающая на характер предстоящего крупномасштабного теракта. Но ничего нового получить так и не удалось. Да, что-то готовилось, но что именно, против кого и каким образом должно было быть осуществлено, оставалось сокрыто за пологом неизвестности.

Прибавилось работы и разведывательным группам СпН дислоцированных в Чечне отрядов ГРУ.

Глава 2.

По имеющимся сведениям...

Пункт временной дислокации отряда специального назначения ГРУ.

Подполковник Шипунов выглядел задумчивым. Указания, полученные от вышестоящего командования, не показались ему чем-то из ряда вон выходящим, но настойчивость, с которой они отдавались, невольно наводила на некие размышления...

- Как бы за всеми этими указаниями не скрывалась большая задница! – Шипунов передвинул белую пешку на шахматной доске и внимательно посмотрел на своего противника майора Федина, начальника штаба отряда. В ответ тот двинул во фланг белым своего чёрного офицера.

- Мы всё одно ничего не можем что-то изменить, – в голосе Федина сквозила фатальная убеждённость в своей правоте.

- Так-то оно так... – согласился подполковник, трогая пальцами застрявшего в центре поля коня. – Но как бы нам это... – он задумался то ли над тем, куда же двинуть свою всюду попадающую под убой лошадку, то ли над словами начальника штаба. Наконец конь переместился на новое место, и тут же подполковник завершил начатую мысль: – Минимизировать «потери». А то есть нехорошее ощущение, что загоняют наших ребятишек до седьмого пота.

- Да куда ещё сильнее гонять? – делано возмутился майор, приглядываясь к возможности сожрать коня, столь заманчиво подставленного под удар чёрной пешки. – Группы и без того с БЗ на БЗ скачут.

- Были бы группы, а возможности для их более плотного применения всегда найдутся, – Шипунов ждал, когда май-

ор вляпается в расставленную ему ловушку, но тот медлил.

- Съем-ка я твоего коня, – так и не разглядев подвоха, Федин убрал вражескую фигуру и водрузил на его место свою пешку.

- Шах! – обрадовано возвестил Шипунов, выдвигая на первый план прятавшуюся до поры до времени королеву.

- Мат, – оглядев собственную позицию и не увидев возможностей к отступлению, майор признался в собственном поражении.

- Вот так-то! Теперь-то ты понимаешь, что зря академиев не кончал?! – подначил подполковник, сгребая с доски всё оставшиеся на ней фигуры.

- Ага, понял. А я-то всё думал, почему это отдельные наши генералы расстояние на карте локтями мерят. А они, оказывается, в академиях по шахматной доске учились. Клеточки ровные – «квадратичные». Двинул фигурку, и она пошла, а тут оба – на: «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». А про то, что эту фигурку поить, кормить, одевать, обувать, имуществом обеспечивать надо – никто и не вспомнил. А зачем? Нет у половины наших групп внутригрупповой радиосвязи, и хрен с ней. А что, подумаешь... ерунда какая – что, голоса нет? Охрип – флажками...

- Точно! – поддержал юродствующего Федина полнотью с ним согласный комбат. – Дадим группникам флажки, и пусть машут. – И тут же с горечью: – Мы уже сколько раз новые «Акведуки» пробить пытались, и что? – он собрал остававшиеся на столе фигурки и бросил внутрь шахматной доски. – Начальник связи старые списать не может – срок службы у них, видите ли, не вышел, а то, что они вовсе не на складе лежали, всем по барабану...

- Эх! – с притворным огорчением вздохнул майор. – Надо было и мне в академию учиться ехать – два академика уж точно бы придумали, как не задумываться над такими

«мелкими» вопросами! Нет, правда, как только пойму, что жить не могу без шахмат, обязательно попрошусь в академию!

- Да ладно тебе юродствовать! – подполковник отложил шахматную доску на край стола. – Ты лучше поди наших ОРОшников разгони, а то обленились, сволочи. Может, кого на БЗ отправить?

- Думаю, не стоит, – возразил майор, вовремя вспомнив, как в прошлую командировку такой же комбат, как и Шипунов, получал втык от начальства за подобную инициативу.

- Не стоит, так не стоит, – не стал настаивать командир отряда, полностью положившись на мнение начштаба. Настроение у него было не ахти, и он нутром чувствовал postponement очередных «сверхмудрых» задач, которые, собственно, и не заставили себя ждать.

- Товарищи офицеры! – скомандовал начальник штаба майор Федин при виде комбата, входящего в палатку Центра Боевого Управления – ЦБУ.

Полог за Шипуновым закрылся, и он, не глядя ни на кого, словно пребывая в задумчивости, махнул рукой: «Садитесь».

- Товарищи офицеры! – начштаба окинул взглядом усаживающихся на скамьи группников, сел сам на свой персональный стул и заскрипел им, пододвигаясь ближе к столу.

В этот раз командир отряда не стал рассусоливать и, кратко обрисовав общую ситуацию, сразу перешёл к основному вопросу совещания.

- От нас требуют взятие «языка», – он с осветившей лицо улыбкой оглядел оживившихся от такого сообщения офицеров и, погасив её, продолжил уже предельно серьёзным тоном: – Нам, как собственно и всем остальным отря-

дам, поставлена задача по захвату боевиков в плен, не на поиск баз, не на уничтожение, а именно на захват пленных. На этом внимание было акцентировано особо. Чтобы стало понятно: наверху предпочтут одного пленного десятку уничтоженных. Надеюсь, вам это дважды разъяснять не требуется?

- Угу. Делать им там не хрена... – угрюмо буркнул майор Вадим Гордеев, командир первой разведывательной роты специального назначения – высокий, широкоплечий, с шикарными усами, одним словом – красавец, но не только, а ещё к тому же умный, грамотный офицер. Поставленная задача его не порадовала.

Остальные тоже не слишком воодушевились полученным указанием. Брать чехов в плен, конечно, никогда не возбранялось и периодически это случалось, но и особой нужды в них до сих пор как бы и не было.

- А раз всем понятно, то жду результата. Всё, совещание окончено, – оставаясь сидеть за столом, Шипунов махнул рукой, отсылая всех прочь.

- Товарищи офицеры! – скомандовал начальник штаба, чтобы придать процессу вставания из-за стола хоть какое-то подобие порядка.

- Гордеев, останься! – оклик подполковника достиг ушей командира первой роты уже на выходе.

- ...не было печали... – на мотив песенки «уходило лето» пробурчал майор и, выполняя приказ комбата, развернулся навстречу людскому потоку.

- Так, Вадим, – обычно, если в беседах с ротными командир отряда переходил на имена, это не сулило им ничего хорошего. Вот и сейчас Гордеев мысленно почесал макушку, пытаясь вспомнить какой-либо косяк, за последнее время совершённый его доблестными подчинёнными. Но

ничего путного в голову не шло. Про раздолбанную радиостанцию комбат однозначно поставлен в известность не был, да и местные Кулибины её успели починить. Про то, что рядовой Лутонин вчера вволю нажрался водочки, комбат тоже не знал. Или знал? Если знал, то от кого? А может, кто напел командиру о намеченной на субботу пьянке?

Додумать майор не успел, комбат показал ему на карту.

- Ты местность в районе ...лы хорошо знаешь?

- Да был раза три-четыре, – машинально ответил Гордеев и мысленно успокоился: по всему получалось, волновался он напрасно.

- Около заброшенных домов был? – продолжал настойчиво допытываться Шипунов.

- Ну да, – Вадим отчётливо вспомнил несколько старых строений, находившихся на небольшом хребте и отстоявших от основной части селения на добрый километр, более того, от домов ...лы их отделял глубокий овраг, размытый бегущей внизу речушкой.

- По имеющимся сведениям, – доверительно сообщил подполковник, – данные строения служат боевикам перевалочной базой.

- Скорее уж базой снабжения, – поправил комбата Гордеев, тем самым дав понять, что слухи о снующих туда-сюда боевиках известны не одному Шипунову, а следовательно скорее всего являются именно ничем не обоснованными слухами.

- Как вариант, – не стал спорить комбат. – Тем не менее, информация требует проверки. Боевое распоряжение уже на подходе, одним словом, готовь первую и вторую группы.

- Понял, есть готовить первую и вторую группы! – ответил Гордеев и едва не усмехнулся.

Третья и четвёртая разведывательные группы уходи-

ли на боевое задание завтра утром, и можно подумать, что у него в роте имеются ещё какие-то разведчики, кроме как из первой и второй групп.

- А раз понял, то флаг тебе в руки. Пойдёшь командиром отряда! – подполковник улыбнулся, и ротный не смог удержаться, чтобы не буркнуть:

- Спасибочки! – особого желания лишний раз топтаться по заминированным окрестностям ...лы у него не было.

- Не за что! – вежливо парировал комбат, и его улыбка стала шире.

Всё же идти командиром отряда Гордееву не пришлось: в последний момент было принято другое решение. Первой на БЗ–боевое задание уходила разведгруппа под командою капитана Паламарчука. Ей предстояло выйти в район заброшенных строений и, организовав засаду, провести там четверо суток. Вывод ...второй группы первой роты под командою старшего прапорщика Ефимова планировалось осуществить, замаскировав под эвакуацию группы Паламарчука, в надежде тем самым спутать карты возможным вражеским наблюдателям. Ежели Паламарчуку будет сопутствовать удача, то в зависимости от ситуации, группа Ефимова либо отправится на усиление первой группы, либо произойдёт перенацеливание.

Минуло четверо суток. Паламарчуку не повезло или повезло, как считать? Но боевики в его поле зрения так и не появились. Близился момент эвакуации, и убывающая на боевое задание вторая группа первой роты вышла на строевой смотр.

- Командир группы, ко мне! – небрежно козырнул комбат, и Ефимов, направившись к командиру, зашуршал устилающей плац галькой.

- Товарищ подполковник, старший прапорщик Ефи-

мов по Вашему приказанию прибыл! – отрапортовал он, приставив ногу так, что из-под каблука полетел мелкий камушек.

- Все готовы? – спросил комбат, и Ефимов кивнул. – Местность знаешь? – и снова энергичный кивок.

- Так точно!

- Это хорошо! – взгляд подполковника Шипунова в этот момент говорил, что он «сама доброта». – Твоя задача организовать засаду как можно ближе к зданиям. При обнаружении противника сделать всё, чтобы захватить пленного. И мне начхать, сколько их будет и сколько при этом убежит! Начальство рвёт и мечет, требуя «языка».

- Клиника! – не мог сдержаться Ефимов от саркастического замечания. Комбат нахмурился, но спорить не стал.

- Возможно. Но если наваляете трупов, но ни одного живого чеха не захватите, не жди благодарностей. Это ясно?

- Куда уж яснее! – не по-уставному ответил Ефимов.

- Раз ясно, то встать в строй! – приказал Шипунов, и уже не обращая внимания на уходящего группника, громко скомандовал:

- Начальникам служб закончить проверку. Докладать.

И через пару минут новая команда:

- Направо! К машинам шагом марш!

**Старший прапорщик Ефимов –
командир второй разведывательной группы
первой роты специального назначения:**

«Если честно, то от этого выхода лично я не ждал ничего. Ни плохого, ни хорошего. Так, пустые посиделки. Хотя хорошее всё же было – в этой местности мне бывать пару раз приходилось, и как провести группу туда-сюда без особого риска подлететь на минах, я, слава богу, знал. Вот

только топтать предстояло прилично. Десантировать – то нас планировали со стороны... но и вовсе не с северной его окраины. Но да бог с ним, с расстоянием...»

- Командир! – эти рассуждения были прерваны Степаном Тулиным, моим заместителем – здоровенным бугаём контрактником, нагнавшим меня по пути к машине.

- Чи мегери? – наверняка моё произношение не выдерживало никакой критики, но мне хотелось надеяться, что услышь меня сейчас какой-нибудь афганец, он расслышал бы, что я всего лишь спросил: «Что надо?» ...или как-то так...

- Командир, – Тулин едва ли меня понял, но ему было достаточно того, что я обернулся. – У Каюмова желудок болит.

- Чёрт! – нельзя сказать, что эта новость меня шокировала, но всё же «терять» одного бойца, тем более пулемётчика, ещё не начав погрузку... У меня и так в группе некомплект в два разведчика, заболели они вчера, блин... Но оставить бойца сейчас, здесь – это всё же лучше, чем валандаться с больным по лесу.

- Каюмов, иди сюда! – я буквально ухватил за рукав попытавшегося прошмыгнуть мимо меня пулемётчика.

- Да я ничего, товарищ прапорщик, нормально! – сразу уловив суть вопроса, он попытался отвертеться.

- Остаёшься! – грозно изрёк я. – Усёк момент?

- Да в норме я, товарищ прапорщик! – попробовал оборониться Каюмов.

- Каюмов, я с тобой валандаться не собираюсь! – надо было покончить с этим и идти на погрузку. – А если у тебя аппендицит? Я что, из-за тебя сразу на эвакуацию пойду?

- Тарищ... – начал было пулемётчик, но мне надоело с ним спорить.

- В роту! – апеллировать ко мне было бесполезно. – Гранаты старшине сдашь. Тулин, к машинам, а ты в РОТУ!

- Не пойду! – заупрямился пулемётчик, в результате чего у меня появилось острое желание врезать ему промеж

ушей – надо же, какой гад, совсем страх потерял! Но мои намерения упредил громкий голос Шипунова.

- Ефимов, что у тебя стряслось? – спросил он, выглядывая из-за палатки центра боевого управления.

Странно, но ответил я вопреки своему собственному решению:

- Да вот лямки у Каюмова на рюкзаке подтягивали, – ответил, понял, что обратной дороги нет и, повернувшись лицом к пулемётчику, зло шикнул: – Вот только пожалуйся! Сам убью! – И уже громко: – К машине бегом!

Хотя какой толк бежать, если до ворот и стоявшей прямо за ними колонны два десятка метров? Никакого.

- В одну шеренгу становись! – подал команду опередивший меня Тулин. – Стволы вверх, заряжай!

Всё правильно, он как-никак мой заместитель, пусть командует. И почти сразу новая команда:

- Оружие на предохранитель! К машине!

Вот погрузка и завершена. Отдав свой рюкзак в кузов, топаю к кабине, у подножки останавливаюсь и заряжаю оружие. Ну, теперь можно и грузиться. Впереди пыхтит чёрным дымом БТР. Непонятно, то ли движку кирдык, то ли воздушный фильтр забит. Надо будет с водилой поговорить. А то, если фильтр, то двигатель и впрямь угробить можно.

- Трогаем! – команду своему задумавшемуся о чём-то водиле, и тот, отойдя ото «сна», включает первую передачу. Всё, ворота контрольно-пропускного пункта и палатки пункта постоянной дислокации пока ещё медленно, но уверенно уплывают вдаль.

- Водителю БТРа скажи, – снова обращаюсь к водителю «Урала», – пусть «воздухан» посмотрит, может, почистить надо. Видишь, как чадит?

- Да знает он! – отмахивается от моего совета водила. – Всё никак не соберётся. Времени у него нет! – чувствуется, что он бы наверняка сплюнул от досады, вот толь-

ко стекло закрыто, а на пол не хочется.

- Курите? – спрашивает он, и я почти машинально отрицательно качаю головой.

- Я тоже, – ставит меня в известность водитель, удовлетворённо улыбаясь. И к чему спрашивал? Непонятно. Курить бы он мне всё равно не запретил... Что ж, едем дальше. Машину на многочисленных ямах немилосердно трясёт, разгрузка на каждом подскоке даёт ощутить собственную тяжесть. Впрочем, не так уж и сильно, к тому же совершенно привычно. Вскоре проскакиваем небольшой городок и устремляемся на юг. Ехать нам прилично, можно даже вздремнуть. Вот только уснуть не получается – тряско. Хотел бы спать по-настоящему, тогда бы конечно, а так... Что-то эта командировка мне не в тему – ну никак, и приехал не так давно, а тоска. Может, старею? Нет, наверное, и правда пора завязывать, и возраст, и дочери обещал, и вообще везенье бесконечно длиться не может – так что крайняя командировка и больше ни-ни. Никаких войнушек, тихо-мирно дослужить до пенсии, а там...

Из раздумий меня вывел скрип тормозов. Вот чёрт, уже приехали! Как быстро! И впрямь уснул, что ли? Вроде только глаза пару раз прикрыл... Хм...

- Десантируемся! – я неторопливо спустился с подножки на землю и ударил кулаком в кузов: – Живее, орлы, живее!

После тёплой кабины набежавший ветерок показался весьма свежим, невольно подумалось о том, как бы не взбодрило ночью. Время-то к осени, и одного лишь взятого с собой свитерка в комплекте с летним спальником может оказаться недостаточно. Хотя с другой стороны – чай, не зима на дворе. Лишь бы дождя не было, а в остальном провёмся. У меня ещё и плащ-палатка есть, вещь на БЗ незаменимая...

- Шустрее орлы, шустрее! – приходится торопить, я вижу, как ко второму «Уралу» бегут бойцы Игоря Паламарчука. А вот он и сам неспешно выполз из леса и потащился в мою сторону. Я-то, уж было подхватив рюкзак, приготовился юркнуть в тень ближайших деревьев, ан нет, Игорюха машет мне рукой, пришлось остановиться и ждать.

- Серёга, – начал он, ещё не дойдя, и я весь обратился во внимание. – Местность знаешь?

Я, сразу почувствовав какой-то подвох, настороженно кивнул.

-С юга от строений хребет, что над ручьём по дуге идёт, помнишь? – издалека начал Паламарчук, он-то уже не торопился.

- Ну да, – я снова кивнул.

- Аккуратнее, мы там три нажимника сняли. – Сообщение было не из приятных.

- А я там не пойду и даже не собирался. – Сказав так, я нисколько не погрешил против правды. Подойдя к этому самому хребту, я рассчитывал только перевалить через него и двигаться дальше по гребням – то есть по таким местам, где умный минировать не станет, а глупый поленится. Впрочем, там тоже существовала возможность подлететь на минах, особенно в окрестностях давно заброшенных, древних баз, которых только на моей памяти в тех местах было обнаружено четыре штуки.

- Ну, тогда ой, – Игорь Паламарчук улыбнулся, шлёпнул меня по плечу, и я, ткнув его в ответ кулаком в грудь, двинулся к лесной чаще.

- Ни пуха, ни пера! – привычное пожелание. И такой же привычный посыл:

- К чёрту! – и мысленно самому себе: «И пусть нам повезёт». Самое главное не уточнять в чём же это везение должно состоять, а то везение везению рознь, и то, что для

одного везение, для другого неудача...

- Командир! – рядом снова нарисовался мой незамеченный Тулин.

- Топаем, топаем, – я не дал ему закончить, указав рукой в сторону лесных зарослей. Сомневаюсь, что у него имелось ко мне что-то важное, а если имелось, то не забудет и скажет... позже.

А лес в этом месте оказался почти непролазным. Под высокими буками разросся разнообразный подлесок – молодой, тонкий и невообразимо шипастый. Пока продирались на более-менее прореженный участок, высадившая нас техника, благополучно помесив грязь на глинистой дороге, развернулась и покондыбала в обратную сторону. Что ж, если повезёт, то скоро группа Паламарчука будет есть мясо «по-французски» и париться в бане. Хотя стоит ли им завидовать? Пока мы будем сидеть в засаде, их, глядишь, уже куда-нибудь снова выпрут. Так что... И кому из нас повезло?

- Чи, – произнёс я и, остановившись, невольно задумался над вопросом, почему мне так стабильно «везёт» со средствами внутригрупповой связи, а точнее с их полным отсутствием? – Чи, – повторил я снова, поняв, что шедший впереди рядовой Иванов меня не услышал. После второго «чи» он наконец-то обернулся. «Садимся. Связь». – От дороги мы отошли, теперь следовало связаться с «Центром» и сообщить «о нашем благополучном десантировании».

Не успели мы рассредоточиться на местности, как из зарослей за моей спиной вылез всё тот же Тулин. Видно, вопрос ко мне так и не улетучился из его памяти.

- Секундочку! – я поднял руку. Если он ждал пока мы шли, то ещё пару мгновений, до того, как я сообщу координаты местности нашему радисту, как-нибудь подождёт.

- Иванов, – вновь окликнул я своего радиста. – Доставай блокнот, пиши: – Десантировался по координатам

Х... У... У меня три пятёрочки, начинаю движение в район поиска. Записал?

Тот сунул мне под нос сделанную запись, и я удовлетворённо хмыкнул. Теперь, наконец-то разобравшись с радистом (он, записав текст, начал передавать радиogramму в отряд), я повернулся к своему заместителю.

- Ну и? – мне было непонятно, что могло заставить моего заместителя так суетиться.

- Командир, косяк! – трагичным шёпотом известил меня Тулин. Я напрягся в ожидании чего-то уж совсем нехорошего. – Барин, баран, прицел угробил!

Фу ты! – я даже испытал какое-то облегчение. Поломка оптического прибора не самое страшное на войне, было бы хуже, если б он его потерял. Но облегчение от ожидания худшего быстро улетучилось, и во мне начало нарастать глухое раздражение.

- И каким образом? – мне вспомнилось, что у Барина – снайпера из тыловой тройки – это было далеко не первое косяк. И вот теперь ещё этот чёртов прицел. Хорошо, если сломалось что-то так, по мелочи, а если полный кирдык? Ни ротный, ни комбат спасибо точно не скажут, списывать полгода будем.

- С «Урала» прыгал ну и... – пояснил Тулин и махнул рукой, всё остальное было понятно без слов.

- Ясно, о борт зацепил, значит. – Мне почему-то и сразу подумалось именно об этом. – Вот придурок! Ладно, чёрт с ним! После БЗ разберёмся.

- Угу, – поддакнул мой заместитель, но как-то так неуверенно, что я всерьёз обеспокоился моральным и физическим здоровьем Барина. Мне ещё не хватало для полного счастья, чтобы боец на задании ещё и в ожидании предстоящего нагоняя дёргался.

- Ты вот что, Степан, сейчас больше не матери его, не надо, да и вообще замни тему, скажи, что спишем.

- Не вопрос! – отозвался Тулин, видимо обиженный моей столь спокойной реакцией на происшествие. Что ж, пришлось малость его воодушевить.

- Сейчас его третировать ни к чему, а после боевого задания в зиндан гада! – зинданом у нас именовалась глубокая яма, вырытая на задворках ПВД. – Но пока об этом ни-ни! – я всё же решил окончательно раскрыть ему свои карты. – Не будем нарушать морально-психологический климат. – И без всякого перехода: – Вопросы?

- Командир, я всё усёк! – мой заместитель довольно ослабил и, развернувшись, растворился за зеленью ветвей.

Вот ведь чёрт бы побрал этого Барина – ещё одной головной болью больше стало! Хотя, если вдуматься, какие у меня головные боли? Да никаких, разве что находиться четверо суток на одном месте без движения обрыднет хуже горькой редьки. Но, в конце концов, не такая уж это и великая тяжесть – сидеть на попе ровно и бездельничать. По уму, мне бы надо с собой книжку взять... А что, у меня радист в первой командировке так и делал, пока я ему по ушам не настучал. Нет, уж коли чувствуешь в себе силу непомерную, лучше пару лишних пачек патронов захвати...

- Передал, – довёл до моего сведения младший сержант Кашкин – старший радист моей группы. Если он думал, что я за это сообщение скажу ему спасибо, то был сильно разочарован, настроение у меня было не то.

- Ты не болтай, бестолочь, ты радиостанцию сворачивай! – вот обормот, уже сотню раз говорил ему: «Передал информацию – сразу готовься к движению», а ко мне – только если вопросы появились. Чего лишний раз языком тренькать?! Хотя, может, и зря я его ругаю, по вопросу организации связи к нему претензий нет, если что с приёмом-передачей не ладится, то сразу туда-сюда метаться начинает и если потребуется, то хоть на дерево полезет, но своего добьётся.

Проблем со связью у меня ещё не было. На крайний случай, он тонами с дежурным радистом общается. Не морзянкой, нет, у них там какие-то свои собственные договорённости имеются – коротко и по существу. Так что он хоть и бестолочь, но не самая большая. Во всяком случае, на порядок меньше, чем тот же Баринов.

Вот что говорил: я и додумать не успел, а Кашкин водрузил рюкзак на плечи, можно топать.

- Чи, двигаем, – теперь азимут 20-25 градусов и, почти не останавливаясь, до пересечения нашего пути с ... мсом. Речка такая ...мс. Вот на его берегу мы и заночуем, всё одно до темноты в район заброшенных строений нам не добраться. А вот с утрачка... не спеша и двинем. Там и идти, собственно, не так много – три раза переб... В общем, к обеду на месте наверняка окажемся, если ничего из ряда вон выходящего не случится.

Всё, топаем. Да, места знакомые – в прошлой командировке ходил я здесь, а вот надо же, ни хрена не угадывается! Лес и лес, разве что вон то здоровенное бревно, что лежит на обочине много лет назад брошенной дороги. Но мало ли похожих брёвен по лесу валяется? Хотя такое огромное... Нет, всё же это именно оно, значит, скоро начнётся долгий спуск вниз. Спуск почти пологий, но с многочисленными, идущими поперёк нашего пути овражками и оврагами. Морока ещё та. Но два раза я здесь уже ходил, третий будет ещё легче, тем более, что в те разы шёл дождь, было мокро и склизко. У меня тогда боец чуть руку не сломал – поскользнулся, прилично ударился, но всё же отделался только ушибом. Но не будем о грустном...

К руслу ..мса мы выбрались к вечеру, как я и рассчитывал. Переходить на другой берег не стали, смысла не было, выбрали местечко поудобнее и обустроились на ночную за-

саду. Впрочем, ничего существенного я от этой засады не ждал, не то, чтобы место было такое уж «не рыбное», вовсе нет, скорее даже наоборот, вот только по теории вероятности свою удачу по «результатам» мы на этой речке давно выбрали. И я тут со своей группой как-то неплохо с чехами схлестнулся, да и другие наши ребята в прошлые мои командировки в его русле не единожды порезвились. Так что... Одним словом, как там в присказке: «Снаряд дважды в одну воронку не падает?» В общем, где-то так. Речушка сама по себе одно время чехами очень уважаема была, но это пока мы им ходить по ней охоту не отбили. Да, были времена, однажды мы близ ...ной в его русле даже Шамиля Басаева ждали. По наводке. Но он, гад, так и не появился, то ли агентурные данные подвели, то ли он свои планы поменял, то ли нас на выходе просчитали, кто знает? Но на нет, как говорится, и суда нет. Не пришёл и не пришёл. Чёрт с ним. Мы не очень-то и жалели. Его черёд когда-никогда, а наступит...

Ночь я проспал словно младенец – короче, раз пять просыпался, трижды обходил посты. Одним словом, ни фи́га не выспался, но всё одно окончательно проснулся, когда ещё только-только забрезжило – если я всерьёз рассчитывал выбраться к окраине заброшенного хутора до обеда, то выйти следовало как можно раньше, то есть как только окончательно рассветёт. А раз так, то надо было трубить подъём моим охламонам. И в первую голову следовало растолкать радистов, чтобы они обежали всех прочих.

К моему удивлению, оба моих преданных нукера не спали: и Кашкин, и радист номер два рядовой Сергей Иванов сидели тишком и мирно «рубали» тушняк. Интересно, и как это я не услышал звуки раздираемой упаковки от галет? Странно. Старею...

- Так, воины ислама – жрём-с?! Жрать – поросячье

дело, так что ты, Кашкин, на месте, а ты, Иванов, бегом по тройкам – общий подъём. Через сорок минут – начало движения.

- Товарищ прапорщик, пару минут! – Иванов умоляюще кивнул в сторону наполовину опустевшей банки с тушёнкой.

- Добро! – я не стал настаивать – по здравому размышлению из-за пары минут устраивать сыр-бор не имело смысла. Пусть дозавтракивают... тьфу ты, господи, доедают.

В две минуты на «порубать» Иванов, конечно же, не уложился, зато пробежался по троечкам довольно оперативно.

- Командир! – я услышал за спиной негромкое шуршание и обернулся. – Всех предупредил! – отчитался появившийся из сумерек радист.

- Ма-ла-дец! – ленивым взмахом руки я отослал Иванова прочь, а сам озаботился хлебом насущным. На завтрак у меня были припасены галеты и две банки паштетов – сосисочный и печёночный. Совсем даже неплохо, особенно со сранья, то бишь спозаранку. А солнышко на горизонте уже наверняка (до низинки, в которой мы сидели, ему ещё добираться и добираться!) высвечивалось алым, сквозь серо-сизую дымку утреннего тумана. Ещё чуть-чуть, и станет совсем светло. Как раз не спеша «помоционимся», поедим и потопаем...

- Командир! – из тонкой полосы тумана выполз старший сержант Тулин. Кто бы сомневался, что это именно он. Он всегда так делает: прибывает поутру «на уточнение задачи». Собственно, не он это придумал, так было заведено предыдущим командиром группы, я же ничего менять не стал в надежде, что вскоре ему это самому надоест. Не надоело.

- Что-нибудь новенькое есть? – он присел, почёсывая макушку.

Ну что ему сказать? Что ничего за ночь не «вывелось» – и сразу отправить обратно? Но ведь человек шёл, старался, так сказать...

- Стёп, делаем так: сейчас переходишь русло и сразу забирай влево, – я начал повторять ему уже сказанное с вечера, – там будет дорога. Если на ней есть кабанья тропа, то наверх поднимаешься по ней, если нет, пересекаешь по прямой и двигаешься параллельно ей. Выходишь на хребет, там особенно внимательно смотри под ноги, можете и миноискатель достать. – Про миноискатель я так, на всякий случай, вскользь. Ясно, что доставать его мои лоботрясы не станут, поленятся, да и держать группу на склоне лишнее время не будешь. – Хребет пойдёт строго на восток, – мне не нужно было вынимать карту, чтобы в этом удостовериться, я помнил, – ты же пересекаешь его и топаешь по азимуту сорок-сорок пять градусов. Чуть вправо – чуть влево значения не имеет, сплошных минных полей здесь нет, а базы, что попадутся на пути, древние, как бивень мамонта, там все мины уже давно зверьё разминировало. Но всё равно повнимательнее. Времени у нас достаточно, так что не спеши, гляди по сторонам, особенно на подъёме.

- А когда я спешил? – замкогруппы улыбнулся. Действительно, вот в чём-чём, а в спешке моего зама упрекнуть сложно. Тащится как... блин, слов даже не подберу. Порой группа так плетётся, что хочется догнать его и настучать сапогом по темечку, но я буду не прав. Почему? Потому что Тулин идёт первым, он ведёт за собой остальных, зачастую именно он берёт на себя ответственность, где и как пройти. Да и первая пуля, если что не так, то ему. Потому и молчу в тряпочку. Идёт медленно, значит так надо, тем более, что когда приспичит, подгонять и не требуется, только успевай догоняй.

- Ну да, – наконец соглашаюсь я и улыбаюсь ему в ответ. – Когда старую базу пройдёшь, метров через триста

подъём на очередной хребет. На него выползешь, уйди влево, займи с тройкой позицию поудобнее и жди, пока вся группа не подтянется. Что и как делать потом, я тебе свистну. – Я замолчал, мучительно соображая, всё ли так хорошо помню, как рассказываю? Если память мне не изменяет, то с того хребта открывается вид на нужные нам постройки. С него я планировал некоторое время понаблюдать, а уже затем троечками передислоцироваться чуток поближе. – Вопросы есть?

Степан отрицательно качнул головой. Вот и славноенько.

- Раз нет, тогда ступай завтракай и... – я взглянул на часы, – через двадцать пять минут топаем.

- Уйма времени! – Степан ухмыльнулся, оттолкнувшись рукой от влажной поверхности почвы, встал и не спеша направился к головной тройке. Действительно, двадцать пять минут – это прилично, пожалуй, я ещё десять минут успею полежать на коврике – спину погреть, а то что-то с утра свеженько стало.

Выдвинулись мы строго по расписанию и через час уже начали спуск по другую сторону хребта. Вот тут-то нас и ждала первая неприятность. Тулин остановил группу, и вскоре я увидел приближающуюся фигуру зама. Его скверная привычка сновать туда-сюда уже стала изрядно раздражать, в конце концов, проще было бы вызвать в голову группы меня...

- Командир, «засада»! – тон, которым это было сказано, сразу же дал мне понять, что он имеет в виду не настоящую вражескую засаду, а какую-то внештатную ситуацию.

- И что на этот раз? – с ледяным спокойствием спросил я. А как по-другому, если он едва ли не на каждом боевом задании натыкался на какие-нибудь неприятные сюрпризы?

- Я ПФМку нашёл, – своим сообщением он меня слегка разочаровал, одиночные ПФМ где только ни валялись. Но что заметил, а не наступил, молодец. Я уже было хотел сказать об этом Тулину, когда увидел в его руке плоскую пластинку с фигурными вырезами. – «Оба на, приехали». Если судить по этому «разведывательному признаку», то найденная ПФМ была здесь вовсе не одинока. И то, что на карте в этом месте наших минных полей не было, меня вовсе не успокоило. Насколько я помнил из инструктажа ба-альшого инженерно-сапёрного начальника, лётчики при установке минных полей иногда ошибались на... но об этом лучше не думать. Итак, впереди, скорее всего, располагалось минное поле, старое, забытое, частично самоуничтожившееся, но, как говорил небезызвестный жулик в «Бриллиантовой руке», «Достаточно одной таблетке», в нашем случае одной неудачно подвернувшейся под ногу ПФМ. Невольно вырвалось (хорошо, что хоть только в мыслях):

«Чёрт бы побрал эти мины! – идти по минному полю не хотелось, но оно явно есть, с другой стороны, я здесь уже дважды бывал и ничего, но оба раза тогда мы шли чуть точнее...»

- Чёрт! – я мучительно соображал. – Сейчас мы на склоне. Сомнительно, что на нём может быть много мин, их с него, скорее всего, давно стащило вниз, а вот у подножия...»

- Степан, – я принял решение, – сейчас берёшь вправо по склону и не спеша проходишь метров двести, потом начинаешь спуск. А там дальше, как и планировали. – И чтобы слегка подбодрить: – Я там пару раз уже ходил.

Тулин угрюмо кивнул и, ничего не сказав, почапал в обратную сторону. И смысл его подбадривать? Он сам кого хочешь подбодрит.

Эти двести метров дались нам гораздо тяжелее, чем

думалось. Через полсотни метров склон мало того, что зарос чащобником, так еще слева оплыл крутым обрывом, оставив нам лишь узкую полоску в несколько шагов от заминированной чехами, как я теперь знал от Паламарчука, вершины хребта. И гарантий в том, что боевики не установили хотя бы один-два нажимника, в чащобнике не было никакой. Бойцам я, правда, об этом решил не говорить, так и шёл молча, сопел себе в тряпочку. Повезло, а может, действительно в чащобнике не оказалось ни одной мины, но дошли до места поворота и спустились мы вниз вполне благополучно. Когда же миновали старую базу, я вздохнул почти спокойно. Дальше до самого нужного нам хребта простирались сплошные неудобницы, уж где-где, а здесь минированием чехи стали бы заниматься в последнюю очередь. В конечном итоге до запланированной мной точки мы добрались без проблем.

Вид на заброшенные строения с хребта открывался прекрасный, даже лучше, чем мне помнилось, а если поднести к глазам бинокль, то и вообще старые дома лежали как на ладони. Едва осознав это, я принял неожиданное и, как потом оказалось, правильное решение.

- Чи, старших троек ко мне! – повинуюсь команде, отданной в обе стороны людской цепочки, бойцы начали передавать её дальше, и через несколько минут все старшие троек собрались подле меня. Я же, усевшись на «подпопник» – маленький коврик, имеющийся у каждого разведчика именно для такого случая, – разложил на коленях автомат и сделал жест рукой, приглашая прибывших садиться рядом.

- Все видят вон те строения? – моя рука указала сквозь редкую листву укрывающего нас кустарника в сторону раскиданных в полукилометре зданий.

- Угу, – как-то неуверенно прогундел Кирилл Квашнин – сержант, старший первой тройки ядра, черноволосый,

с заметно раскосыми глазами, тонкий и гибкий, роста чуть выше среднего.

- Это значит, нам к ним переться? А смысл? – Тулин, как всегда, не мог не высказать собственного мнения. Я только улыбнулся. Общую задачу они знали, а конкретику, как обычно, стоило уточнять на месте.

- А мы туда и не пойдём, – бессмысленно было затягивать озвучивание своего решения. – Устраиваем засаду здесь. Гриша, ты, – мой взгляд остановился на сержанте контрактной службы Потапове, старшем второй тройки ядра, – со своими перекрываешь хребет с севера, первая тройка ядра с юга, тыл остаётся там, где и сейчас, и ведёт наблюдение в сторону запада. А ты, Степан, со своими орлами переходишь вот сюда, в помощь тебе отряжаю обоих моих радистов. На фишке не меньше, чем по двое. Один из них – бинокль в зубы и постоянно наблюдает за домами.

- И ночью? – Тулин усмехнулся.

- И ночью. Вдруг какой дурак решит себе фонариком подсветить. Обо всём необычном сразу доклад мне. Вопросы? – держать бойцов подле себя и дальше не имело смысла. Задача была поставлена, можно расходиться.

- Если чехи выйдут, валить? – Потапов задал, казалось бы, странный вопрос, но в свете последних указивок он не выглядел таким странным.

- Валить, – решительно отмёл я все другие варианты. – Какие могут быть сомнения?

- А «язык»? – поднял он волновавшую всех тему.

- Сперва валить, потом посмотрим, – и чтобы окончательно поставить точку в этом вопросе: – Будут наличествовать просящие пощады, вот их в плен и возьмём.

Тулин улыбнулся, видимо, представив подобную картинку. На его памяти в плен вроде никого ещё не брали. А что касается поставленной задачи – не жили хорошо, нечего и начинать.

- Ещё вопросы есть? – с «советом в Филях» пора было заканчивать.

- Никак нет, – ответил за всех рядовой Игошин, старший тыловой тройки, и первым начал подниматься на ноги.

- А раз нет, – по «коням», – я улыбнулся. А почему бы не улыбнуться? Погода – отпад, местечко для засады – лучше не придумаешь, и вообще «всё чинно, благородно». Сейчас обустроимся, пройдуся, погляжу занятые позиции, перекушу и спать. Не жизнь – малина. Теперь лишь бы не сглазить и чтобы дождь не пошёл.

До часу ночи я дважды обошёл посты охранения, неплохо промёрз и, вернувшись на свою днёвку, зарылся в спальник, дав себе слово вылезти из него только когда воздух достаточно прогреется от лучей поднявшегося над хребтом солнца. Увы, сдержать собственное обещание мне было не дано.

- Командир, чех! – я открыл глаза и увидел в утреннем сумраке склонившееся надо мной лицо Тулина.

- Чех? – я не сразу въехал в ситуацию, требовалось некое пояснение.

- Лаврик, – Степан назвал кликуху Вадима Лаврикова, пулемётчика своей тройки, – видел, как в селение чех прошёл.

- Точно? – сонливости как и не бывало. Отбросив плёнку и спальник, я поднялся на ноги.

- Он ствол видел, – пояснил Тулин, яростно почёсывая накусанную гнусом макушку.

Чтобы согнать с лица остатки сна, мне хватило одного этого заявления.

- Пошли! – поправив разгрузку, я подхватил автомат и, пригнувшись под нависающую ветку, направился к головной тройке.

- Вон там он сидит! – правой рукой Лавриков держал бинокль, а левой сквозь листву тыкал в окружающую

ерспективу. Понять, куда ведёт его указующий перст, было невозможно.

- Конкретно, в каком доме? – я не бабка-угадка, чтобы вычислять требующийся объект на расстоянии.

- Третий слева, – пояснил присевший за моей спиной Тулин, и я, забрав из руки Лаврика бинокль, поднёс окуляры к глазам. Взгляд побежал по мгновенно приблизившимся строениям. На третьем слева он замер. Стоявший в центре поселения небольшой, можно сказать, совсем крохотный, невзрачный домишко в другое время вряд ли привлёк бы моё внимание. Увы, разглядеть в глубине помещения занякавшегося моджахеда не представлялось никакой возможности.

- Давно? – спросил я, имея в виду время, прошедшее с момента появления боевика.

- Минут пять. Лаврик как только сказал, я почти сразу подумал: надо командира будить и побежал...

- Понятно, – произнёс я, задумываясь над нашими дальнейшими действиями. По любому выходило – если мы рассчитывали на захват пленного, медлить было нельзя. Зачем он пришёл и на сколь долгое чеховское пребывание в доме мы могли рассчитывать – неизвестно.

- Лавриков, Тулин, со мной! Кашкин, – мне пришлось окликнуть своего дремавшего подле радиостанции радиста, – остаёшься за старшего. Ивахненко, ты, – я обратился к проснувшемуся от суеты снайперу, – держишь дверь дома на прицеле. Если мы ещё будем далеко, а чех начнёт выходить, – вали. Только смотри, нас не перестреляй. Всё понял?

- Яснее ясного! – снайпер потянулся и, получив от Тулина указание, какой именно дом держать на прицеле, стал деловито устраиваться в лёжке.

- Иванов, пробегись по центровым тройкам, пусть пулемётчиков переместят на склон для наблюдения! – Уве-

ренности в том, что чех пришёл один, у меня не было. – В случае какого вострелона они нас прикроют.

И глядя вслед скрывающемуся за кустами радисту короткий приказ-команда:

- Двигаем.

Забирая чуть-чуть вправо, мы начали поспешный спуск вниз по склону. Те несколько сот метров по прямой, что разделяли место нашей засады и заброшенные строения, на реальной местности утраивались и учетверялись. Задача усложнялась ещё и тем, что хребетик, на котором располагалось селение, имел по большей части очень крутые склоны, и только в нескольких местах на него можно было забраться без особых проблем. Одно такое местечко мне помнилось, но чтобы выйти к нему, приходилось делать небольшой крюк, а это тоже, увы, время. Начав было сперва из-за этого нервничать, я неожиданно для самого себя сделал вывод: если фортуне суждено повернуться к нам попой, то она повернётся, и этого не избежать. Так к чему тогда торопиться и нервничать? И пошёл чуть медленнее. А начав подъём, вообще ощутил, как в душе наступило абсолютное спокойствие.

Наконец мы выбрались на вершину. Теперь следовало скрытно подобраться к интересующему нас зданию, но задачу осложняло то, что верхняя часть хребта была практически лишена растительности, разве что топорщились чахлые одинокие кустарники и только там, где начинались дома, плотной стеной стояли давно заброшенные яблоневые сады.

- За мной! – махнув рукой, я метнулся к правому склону и, перемещаясь от кустика к кустику, начал движение вперёд. Тулин и Лавриков, набрав соответствующую обстановке дистанцию, двигались следом.

До первого дома мы добрались вполне благополучно, а уже следующий был НАШ. Теперь, сидя под укрытием стены первого здания, мне следовало окончательно решить, как действовать дальше. О том, что здесь два года назад при попытке войти в один из домов на фугасе подорвались два наших бойца, я своим разведчикам благоразумно решил не говорить, а сразу перешёл к делу:

- Лавриков, ты остаёшься здесь и прикрываешь. Голова вертится на триста шестьдесят градусов: чех может быть не один. Степан, ты со мной. Я вбегаю в дом первым и ухожу вправо, ты следом и влево. Предохранитель снят, но стрелять только по команде. Команда – это чьи-либо выстрелы. – Хотелось бы думать, что их не будет вообще или, в крайнем случае, они будут мои, но мы предполагаем, а господь располагает... – Всё понятно?

Тулин молча кивнул. Говорить что-либо дополнительно не хотелось, да и не следовало. Теперь мне необходимо было решить, как действовать в самом начале: попытаться тихонечко открыть дверь в надежде, что движение не будет замечено, или привычно резко распахнуть и... Гранату бы сперва, но нельзя – комбат хочет пленного... Я задумался и после секундного замешательства выбрал второй вариант, ибо в первом случае шансы на успех были пятьдесят на пятьдесят. Пятьдесят на то, что возьму его тёпленьким, пятьдесят на то, что он успеет по мне выстрелить. И не факт, что промажет. Во втором шансов на то, что возьму его в плен, было немного. Он, скорее всего, успеет потянуться к автомату и мне придётся применить оружие, зато и риск подставиться самому был, по моим раскладам, совсем махонький – ведь что-что, а нашего появления боевик не ждал.

Удар плечом, как на моё счастье оказалось, в незапертую дверь и, продолжая движение вправо, я крикнул:

- Руки! – крик вылетел из глотки раньше, чем я успел

охватить взглядом одинокую, застывшую в изумлении фигуру. Не знаю, кто оторопел больше: он от моего появления или я от открывшейся столь неожиданной для меня картины. Чех совсем по-барски сидел за столом и жрал... СВИНУЮ тушёнку из советского образца жестяной банки, автомат валялся в противоположном углу, не стоял, не лежал, а именно валялся, брошенный подле сваленной на пол же разгрузки.

- Сидеть! – рявкнул появившийся вслед за мной Тулин, хотя боевик и не порывался встать.

- Руки за голову! – взгляд боевика метнулся на лежавший на столе нож. – Без фокусов! – два ствола впились ему в грудь. – На пол, лицом вниз, живо!

Ошарашенный чех повиновался, даже не пришлось применять метод принуждения в виде отдельно взятого приклада. Он упал на пол и притворился бревном.

Тулин щёлкнул предохранителем, ставя его на место, и без дополнительной команды опустившись подле боевика на колени, начал выворачивать за спину и вязать тому руки. Чех не сопротивлялся. Неизвестно откуда взявшаяся стропа быстро оплела запястья, теперь казалось, столь легко взятого «языка».

«Языка!» – сознание сего факта подвигло меня на проведение «экспресс – опроса».

Стащив с бандита шапку, я ухватился за его длинные волосы и, немилосердным образом приподняв от пола голову, задал первый пришедший мне на ум вопрос:

- Фамилия, имя, отчество?

- Доку, – пленник сглотнул подступивший к горлу комок. – Доку Саидов. – И видимо в порыве внезапной откровенности: – Полевой командир...

Лёгкость, с которой мне удалось разговорить пленника, навела меня на мысль продолжить допрос, тем более что по поводу его столь раннеутреннего появления в голове

бродили некие мысли. Откуда-то он ведь пришёл, не пёрся же он по лесам всю ночь...

- Где находится твоя база? – потребовал я. – Говори живо!

- Здесь, рядом, – пленник снова не стал отпираться. Что творилось у него на душе, не знаю, но, видимо, страх полностью довлел над его существом.

- На карте, покажи на карте! – потребовал я и, боясь упустить удачу, вытащил из разгрузки свою заламинированную карту местности. Развернув её на нужных квадратах, сообразил, что ткнуть ему в неё нечем.

- Развяжи руки! – услышав приказ, Тулин покосился в мою сторону, но протестовать не стал, разве что прежде ткнул ствол автомата боевику в спину и красноречиво щёлкнул предохранителем.

- Показывай! – одна рука боевика так и осталась завёрнутой за спину. Указательным пальцем второй, с трудом приподнявшись на локте, он ткнул в исток небольшого ручья, затёртого между двумя хребтами и к тому же распластавшегося едва ли не в центре оставшегося ещё с первой чеченской огромного минного поля.

- Точно? – чех кивнул. Я же взгляделся в карту, удовлетворённо хмыкнул и посмотрел на сидевшего в ожидании Тулина. Правильно истолковав мой взгляд, Степан завернул за спину и вторую руку боевика и принялся снова их стягивать. Делал он это нарочито грубо, боевик морщился от боли, но молчал.

- Как безопаснее всего подойти к базе? – надо было постараться выжать из бандита максимум информации.

- С восточной стороны, по балке, – ответил он, и я крепко задумался: уж не было ли с его стороны подставы? Но контуры местности говорили в пользу его слов. Судя по карте, именно с востока шли такие непролазные гребеня,

что заходить именно этим путём было смертоубийственно тяжело. Овраг на овраге и оврагом погоняет. А чем чёрт не шутит, ведь могло стать, что именно с этой стороны подход к базе мог оказаться без прикрытия. К тому же и вероятность наличия нажимников с этого направления была крайне мала. Что же касается минного поля, оно действительно было установлено столь давно, что едва ли от него что-либо осталось. У меня в голове закружились красочно расписываемые рискованные планы.

- Не врешь? – уточняющий вопрос, и неохотный кивок, словно к боевику начало приходить запоздалое рассказание. – Смотри, если напоремся на засаду, ты умрешь первым. Надеюсь, в этом-то ты не сомневаешься?

- Я знаю это, – я услышал почти спокойный ответ человека, смирившегося с неизбежным.

- Вот и славно! – теперь нам оставалось вывести бандита из дома и дотащить до группы. В то, что это легко осуществимо, мне не очень верилось. Что-то излишне ласкова к нам была ныне фортуна. Настолько, что это казалось затишьем перед грядущей бурей.

Отпустив голову боевика, я встал с колена и, запихав карту в разгрузку, сделал знак Тулину поднимать пленника на ноги. Сам же прошёл в угол и забрал чеховскую амуницию и брошенный им ствол.

- Живее, Степан, живее! – поторопил я Тулина.

- Сейчас, – прежде чем выполнить полученную команду, Степан разорвал валявшуюся на столе тряпку и, несколько раз перевив получившуюся полоску, взнуздal боевика подобно лошади.

- Чтобы не заорал не вовремя, – пояснил он, и я согласно кивнул. У меня тоже появлялась мысль найти нечто подобное кляпу, но я отложил её до прихода в группу. А вот Тулин откладывать не стал и правильно сделал.

- Степан, я выхожу первым, ты следом. Его впереди себя, понял? – исключать наличие сообщников было нельзя, потому – то я не столько вышел, сколько вывалился из домика, пригнувшись, шмыгнул под укрытие ближайших деревьев и, присев, сразу же начал озираться по сторонам. Но ничего подозрительного не обнаружил.

- Давай, давай! – несколько раз нетерпеливо повторил я, прежде чем в дверях показалась выгнутая назад фигура боевика. Следом, укрываясь за его спиной, нарисовался и сам Тулин. Медленно двигаясь, они отошли от дома и, наконец, оказались в тени сада. В какой-то мере можно было перевести дух. Пока нам продолжало везти.

- Стёпа, потихоньку отходи к Лавру, главное, не спеши, – старший сержант едва заметно кивнул и, по-прежнему укрываясь за спиной чеха, начал пятиться в сторону засеваемого в саду Лаврикова.

Возвращаться с боевиком «на руках» оказалось намного тяжелее, чем без него. Связанные за спиной руки создавали серьёзную помеху при движении, но давать чеху большую свободу действий мы не собирались. Тем более, что, как мне тогда казалось, спешить нам было некуда.

- Чи, – окликнул нас из кустов засевавший в них младший сержант Сивчиков – пулемётчик второй тройки ядра, выдвинутый на склон для нашего прикрытия.

- Уф, дошли! – выдохнул за моей спиной поднимавшийся следом за чехом Тулин. – Этого куда? – кивок на притихшего пленника.

- Пока тащи с собой, потом определимся, – думать над тем, что делать с захваченным боевиком дальше, не хотелось. Моя голова была занята другим вопросом, а именно базой. Душу грызло острое желание совершить налёт, но для пущей уверенности требовалось заручиться поддержкой вышестоящего руководства, всё-таки как-никак там на-

ходилось минное поле. И гарантий того, что от него действительно ничего не осталось, не мог дать никто.

- Кашкин, связь с «Центром»! Передавай: захватили пленного. Наши дальнейшие действия? – всё-таки информацию о наличии базы я решил попридержать, до конца боевого задания ещё уйма времени. Никто же не знает, что я уже знаю. Подумаю, поломаю голову, может, на что решусь, а может, и нет...

- Тарищ старший прапорщик, – вывел меня из раздумий обратившийся ко мне Кашкин, – «Центр» приказал выходить на эвакуацию по координатам X... У...

Опа, какой интересный поворот дела! А где это у нас этот самый квадрат с заданными иском и игроком? Карта моментально оказалась в моих руках. Мне определённо продолжало везти, вектор пути на эвакуацию практически совпадал с прямой, идущей к базе. Стоило «случайно» отклониться метров на триста, и столь вожделенный налёт становился вполне осуществимым! Это радовало.

- Степан! – окликнул я своего заместителя. – Давай старших троек сюда ко мне и... Барина тоже, у меня для него поручение.

- Иванов! – неужто мне и впрямь думалось, что Тулин рванёт исполнять мое приказание? Ага, счас! – Дуй по тройкам, и Барина сюда, давай в темпе!

В принципе, Степан прав, не дело заместителю командира простым «передатчиком» по группе бегать.

- Так, орлы, сейчас трогаем на эвакуацию, а по пути проверим то, что нам эта пташка нашептала, – взгляд скользнул по привалившемуся к дереву пленнику. – Вот здесь, – я указал точку на карте, – должна находиться база боевиков.

Сказав это, я с запозданием вспомнил, что не спросил чеха об их общей численности, но теперь «пытать» его уже поздно. Перегорел, поди. Пока снова запугаешь... Да и чёрт с ними, сколько ни есть!

- Будем брать? – подвёл итог Тулин.

- Будем! – Улыбнулся и добавил: – Совершим налёт по всем правилам военной науки. Если получится – подойти скрытно. Он, – тычок пальцем в сторону чеха, – вроде как безопасный проход указал, если соврал, там же и кончим. – Я постарался подмигнуть бойцам так, чтобы этого не заметил вслушивающийся в наш разговор пленник. Но тот, снова прикинувшись бревном, никак не отреагировал.

- Менять что будем? – почёсывая ногу, поинтересовался мой заместитель.

- Нет, всё штатно, кроме одного: ты с пленником идёшь в тыловой тройке.

- Командир, – Степан начал протестующее подниматься.

- Сиди, – осадил его я. – Вопрос не обсуждается. Кому, кроме тебя, его ещё поручить? Баринову, да?! Он за него, конечно, будет отвечать головой, для этого я сюда его и пригласил. Но ... – я хотел сказать «он и за себя-то не отвечает», но вспомнив об ушах пленника, прервался на полуслове. – ... Если что пойдёт не так? Если чехи зайдут с тыла или ещё что? Он его что, вытащит? Молчишь? Вот и молчи. Один раз головняк и без тебя перетопчется, а к медали я тебя и за пленного представляю.

- Да нужна мне Ваша медаль! – похоже, зам на меня всерьёз обиделся. Ну и шут с ним. Посопит, посопит и «оттает».

- Не нужна – так не нужна, – покладисто согласившись, я решил, что «совещание» пора заканчивать. – Вопросы, я думаю, не будет?

Сидевший ко мне ближе всех сержант Потапов хотел было что-то уточнить, потом кинул взгляд на зашевелившегося пленного и передумал.

- Пошли! – поднявшись, Степан Тулин шикнул на притихшего Баринова. – И этого забирай! – он ткнул ство-

лом в сторону сидящего и смотрящего на нас боевика.

- Я, да? – поставленный перед фактом снайпер выглядел растерянным.

- Ты, ты, – этому Бара...ринову ещё пришлось подсказать. – Всё, орлы, давайте в темпе по тройкам, остальным сами разьясните что как. Через десять минут – начало движения. Лавриков, ты идёшь первым! – не дело, конечно, пускать первым пулемётчика, но снайпера ещё хуже, к тому же Лавриков полкомандировки первым и ходил, пока вместо автомата ему не вручили пулемёт. Ничего, разок пройдет по старой памяти. Быстро я его не погоню, так что всё будет в норме... надеюсь...

- Вадим! – мы уже приготовились выходить, и я окликнул шагнувшего вперёд Лаврикова. – Не спеши и аккуратнее, этот гад может нам и подставу устроить.

- Угу, – угрюмо согласился пулемётчик, поудобнее перевесил ПКМ и бодрым шагом направился в сторону уходящего солнца.

Тыловая тройка

Бушевавшее в душе Тулина недовольство действиями командира никак не желало успокаиваться.

- Барин! – окликнул он насупившегося снайпера. – Этот пидор, – кивок в сторону пленного, – на тебе. Понял?

- А что я-то? – Баринов никак не желал признавать себя крайним.

- А потому что. Будь ты нормальный чел, я бы здесь не торчал! – похоже, Степан нашёл, на ком выместить своё раздражение. – Смотри за ним! Что хочешь делай, хоть привязывай, а если удерёт – сам убью! – сержант не заметил, как повторил любимую присказку своего группника. Его огромный кулак несколько раз прошёлся перед лицом опешившего от такого напора Баринова.

- Да я не против! Если надо караулить, значит, буду караулить. Без проблем! – Тут же повернувшись к пленнику: – Слушай, ты, ЧМО, дёрнешься бежать – пристрелю!

Тот что-то неразборчиво буркнул сквозь впивавшуюся в рот верёвку, но что именно – понять было невозможно, да Баринов особо и не пытался.

- Двигай! – поторопил он пленного боевика, и когда тот шагнул вперёд, двинулся за ним следом.

Цепочка спецназовцев, вытянувшись в длинную линию, медленно приближалась к цели. Тулин, шедший сразу же за рядовым Проскурниковым, автоматчиком второй тройки ядра, пригнулся, пробираясь сквозь заросли орешника. Когда же позади треснула ветка, он замер.

- Что за урод... – приглушённо выругался он и, выбравшись из кустов, стал ждать появления шедшего следом Баринова, гнавшего перед собой пленённого чеха. Наконец те появились из-за ореховых зарослей и стали приближаться. Успокоившись и решив не раздувать произошедшее, Тулин повернулся и продолжил путь дальше. За спиной снова раздался треск. Он мгновенно развернулся – пленный чех делал очередной шаг, а в том месте, где только что стояла его ступня, виднелась надвое переломанная ветка.

- С-сука! – прошипел Степан, едва сдерживая рвущееся на свободу бешенство. В три широких шага он оказался подле пленённого. Его здоровенный кулак въехал тому в ухо. Подхватив рукой падающее тело, Тулин сунул ему под нос приклад своего автомата.

- Ещё раз хрустнет... все рёбра переломаяю! – тихое шипение тем не менее не оставляло сомнения в неотвратимости наказания. – Усёк, сучара?

Чех съёжился и понятливо замотал головой.

- Топай дальше! – И уже Баринову, ещё тише: – Веди его, если что – пинка...

Боевое охранение базы боевиков

Стоявшего на фишке, а точнее лежавшего в охране чеховской базы Тимура Даудова насторожил вдруг раздавшийся в отдалении треск сломанной ветки. Он приподнялся на локте и, наморщив лоб, тщательно всмотрелся в переплетение ветвей. То, что он сумел разглядеть, ему сильно не понравилось.

- Ильяс! – яростно зашептал он, теребя за плечо своего спавшего напарника. – Ильяс, русские...

- А? Что? – обеспокоенно завертелся Ильяс, сладкий сон которого был нарушен столь неприятным образом.

- Тихо! – ладонь Тимура легла на лицо напарника, закрыв и рот и нос. – Русские...

- Понял, понял! – усердно закивал головой мгновенно побледневший Ильяс, а на его лбу моментально выступила капля пота. – Стреляем?

- Нет, – Даудов отрицательно покачал головой. – Предупреди остальных! – скомандовал он, забыв о лежавшей подле себя радиостанции «Кенвуд». Впрочем, включать её сейчас и пытаться «докричаться» до своих было излишне опасно, в безветренном лесу даже малый звук мог долететь до противника и выдать их.

- Бегу, – всё ещё по-прежнему бледный, разве что более вспотевший, Ильяс, пятась, начал отползать назад в спасительную глубину леса. Вот он наконец-то скрылся за ветвями и, встав на ноги, поспешил в направлении пока ещё ничего не ведающих подельников. А оставшийся в окопе Тимур вновь устремил свой взор в глубину леса, но ничего не увидел. В какой-то миг ему показалось, что он обознался, перенапрягшись в тревожном ожидании возвращения своего ушедшего на встречу со связником командира. Но вот в чаще снова мелькнула тень, затем на небольшом удалении ещё одна, ещё.

«Спецы», – теперь Даудов уже не сомневался, что видит перед собой русских. – Только бы остальные успели подтянуться, только бы остальные подошли вовремя! – молил он, а русские разведчики тем временем подходили всё ближе и ближе. Положение осложнялось ещё и тем, что Тимуру был виден только один небольшой участок местности, так что пока он ждал, идущие впереди спецы уже успели скрыться в зарослях орешника, и сколь близко они теперь находились, можно было только предполагать.

- Пора, пора, пора! – несколько раз повторил Тимур, наводя прицел на мелькнувшую в глубине леса фигуру, тщательно выцелил и мягко потянул спусковой крючок...

Старший прапорщик Ефимов

- Командир! – возглас Каюмова подстегнул меня не хуже удара плётки. Мне не было нужды гадать, что может означать этот крик. Ноги сами собой подломились, мышцы бросили навстречу земле, так что выпущенные по мне пули вошли в дерево на уровне высоты груди с небольшим опозданием. Даже моя голова успела опуститься чуть ниже. От чмокающего звука за моей спиной волосы на макушке зажили своей собственной жизнью.

- Чехи! – второе слово, вылетевшее из уст пулемётчика, достигло моих ушей под трескотню выстрелов. Я окончательно упал на землю, опустил предохранитель и скользнул за ближайшее дерево. Кто-то из бойцов уже открыл ответную стрельбу. Справа от меня срубило ветки, я выругался, приподнявшись на локте, заметил, откуда ведётся огонь и, почти не целясь, дал короткую очередь. Справа и слева огрызнулись выстрелами мои бойцы, на какой-то миг стрельба со стороны противника стихла, затем с недолётом начали падать ВОГи.

- Гриша! – я постарался докричаться до сержанта контрактной службы Потапова, который должен был находиться где-то слева от меня.

- На приёме! – сквозь выстрелы услышал я его голос, значит, слышит нормально.

- Работай по второму варианту, по второму! – отсутствие внутригрупповой радиосвязи вынужденно наложило на нас некоторые ограничения, так, для того, чтобы противник не понял отдаваемых команд, пришлось разработать собственный «засекреченный код». Вариант два означал стремительный фланговый обход.

- Принял! – на этот раз голос прозвучал едва слышно, а противник снова огрызнулся очередью. Пули потонули где-то в глубине чаши, мы ответили, окончательно прижимая вражеское охранение к земле. Я мысленно торопил бойцов Потапова. Следовало сбить, уничтожить охранение, прежде чем боевики на базе опомнятся и придут ему на помощь. Тем более что, судя по всему, противостоящих нам боевиков пока было никак не больше двух.

Тимур Даудов

Нажимая спуск, он вдруг понял, что опаздывает, совсем немного, совсем чуть-чуть, но это ничего не меняло – выбранный мишенью русский начал падать, падать сам, без помощи, без воздействия посылаемых в него пуль.

- Шайтан! – взыв от бессилия, Тимур сместил ствол ниже и снова нажал на спусковой крючок – длинная свинцовая плеть метнулась вслед ускользающему спецу, но вновь запоздала, а вот самому Даудову пришлось прятаться от хлестанувших над головой очередей. Он сжался на дне окопа, один за другим выпустил в направлении противника пять ВОГов, облизнул пересохшие губы, гусиным шагом

переместился по окопу и, вновь поднявшись над бруствером, быстро, два раза подряд выстрелил. Автомат щёлкнул опустевшим затвором. В глаза ударили песчинки, выбитые из почвы зелёного бруствера вонзающимися в него пулями. Тимур снова юркнул на дно окопа, трясущимися руками отстегнул магазин, достал новый. Пробившая тело дрожь никак не желала униматься, новый рожок удалось пристегнуть лишь с третьей попытки.

«Где Ильяс? Где остальные? – спросил он сам себя, начиная смещаться в дальний конец укрытия. Пули хлестали над головой подобно внезапно хлынувшему дождю.

- Аллах акбар! – вскричал он, но вышло довольно жалко. Досадуя на самого себя за сорвавшийся на фальцет голос, Тимур выпрямился во весь рост и длинно-длинно прошёлся слева направо по всему лесу, никуда конкретно не целясь, лишь стараясь удержать рвущееся из рук оружие, затем вновь опустился вниз и снова сменил позицию.

Продолжая стрелять, он стал молить бога о помощи. Он стрелял и молил, молил и стрелял, сменяя магазины, меняя позицию, забыв про радиостанцию и не зная о том, что его уже многократно пытались вызвать на связь, что помощник главаря уже трижды тупо орал в эфир, приказывая, требуя отходить, но Тимур его не слышал, не мог слышать. Он не знал и о том, что в конце концов боевики, вслушиваясь в разгорающуюся перестрелку, вручив судьбу Даудова Всевышнему, начали поспешное бегство. А бой продолжался. Тимур присел на дно окопа и приготовился выпустить очередной ВОГ, но в этот момент где-то на краю сознания появилось предчувствие чего-то стороннего, чего-то неправильного и недопустимого. Он начал поворачивать голову, но даже не успел зафиксировать взглядом возникшего на хребте разведчика. Короткая, хлесткая очередь взрезала его голову. Та лопнула, как переспелый арбуз, распухая тысяча-

ми больших и малых серо-белых и алых брызг. Мир умер, исчез, Тимур, уронив оружие, грузно повалился на стену окопа. Бой для него закончился, выстрелы начали стихать, наступила звонкая тишина.

**Старший прапорщик Ефимов – командир
второй группы первой роты ...того отряда
специального назначения ГРУ**

- Командир, косяк! – из-за кустов вынырнул неугомонный Тулин. Нутро сжало от нехорошего предчувствия. Впрочем, тут же подумалось: «косяк» – это не то слово, которым можно определять потери среди личного состава. Подумалось и немного отлегло.

- Чего у тебя опять? – если это снова Баринов, то оторву башку, точно.

- Там это... чех, – мой всегда уверенный в себе зам запнулся... Неужели гад удрал? Нет, невероятно, ладно Баринов, но Степан...

- И что? – с деланным спокойствием поинтересовался я, хотя внутри всё буквально клокотало в ожидании ответа.

- Да чех там... того... – слова находились с большим трудом.

- Да не тяни ты kota за хвост! – всё-таки из себя он меня вывел. – Если чех удрал, так и скажи!

- Да нет, он это... – Степан опять замялся. – Труп...

- Не понял? И кто?

- Что кто? – переспросил Тулин, не уразумев заданного вопроса.

- Кто постарался? – и, взглядевшись в непонимающую физиономию старшего сержанта, пояснил: – Кто его шлёпнул? Только не надо заливать, что при попытке к бегству...

При последних словах морда моего заместителя вытянулась.

- Да никто, он сам, то есть свои его... в спину, – теперь настала моя очередь удивлённо вытаращивать глаза. – Как только стрелять начали – он и рванул, я за ним, и тут его кто-то из своих... – И чтобы окончательно расставить точки над *i*: – Наши не стреляли точно! Я проверял!

- Вот ведь чёрт! – я судорожно сглотнул, не верить своему заму у меня оснований не было, не помню, чтобы он когда-нибудь врал. То, что пленный убит – очень хреново. Но то, что его грохнули свои, всё же лучше, чем если бы при попытке к бегству... Хотя с нашим комбатом не угадаешь. А то, что влетит мне по самое не горюй – можно не сомневаться.

- Веди, показывай! – чего уж теперь, теперь как есть, хорошо, что я не стал докладывать «Центру», что иду к базе, а то бы вообще кранты были. Сейчас хоть какой-то шанс отбрезаться есть.

- Угу, – обречённо прогундел Тулин и, развернувшись, потопал к тыловой тройке. Надо бы ему всё одно лекцию прочитать, мог бы и поближе к чеху в нужный момент оказать. Не дать ему подставиться, но что уж там, теперь поздно.

Идти долго не пришлось – тыловой разведдозор отстоял от головняка метров не больше ста. Труп с неестественно скрюченными ногами я увидел, не доходя до него метров пятнадцать. Он лежал под деревом, и из-под него на зелёную, примятую при падении траву всё ещё вытекали тёмно-рубиновые капли.

- Баринов, сука, иди сюда! – моё шипение разлилось по окружающему лесу. – Я тебе что, сука, говорил?

- Я, тарих прапорщик! – вид у снайпера был пришибленнее некуда. – Я его носом ткнул в землю, залёт, а он как вскочит, как метнётся назад! Я – за ним, а он уже пада-

ет, думал – споткнулся, гляжу – кровь. – Рассказывал он на удивление складно, видно, долго готовился.

Вот ведь чёрт! Он бы ещё комбату так же живописал, а то вызовет его Шипунов, он дар речи сразу и потеряет. Н-да, следовало бы провести над телом Барина определённую работу, так сказать, массаж почек и ещё чего несущественного, но с другой стороны, его большой вины в произошедшем вроде как и не было. И вот что самое противное: пуля, прилетевшая в Саидова, была шальной. С позиции пулявшего по нам чеха место, где наш пленник был убит, было сокрыто сплошной стеной кустарника и листвы, возможно, его вообще убило рикошетной пулей. Вот дела, теперь ничего не попишешь, имеем то, что имеем. Может, комбат сильно гнобить и не станет, не знаю. Но то, что спасибо не скажет – это точно. Иметь на руках «языка» и так бездарно его потерять!

- Ладно, Барин, живи, и вот что – прицел ты свой погнул, когда за чехом метнулся, – глядевший на меня боец сморгнул, не совсем улавливая смысл сказанного. – За корень зацепил, понял?

Наконец-то до Барина дошло, он кивнул. Хоть тут какая-никакая выгода! Изломать прицел в бою о кореньюшку всё же лучше, чем тупо задеть о борт, прыгая с кузова грузовика.

- Труп к базе! – это я скомандовал Тулину, уже разворачиваясь, чтобы уйти. Для меня вопрос с потерей пленного был закрыт.

Вернувшись к головному разведдозору, я в первую очередь подошёл к старшему радисту, всё ещё ждущему моих указаний. Радиостанция его была развёрнута, но не получив моих команд, в связь он не входил – вдоволь наслушавшись замечаний за ересь, несомую в эфир самостоятельно действующими радистами, я заранее ему определил: «В случае вступления в бой сообщение о его начале только

по моей команде или после моего выхода из строя и невозможности отдать такую команду». А к моим указаниям радисты привыкли относиться со всем почтением.

- Кашкин, записывай: при выдвигении в район эвакуации обнаружил по координатам X... У... боевое охранение боевиков. В результате завязавшегося боя, один, хотя нет, пиши, два боевика убиты. При осмотре местности обнаружена база, захвачены один автомат АКМС с ГП-25, четырнадцать выстрелов к РПГ-7, значительное количество подготовленных к применению СВУ, три цинка с патронами пять сорок пять. Материальное имущество, три рюкзака, прочая военная амуниция и обмундирование. Номера и серии боеприпасов перепишешь сам. Понял? С нашей стороны потерь нет, при перестрелке убит ранее захваченный в плен полевой командир Доку Саидов. Это передашь в крайнюю очередь, передашь, и сразу отключишься, уяснил?

- А то! – с видом бывалого заговорщика радист поднялся и потопал изучать номера захваченных гранатомётных выстрелов.

«Так, полдела сделано, – решил я, закончив с радистом. – Теперь осталось собрать старших троек и тщательно их заинструктировать на предмет: «Шли на эвакуацию, знать ничего не знали, натолкнулись на пост охранения, вступили в огневой контакт». Одним словом: «Бой в Крыму, всё в дыму, ничего не видно, ничего не знаю». А то если комбат дознается, что мы шли именно на базу и так бездарно её профукали, да ещё и пленного потеряли – не миновать всей группе неделю щебёнку в карьере добывать. Вот эту последнюю мысль надо потщательнее вдолбить в головы подчинённых, а то появится желание поделиться с другими группами, а кто знает, откуда к Шипунову ушки тянутся?

«И ведь сволочь какая! – это я уже подумал про на-

шего пленника. – Сначала направил нас напрямиком на пост охранения, – а потом ещё и предупредить попытался или даже предупредил? Действительно, слышали чехи треск веток или и без того нас увидели? Право, сволочь, и надо же как получилось, свои же грохнули! Блин, жалко! Хотя ни хрена не жалко! В конце концов, так сволочу и надо! Это ещё удачно всё получилось, могло быть и хуже, гораздо хуже! Если бы не Каюмов, стоял бы я сейчас здесь!»

- Командир, комбат на связи! – подле меня появился всё ещё не отошедший от горячки боя Кашкин.

- Вот блин! – как не вовремя! И так настроение ни к чёрту, сейчас ещё и комбат скажет своё «веское». – Я тебе что сказал? Сразу отключиться!

- Дак он... я ещё и передать ничего толком не успел...

- О пленном доложил? – спросил я, предполагая именно это сообщение причиной появления в эфире тарца подполковника.

- Докладил... – угрюмо подтвердил мои подозрения наконец-то осознавший свою вину Кашкин.

- А чёрт, пошли! – сейчас комбат мне окончательно настроение испортит, наорёт и отправит досиживать засаду до упора... Однако его первый вопрос меня удивил... в какой-то мере.

- У тебя все целы? – голос Шипунова даже сквозь помехи казался обеспокоенным. – Приём.

- Все, – слегка опешив, ответил я. – Приём.

- Точно? И раненых нет? – короткая заминка. – Даже поцарапанных?

- Вроде нет, – взгляд по сторонам, вдруг я что упустил. – Точно нет.

- Ладно, тогда давай не спеша выдвигайся, – стало понятно, что он имеет в виду эвакуацию. – Трупы не забудь сфотографировать. – («Уже» – подумалось мне), а комбат

продолжал говорить: – Что ты на минном поле, знаешь?

- Знаю. – И добавил: – Мы аккуратно.– Только когда я сказал это, до меня дошло, почему командир так мягко: определив место эвакуации, он не взглянул на карту или взглянул невнимательно, и теперь наше нахождение чуть не посередине «минки» мнил собственной виной. Вот оно откуда ушки растут.

- Хорошо. – Хотя, что здесь хорошего? – Внимательнее под ноги, не спеши! До связи.

- До связи! – в пустоту ответил я и, отдавая гарнитуру своему радисту, почувствовал в душе сильное облегчение. По крайней мере, сразу по эвакуации комбат орать на меня не станет, и то хлеб.

- Иванов, Тулина ко мне! – теперь снова требовалось провести рокировку.

- Я сейчас... быстро, – отозвался второй радист, и в то время, пока первый сворачивал радиостанцию, он побежал в тыловую тройку. Не получив от меня никаких указаний, Тулин по-прежнему оставался там.

- Товарищ старший прапорщик, старший сержант Тулин по вашему...

- Садись! – оборвал я его клоунаду. Степан то ли был до сих пор на меня обижен, то ли и впрямь чувствовал себя виноватым. – Мы на минном поле...

- Знаю, – ответил он, и я вспомнил, что сам показывал ему карту, на которой поверх ламинирования (вопреки всем требованиям секретности) гелиевой ручкой были нанесены условные обозначения.

- Поведёшь группу – будь внимательнее, смотри под ноги, – сказал почти комбатовскими словами. Хотя, какими, к чёрту, комбатовскими? Мы все так говорим. А больше можно было ничего не говорить, но не сдержался. – И иди там... короче, сам знаешь.

- Угу, – подтвердил Тулин, начиная оттаивать.

- Начало движения через три минуты, – сидеть на базе и дальше и рассусоливать я не видел смысла, можно было бы, конечно, здесь же и перекусить, но лучше всё же сделать это подальше и от неё, и от минного поля.

- Чи, – ровно через три минуты я, заняв своё место в боевом порядке, махнул рукой, отдавая команду двигаться дальше. Бойцы зашевелились, и людская цепь двинулась на северо-запад к ожидающей нас бронированной колонне.

Слава богу, при передвижении к месту эвакуации обошлось без эксцессов. Стальные громадины «Уралов», притулившись на обочине с заглушёнными моторами, ждали нашего появления.

- Серёга, как ты лоханулся! – встречавший меня Паламарчук был, как всегда, галантен. – Поймать бородатого за яйца и упустить! Ха-ха, а комбат рвёт и мечет.

- Представляю, – я не разделял Игоревой жизнерадостности, вполне могло стать, что вместо тёплой баньки мне придётся весь вечер писать отписки и объяснительные.

- Ротный пива и рыбы закупил, – продолжал повествовать Паламарчук, – хотя тебе-то что, ты не пьёшь.

- Зато я ем, и много! – в конце концов, должна же быть у меня какая-то радость в жизни.

- Не в коня корм! – намекнул он на моё телосложение.

- Червячков кормлю! – отшутился я, направляясь к предоставленному для нас «Уралу». Игорь хихикнул и тоже поспешил по своим делам.

- Все на месте? – окликнул я, подойдя к заднему борту.

- Головняк все, – уверенно заявил Тулин.

- Первая тройка все...

- Вторая...

- Тыл на месте... – отозвался Игошин.

Всё, слава богу, можно садиться в кабину и ехать. Я встал на подножку и махнул рукой глядящему в мою сторону Паламарчуку.

- Троем! – он кивнул, одним махом взлетел на БТР, и колонна, набирая скорость, понеслась по убегающей вдаль асфальтовой дороге.

Неудовольствие комбата вылилось в довольно странную лекцию, učinённую мне по возвращению в отряд. По-настоящему орать на меня он, впрочем, не орал, хотя возможно и стоило. Но лекция запомнилась. И главный вывод, который я из неё сделал, гласил: гораздо лучше чеха грохнуть сразу, чем захватить и потерять, тем более как в моём случае (согласно мнению комбата) «совершенно бездарным образом». Я спорить не стал: факт налицо, а против фактов, как известно, переть не станешь. Итак, одно из самых коротких БЗ в моей жизни осталось позади, но почему-то мне ещё больше захотелось, чтобы и вся командировка закончилась как можно скорее ...

Видимо, в качестве наказания за упущенные возможности, а может, чтобы лишний раз не расслаблялись, комбат решил собственноручно проверить общую и физическую подготовку роты. Начал он, как и предполагалось, с физической. Отрабатывали нормативы по ТСП: наступление, отступление в полной экипировке, расстояние никто не замерял, худшие-лучшие определялись просто по времени и, так сказать, по тактической выучке. Мне повезло, моя группа заняла почётное второе место... с заду, то есть стала третьей. А мне большего было и не надо, зато на прохождении заминированного участка мои бойцы сумели блеснуть: взяли и пошли так, как я и учил, там, где умный бы не пошёл, а глупый побоялся б, и ни одного «подрыва», и лучшее время. Засаду отстреляли мы средне, на троечку с плюсом, можно было бы лучше, но командиры и замкомгруппы по решению всё того

же комбата к занятию не привлекались. Закончилось всё это пятикилометровым броском. Вот тут уж во главе всех бежал замкомбата и не дай бог кто сильно отстанет – отстали все... В общем, день положительно удался. А завтра нам предстояло лететь на ВПШГ, то есть, грубо говоря, на облёт «подконтрольных территорий» с целью, как любил выражаться ротный: «разведки, обнаружения и штурма». Признаться, летать на военной технике не люблю ещё с прошлых времён, и не потому, что сбить могут, а потому, что порой самому упасть хочется, лишь бы скорее отмучиться. Привираю малость, конечно, но уши у меня всегда болят немилосердно, и никакое глотание мне не помогает. Да и укачивать последние годы стало почему-то, даже на прыжках иной раз слегка подташнивает, а тут чудеса на виражах намечались. Спихнул бы это дело, да не на кого. В общем, спать я ложился не в лучшем настроении. Но когда ночью пошёл дождь, моё настроение резко пошло в гору. Утром же стало окончательно ясно – столь тяготившее меня ВПШГ (воздушная поисково-штурмовая группа) отменяется: всё небо было затянуто в тяжёлые покрывала холодных туч. И когда мы узнали, что комбат с замом срочно убывают в Ханкалу и предстоит лёгкое всеобщее расслабление, моё настроение и вовсе стало радужным. Ещё бы, до следующего БР, как минимум, три дня практически вольготной жизни – начштаба на занятия нас выгонять не будет, а значит, гуляй банда: ешь, спи, отдыхай. Если бы ещё не любимый личный состав... он ведь тоже не дурак расслабиться, и тут уже держи ухо остро, такое отчебучить могут – мало не покажется.

Но день проходил за днём, и, ко всеобщему удивлению, ничего экстремального в списках подвигов личного состава не значилось. Все прочие группы по разу сходили на БЗ, хотя и без особого результата, я же со своими орликами по-прежнему сидел в готовности на вылет ВПШГ, в ожида-

нии лётной погоды, но, к моему счастью, таковой даже и не предвиделось.

- Товарищи офицеры! – очередное совещание с командирами групп проводил начальник штаба отряда, так как комбат, умчавшийся по каким-то неотложным делам в Ханкалу, зависал там вот уже вторую неделю. Мы же, точнее все, кроме меня, продолжали лазить по горам, впрочем, без особого успеха, точнее, результаты были, но не те, которых от нас ждало вышестоящее командование.

- Товарищи офицеры! Мы почти месяц топчемся на одном месте, – начштаба видимо решил сразу взять быка за рога. – У двух групп – у группы капитана Паламарчука и у группы старшего лейтенанта Рыкова были неплохие возможности для захвата пленного, но они ими не воспользовались. Про Ефимова я вообще молчу! – Ну как же, без моего упоминания обойтись было невозможно! – В итоге мы имеем восемь чеховских трупов, кучу захваченного оружия, но воз, как говорится, и ныне там. А это не в тринду, ни в Красную Армию. Задача всем вам поставлена предельно чёткая – взять пленного. И что? И где? – он развёл руками, показывая всем собственное возмущение от нашей несостоятельности. – Это крайнее китайское предупреждение, никаких трупов. Лучше ничего, чем в очередной раз оправдываться перед Ханкалой за ваши непрофессиональные действия. Ефимов, кстати, твой наградной за Красильникова вернули.

Он не пытался меня уязвить, он констатировал факт. Нельзя сказать, что для меня это явилось такой уж большой неожиданностью, но пришлось сознаться самому себе, что приятным сообщение не было. Награды – это вообще отдельная большая тема...

- Бывает... – со всем возможным безразличием отозвался я.

- Новый напишем! – вставил свою реплику в мою за-

щиту командир роты майор Гордеев.

- Ладно, не будем о грустном! – начштаба видимо решил сменить гнев на милость. – Мужики, в конце-то концов, надо что-то делать. Если вы не справляетесь, может, тогда мне за вас на боезадания ходить начать?

- Хм, хм, – прокряхтел ротный. А мне почему-то подумалось, что это, пожалуй, было бы неплохо, показал бы нам «мастер – класс», а то аж обидно, он бы, наверное, чехов в плен пачками брал...

- Впрочем, собрал я вас не для этого, – Федин выглядел усталым и невыспавшимся, – третья и четвёртая группы завтра уходят на боевое задание, а для первой и второй наше вышестоящее руководство подготовило какую-то спецзадачу. Видимо, устав ждать от нас результата, оно озаботилось собственными разработками.

- А конкретно для чего нас привлекают? – ротный, перестав рисовать в блокноте таночки, поднял голову и пристально посмотрел на начальника штаба.

- Конкретики пока нет, – развёл руками начальник штаба. – Они, – указующая линейка ткнула куда-то вверх, – собираются кого-то где-то захватить. А вот для какой роли, – пауза, – вспомогательной или основной привлекаются наши группы, не знаю. Всю информацию я вам сказал, через час выезжаете в ...но, там вам всё доведут.

- Оперативно, – Гордеев недобро прищурился. – Старшим кто? Я?

- Старшим никого не будет, начальником колонны назначен замполит. По ролям – что, где и как – после уточнения задачи, думаю, группники определятся сами на месте. Больше я ничего не знаю. Времени у вас в обрез, – он обратился ко мне и сидевшему рядом Паламарчуку, – так что идите готовьтесь, рюкзаки не брать, РПГ и РШГ не получать.

- Опа. А второй БК? – подал голос Паламарчук.

- Одного хватит, – уверенно заявил начштаба, после чего я понял, он что-то знает, но не договаривает. Да и чёрт с ним.

- Разрешите идти? – вежливо спросил я, в наглую поднимаясь из-за стола с определённым намерением выйти.

- Вы с Паламарчуком идите, впрочем, свободны все, – приняв такое решение, начштаба поспешно поднялся и первым вышел из-за стола.

Глава 3. Специальное задание

Подполковник Остапенко.

Совместная операция двух спец контор – ФСБ и ГРУ проводилась вне всяких планов. Да и какие могли быть планы, если информация о нахождении в селении заместителя амира ...кого района некоего Баймамбетова поступила только в четырнадцать часов?!

Совещание, на котором присутствовал полковник Черных, подполковник Остапенко и полковник ФСБ Ярцев, длилось недолго.

- Надо брать, – как младший по званию подполковник Остапенко высказал свою точку зрения первым.

- Надо, – согласился с ним полковник Ярцев и требовательно взглянул на медлившего Черных. – А ты что молчишь?

- А что говорить, если ответ однозначен: брать надо. – Полковник черкнул что-то в своём блокноте. – Только каким образом? Так сказать, с привлечением каких сил и средств?

- Мои «тяжёлые» в готовности, – с энтузиазмом начал Ярцев, – полчаса максимум и они обложат дом Баймам-

бетова так, что ни одна мышь...

- И разворотят этот дом на хрен... – немного остудив пыл главного ФСБешника группировки, полковник Черных протянул ему бутылку минеральной воды. – Попей водички, попей, остудись. – Чтобы окончательно поставить всё на свои места, пояснил: – Нам, как тебе помнится, нужен «язык».

- Да иди ты! – Ярцев сделал вид, что обиделся от такой бесцеремонности, но бутылку с минералкой взял.

- Мы предложим ему сдать, – глотнув воды, пояснил свою задумку полковник ФСБ, – а вот если он откажется – тогда всё и разворотим.

- Если? Ты сомневаешься в его ответе? Он однозначно не захочет сдаваться. Вы атакуете, побьёте парочку гражданских, он шлёпнет кого-то из «тяжёлых», продержится до вечера, а там вы будете вынуждены раздолбать всё окончательно, смирившись с его «безвременной кончиной».

- Может, и не совсем так, – Ярцев был вынужден признать, что в чём-то Черных прав, – но, возможно, всё именно так и будет.

- Всё будет именно так! – главный группировочный ГРУшник не дал ему возможности к отступлению.

- Тогда что предлагаешь ты? – Ярцев, похоже, действительно начал злиться. Черных только критиковал, но пока не предложил ничего дельного.

- Задействуем наши группы. – Чёрных мило заулыбался.

- Ты думаешь, они будут более убедительны? – ФСБешник не понял, куда клонит полковник ГРУ, и это разозлило его ещё больше.

- Они никого не станут убеждать! – ГРУшник спокойно парировал выпад и снова черкнул ручкой в блокноте какую-то небольшую пометку.

- ???

- План таков: две разведывательные группы СпН

из отряда Шипунова ночью окружают дом. Когда все лягут спать и уснут, – проникнут в него, спеленают требуемый нам «объект», то бишь господина Баймамбетова его же собственными портянками и под покровом темноты выведут за пределы посёлка.

- На пехотный ВОП, – подсказал внимательно прислушивавшийся к словам начальства подполковник Остапенко, – где его будем ждать мы.

- Но это же похищение! – почти всерьёз возмутился Ярцев.

- Охренеть – не встать, и этот туда же! – вплеснул руками Черных. – Как раздолбать всех и вся – так пожалуйста, а как по-тихому захватить того же бандита, так на тебе – правонарушение! Законник хренов!

- Ладно, ладно, – примирительно поднял вверх руки Ярцев. – Будь по-твоему. Только два условия: если что не так – я тут не причём, и второе – надо сделать всё тихо и бесшумно. Чтобы ни одна собака...

- Кстати, о собаках... – полковник Черных нахмурился. – Кажется, у него их две. Надо будет предупредить наших. И вот тебе встречное условие: я так понимаю, твои «тяжёлые» к этому домику давно присматриваются?

- Ну, в общем-то да, – признаваясь, Ярцев слегка замялся, не слишком желая делиться своими «секретами».

- В таком случае, нам нужна вся имеющаяся у них информация по подходам к этому дому. Ворота, калитки, двери, жилые и подвальные помещения. Короче, всё.

- Через час будет, – не стал отнекиваться Ярцев, – но если твои головорезы не справятся, то мои приедут туда утром и...

- И разворотят всё на хрен! – закончил за него широко улыбающийся Остапенко.

- Правильно! – подтвердил ФСБешник и, направляясь к двери: - Заинструктируйте их тут, как следует.

- А уж это с превеликой радостью! – отозвался Черных и улыбнулся – в деле о готовящемся террористическом акте наметилось хоть что-то. В том, что спецназу удастся выполнить задуманное, полковник почти не сомневался.

Совещание закончилось, а уже пятью часами позже старший прапорщик Ефимов и задействованный вместе с ним капитан Паламарчук осмысливали поставленную им и их группам задачу. Основная роль в этом деле отводилась группе Ефимова, Паламарчук же со своими бойцами оставался на подхвате – на всякий непредвиденный случай. Поэтому и задачу ставили в основном Ефимову, капитан хотя и находился в это время в той же комнате, но скорее для галочки и «расширения общего, – как он потом выразился, – кругозора».

Ставивший задачу подполковник был краток, но точен в деталях:

- ... Третий дом, – тыльная сторона авторучки, что держали пальцы подполковника, коснулась окраины посёлка.

Сергей бросил быстрый взгляд вниз – чтобы представить объект, этого было достаточно, место было ему вполне знакомо.

А подполковник продолжал:

- Вот схема расположения комнат, – в руке у него появился листок А4 с довольно небрежно начерченным рисунком. – Здесь, здесь и здесь – спальные помещения. Предположительно Баймамбетов будет находиться тут, – кончик ручки коснулся одного из нарисованных квадратиков... – В доме кроме него проживает четыре человека, но их по возможности не обижать. При подходе к дому проявить максимум скрытности и постараться не дать себя обнаружить. – Он замылся. – Дело осложняется тем, что во дворе две собаки...

Ефимов моментально отметил это столь существенное обстоятельство. А подполковник излагал дальше:

- Ваша задача – захватить Баймамбетова без лишнего шума и доставить на ближайший блокпост, – он взглянул на Ефимова и, предугадывая вопрос, добавил: – Брать только живым и никаких или. Если бы мы его хотели уничтожить, то уже уничтожили. Он нам нужен живой со всеми имеющимися у него в голове сведениями.

Сергей согласно кивнул. Нужен так нужен. Он же со своей стороны сделает всё возможное, но если что-то пойдёт не так, то тупо рисковать жизнями своих ребят не станет. Видимо, это понимал и подполковник, поэтому, немного помолчав, он вздохнул и поставил точку в разговоре совсем необычным образом.

- Если выбора не будет – валите! – После чего устало вздохнул и указал рукой на дверь: – Всем спасибо, все свободны.

- Есть! – группники повернулись и пошли к выходу. В ближайшие девять часов им предстояло и составлять «диспозицию» и действовать совершенно самостоятельно.

**Старший прапорщик Ефимов - командир
второй группы первой роты ...того отряда
специального назначения ГРУ**

- Захватить так, чтобы никто не знал, не видел, не нюхал, не чувствовал. Потому что иначе все вокруг поднимут вселенский шум! – продекламировав один из основных постулатов предстоящего действия, капитан Паламарчук усмехнулся.

- Угу, – мы уже час как разглядывали в бинокль возможные подходы к интересовавшему нас дому, а он всё негодовал по поводу неоднозначности стоящей перед нами задачи.

- Чудно, – продолжая развивать тему, капитан сломал веточку и начал ковырять ей в насыщенной влагой почве.

– Штурмуй мы здание днём, уничтожь боевика с шумом, с гамом, с потерями среди бойцов, с гибелью мирных людей – и всё нормально. Как будто так и надо! А вот взять гада по-тихому ночью и уже Т-с-с! Не сообщишь, не объявишь, так и так, взят такой-то бандюк, а сообщишь – сразу развоняются: «Беззаконие! Вот куда пропадают наши люди!» И то, что захваченный урод – это бандит с многолетним стажем – никого уже не чешет и не интересуется.

- Где-то как-то так, – я был вполне солидарен с его выводами, но меня сейчас заботили совершенно другие мысли. Главное, чтобы после этой ночной вылазки все остались целы, а остальное – мелочи.

- Игорь, я своих бойцов под твоей опекой оставлю? – мои несложные вычисления привели к мысли, что это наилучший вариант из всех возможных.

- В смысле? – не понял заданного вопроса Паламарчук.

- Да я что, со всей группой туда попрусь? – я ткнул пальцем в окраину села. – Мне двоих – троих бойцов в доме за глаза. Остальные всё равно с улицы прикрывать будут. Так что лучше с твоими вместе останутся, чем их потом в ночи собирать.

- Усёк, – Паламарчук прищурился и, сунув руку в карман, вытащил оттуда пачку галет. Сжав её в кулаке, он с силой ударил торцом в почву – верхняя часть целлофановой обёртки лопнула, открыв взору поджаристые «хлебцы».

- Будешь? – он протянул мне открытую пачку, но я отрицательно качнул головой:

- Не хочу, – эти «армейские хлебцы» мне уже обрыдли. И вместо того, чтобы мирно жевать, я вновь поднял к глазам свой бинокль. По всему получалось, что к дому лучше всего подходить со стороны задов. Но больше всего в этом деле меня беспокоили собаки.

- Игорь, ты ПСС с собой взял? – мысли сформировались в вопрос.

- Взял, а нада? – отозвался Игорь, моментально сообразив, куда дует ветер.

- Нада, – если он думал, что я скажу «нет», то жестоко ошибался, – очень, – это «очень» было сказано для пущей вескости.

- Раз нада, так нада, – притворно тяжело вздохнув, капитан развёл руками, – возьмёшь без проблем.

- Спасибо, – поблагодарил я своего «благодетеля». Что ни говори, а из всего бесшумного оружия ПСС – пистолет самозарядный специальный – был самым бесшумным, к тому же беспламенным. А в разговоре с собачками это самое то. АС «Вал» мы, конечно, тоже возьмём, на всякий пожарный, а то мало ли – пистолет один, а собачки две...

Заходили мы со стороны ручья: я с четырьмя бойцами и Игорь со всеми остальными. Только они вышли на берег и залегли, а мы впятером надели маски с прорезями для глаз и потопали дальше. С погодой нам опять повезло: на небе висела тонкая, почти прозрачная дымка облаков, словно тонированное стекло закрывавшая выползшую на небосвод луну. Света от неё было ровно столько, чтобы видеть всё вокруг на расстоянии пяти шагов и вместе с тем не быть самому видимым для стороннего наблюдателя, отстоящего чуть дальше. Мы пересекли разделяющую лес и село поляну, приблизились к огораживающему двор забору и я, остановившись, на секунду поднёс к глазам левое запястье – на часах было ровно два часа ночи. Через пять минут во всём посёлке, согласно договорённости, должен был погаснуть свет. Не дожидаясь этого, я перемахнул через забор и, опустившись на руках, мягко спрыгнул. Поспешно вытянув из кобуры пистолет и сняв его с предохранителя, я прислушался к окружающим звукам: всё тихо, наше появление пока не было заме-

чено никем, даже собаками. С забора свесился, мягко опустился на ноги и сразу сместился в сторону шедший вторым Тулин, вооруженный сегодня АС «Валом». Следом неловко приземлился и зашипел от злости на самого себя Гриша Потапов. Тут же перебрались Лавриков, вооружённый автоматом АКМС с ПБС и Геннадий Ивахненко с «Винторезом». «Винторез» пришлось взять на случай, если не получится отключить электроэнергию. И тогда Ивахненко следовало разбить лампочку над дверью. Кстати говоря, «электро-монтёры» слегка запаздывали, но не успел я обвинить вышестоящее командование в невыполнении своих обещаний, как во всём селении погас свет. И почти тотчас со стороны дома в нашу сторону метнулась большая, быстрая тень.

«Собака» – догадался я, хотя не было ни привычного лая, ни громохання цепи, ничего такого, только едва слышимый топот ног по мягкой огородной почве. Наконец я увидел её контуры и, не задумываясь, выстрелил – дважды. Тень споткнулась, тяжело рухнула и коротко взвыла. Я снова выстрелил. Мгновение тишины, и тут же со стороны улицы басовито рывкнуло, и ещё одна тень, отодвинув калитку, устремила в нашу сторону. Я перехватил оружие обеими руками и начал стрелять, не останавливаясь, до полного опустения магазина. Сколько раз я попал – было неясно, но этот пёс упал, как мне показалось, совершенно бесшумно, лишь только задние лапы некоторое время бились в конвульсиях о землю, подталкивая ко мне уже абсолютно мёртвую тушу. Неспешно перезаряжая оружие, я раздумывал над тем, что нам исключительно повезло с собаками – обе они оказались большими и к тому же неробкого десятка. Было бы гораздо хуже, если бы одна из них была мелкой, трусливой шавкой и сейчас, забившись под угол дома, будила округу своим тонким, залившимся брёхом. Да, как говорят, первыми всегда гибнут лучшие. Псы были мертвы, но всё же приближать-

ся к ним я не рискнул, а, перезарядив пистолет, поправил ремень висевшего через плечо автомата и, обойдя по кругу лежавшие на земле туши, пригнувшись, двинулся в сторону нужного нам здания. Следом за мной выдвинулся Потапов, затем Тулин, остальные неторопливо занимали заранее оговорённые для них позиции. Луна давала достаточно мягкого света, чтобы уверенно ориентироваться в окружающей обстановке. Я подошёл к порогу и остановился, пропуская вперёд шедшего по моим пятам Потапова. Обойдя меня, Григорий осторожно вынул из-за пазухи связку ключей-отмычек, немного повозился у двери и, сделав своё дело, отступил в сторону.

- Готово, – шепнули Потаповские губы, и я, потряся кулаком перед его носом – «Молчи», – указал пальцем на улицу влево. Правильно истолковав мои знаки, Григорий кивнул и шагнул в тень, а видевший всё это Лавриков, не дожидаясь особых указаний, развернулся вправо и скрылся в ночной темноте. Геннадий Ивахненко остался прикрывать наши действия со стороны двора. Над ухом противно заверещал комар. Пора действовать.

«Тихо, за мной!»! – показав знаками придвинувшегося ко мне Тулину и ухватив дверную ручку, я осторожно приоткрыл дверь. Небо за нашими спинами начало разведриваться, и золото-серебряные лучи выглянувшей из-за туч луны впились в спину входящего в дом Тулина.

Внутри было тихо, лишь где-то в глубине помещений раздавался приглушённый храп. Вынырнувший неведь откуда кот юлой мотанулся меж моих ног и, взвившись вверх, запрыгнул на стоявшую у стены кровать. Некто, лежавший на ней, вяло пошевелился, я замер, этот некто что-то сонно забормотал и сел. В серебряных лучах заглянувшей в комнату луны на меня глянули глаза проснувшегося ребёнка. Разглядев человека в маске, они расширились, рот начал рас-

крываться, готовясь выплюнуть бесконечный крик ужаса.

- Тс-с, – я приложил палец к губам и для пущей убедительности покачал перед сморщившимся от страха лицом рукой с зажатым в ладони пистолетом. Стараясь не произнести ни одного слова, я указал на ребёнка выросшему за моей спиной Тулину:

- Следи, чтобы тихо, – и двинулся дальше. Моя задача немного усложнилась. Теперь предстояло взять боевика в одиночку, и сделать это требовалось по-прежнему без малейшего шума. Храп в комнате внезапно прекратился, закрипели кроватные пружины.

Я замер – похоже, наше везение кончилось. Но ничего не произошло. Успокоив начавшее было бунтовать дыхание, я двинулся в сторону вновь донесшегося храпа, не без основания полагая, что «храпун» и есть именно тот, за кем мы пришли. По счастью, я не ошибся. Подле кровати храпящего чернобородого мужчины, прислонённый к железной спинке, стоял автомат, из-под края подушки высовывалась рукоять АПС. Светить в лицо спящему не требовалось. Сомневаюсь, что в доме, незамеченные спецслужбами, одновременно могли находиться два боевика. Медленно-медленно вытащив из-под подушки «Стечкин», я сунул его себе за пояс, отставил в сторону находившийся тут же рюкзак и, приставив ПСС к подбородку Баймамбетова, несильно надавил стволом.

Надо отдать должное: заместитель амира соображал быстро. Открыв глаза и увидев пялившуюся на него маску, он резво опорожнил мочевой пузырь, но даже не дёрнулся, чтобы что-либо предпринять.

- Вставай! – левой рукой я показал вверх. Когда же Баймамбетов начал косить глаза на торчавший из-за моего пояса АПС, раздумывая, его это оружие или нет, я утвердительно кивнул, он понял. Тогда я показал пальцем на со-

седние комнаты, приложил палец к губам и следом провёл рукой по горлу. Мою пантомиму – «Будешь шуметь, не поздоровится родственникам» – он тоже прекрасно распознал и, не дожидаясь указаний, протянул вперёд соединённые вместе руки. Я подумал и кинул ему принесённые с собой наручники. Ими нас заранее снабдили курирующие «операцию» организации. Баймамбетов тяжело вздохнул, видимо, какая-то надежда в душе у него ещё теплилась, и защёлкнул их на своих запястьях. После чего встал, и оказалось, что он практически полностью одет, разве что на ногах не хватало стоявших тут же ботинок. Но уж их-то я на него точно надевать не собирался. А вот принесённую с собой наволочку от армейской подушки на голову ему накинул. Не бог весть какой мешок, но головой по сторонам вертеть не будет, всё одно в ночном свете он ничего кроме темноты не углядит. Закончив «сборы призывника» и подхватив чеховский ствол, я дёрнул Баймамбетова за рукав: «Пошли», после чего повёл на свежий воздух, стараясь не думать об остающихся за спиной, бездонных и, как мне почему-то показалось, пронзительно голубых глазах тихо плачущего ребёнка.

Оказавшись у уличной двери, я почти вытолкнул боевика наружу и незамедлительно шагнул следом. Одновременно и бесшумно из-за спины вынырнул Тулин.

- Уходим?! – то ли спросил, то ли констатировал он, и я всё так же молча указал рукой в сторону огораживающего дом забора.

Возвращались тем же путём, что и шли сюда, разве что в самом заборе обнаружилась не примеченная ранее калитка. Так что за пределы двора мы вышли без излишней суеты и, оказавшись на луговине, почти бегом устремились к ожидающей нас группе, точнее сборной солянке из наших двух групп. Когда мы находились почти у ручья, луна в оче-

редной раз выглянула из-за пелены туч, и за нашей спиной, словно по мановению палочки, почти по всему селу завыли, забрехали проснувшиеся собаки. Но их раздражающее пение меня совершенно не волновало, и если бы не те бездонные глаза, я, может быть, был бы весьма даже доволен сделанным этой ночью... А так я вспоминал их и раз за разом покрывался россыпью холодных мурашек. В эти мгновения меня едва не колотило от осознания неизбежной необходимости принятия решения – от невыполненных, но в любой момент могших стать неизбежными действий. Я и сам не знал, да и никогда не буду знать, что бы именно выбрал, попробуй девочка закричать. Что бы сделал – попытался бы закрыть рот девчужки ладонью или, не задумываясь, ударил наотмашь пистолетной рукоятью? Я не мог и не смогу дать ответа. За мной были мои пацаны: Тулин, Потапов, Лавриков, Ивахненко, я отвечал за них и в первую очередь спасал бы их... И что мне чужой ребёнок?

Мы пересекли ручей и какое-то время шли по его пологому берегу, затем свернули влево и начали медленное движение в гору.

- Давай, давай топай! – торопил Тулин нашего пленника, поднимаясь в темноте по длинной узкой тропинке, всё выше и выше уходящей в гору, на которой стоял блокпост с нашими машинами. Пленник кряхтел, что-то бурчал, иногда поскальзывался, и его приходилось поднимать. И тогда он начинал ругаться, после чего ствол Тулинского автомата тыкался ему в спину, напоминая о суровых реалиях. Боевик замолкал и некоторое время шёл молча. Затем он задевал ногой какую-нибудь коренюгу, падал, и всё повторялось снова. Луна, померцав на небосклоне, окончательно спряталась в тучках, сверху упала и накрыла нас противной влажностью ночная морось. Шарахнувшееся стадо кабанов, свалив под бугор, с шумом пересекло каменистое русло и скры-

лось в мелколесье. Выделявшиеся на фоне неба укрепления блокпоста становилась всё ближе и ближе. Нас ждали.

- Пять, – окликнула нас некая вооружённая фигура, высунувшаяся меж сложенных в единую стену засыпанных глиной и песком ящиков.

- Четыре, – отозвался двигавшийся впереди всех Паламарчук, называя заранее оговорённый пароль.

- Свои, – сообщив это кому-то неизвестному, скрывавшемуся в глубине оборонительных сооружений, фигура протиснулась в узкий для неё проход и двинулась в нашу сторону.

- Взяли? – поинтересовалась фигура, и я по голосу распознал в ней ГРУшного подполковника, проводившего с нами инструктаж.

- Тёпленького, – весело отозвался Паламарчук и что-то тихо добавил, после чего оба они негромко прыснули. А пленник, будто бы чувствуя окончание пути, вдруг тяжело задышал и повалился нам под ноги.

- Что, с-сука, притомился? – Тулин поднял его за шиворот и, не обращая внимания на вялые попытки к сопротивлению, поволок дальше.

Встречающих было четверо – никаких лишних. Все только «свои» – известный нам подполковник, ещё один столь же солидный дядечка и ещё двое, нёсшие охрану периметра. В ожидании нас территория блокпоста словно вымерла, кто и как договаривался о таком варианте – не знаю, но все «местные» сидели у себя в кубриках. Ведь даже на посты временно заступили эти встречавшие нас ребята. Но как только мы провели до выезда из блокпоста захваченного нами чеха и втокнули его в неприметную «бурумбухайку», эти два охранявших блокпост парня сошли вниз к солдатской «располаге» и стукнули в закрытую дверь.

- Мужики, давайте на пост, живо! – потребовали они.
- Мы уезжаем.

Тут же из-за двери вынырнули четверо облачённых в бронжилеты с оружием в руках бойца и поспешили на оставленные несколько часов назад (видимо, по очень убедительной просьбе) позиции.

Через минуту «бурумбухайка» покатила в известном только сидевшим в ней направлении. А мы, выждав ещё полчаса, несмотря на ночь, загрузились в наши «Уралы» и выехали в пункт временной дислокации. Яркая луна, вновь и теперь уже окончательно выбравшаяся из-за туч, смотрела нам вслед, освещая тёмную ночную дорогу.

Глава 4.

Изменчивые планы

Сулейман Имурзаев - амир ...нского района

В первые мгновения получив сведения об исчезновении своего помощника, Сулейман было решил, что тот смылся вместе с накануне полученной на хранение общей кассой, но потом узнав, что обе собаки, охранявшие дом Баймамбетова, убиты, переменил собственное мнение.

- Нет, он бы так не поступил! – Имурзаев слишком хорошо знал своего заместителя, чтобы допустить подобное. Ваха, так звали Баймамбетова, при всей своей ненависти, своей кровожадности, жестокости по отношению к людям, до безумия любил собак. Сулейман помнил, как тот несколько лет назад подобрал двух ещё слепых щенят, брошенных хозяевами в лужу на окраине Грозного, как выхаживал их. Рискуя собственной жизнью, находил молоко и кормил буквально с пальцев. Щенята выжили и превратились в двух красавцев-среднеазиатов. Баймамбетов мог часами обсуждать особенности своих среднеазиатских овчарок, доставшихся ему в руки таким чудным способом. Порой Имурза-

ему казалось, что они ему гораздо дороже, чем собственные дочь и жена, имена которых Ваха практически никогда не упоминал. Поверить в то, что Баймамбетов, даже замечая следы, мог собственной рукой прикончить столь преданных и любимых псов, амир не мог.

- Значит, его исчезновение – дело рук русских спецслужб, – заявил он принёсшему известие Ибрагимову Усману, связному Сулеймановского отряда. Правда, оставались ещё кровники, коих было немало, но разве стали бы они мстить столь странным образом? Без наличия трупа. Нет и ещё раз нет. Они бы отомстили так, чтоб всем стало об этом известно. Мечь не вершат тайно, мстители сами, может, и прячутся, но объект мести должен умереть так, чтобы все видели его смерть. Сулейман знал по себе – мести никогда не бывает много. Её всегда недостаточно. Вот и сейчас в сердце у него бушевало лишь одно желание: мстить – мстить всем и вся, где и как только можно, не взирая, не глядя, кто встаёт на пути – женщина или ребёнок. Всем русским. Именно возможность отмщения согревала его душу. Впрочем, за что именно он мстил – за то, что русская учительница научила его читать и писать или за смерть какого-то предка от руки гусара, случившуюся больше ста лет назад, Имурзаев не знал и сам, но сейчас он был в бешенстве: вместе с Баймамбетовым исчезли несколько сотен тысяч долларов, а до момента отмщения за утеранные деньги было ещё далеко. Ведь Сулейман пока боевых операций не планировал – их проведение было ему на ближайшее время строжайше запрещено, а что касается смертниц... Подумав о них, Имурзаев почувствовал подступающее раздражение.

Подходящую на роль шахидки женщину-девушку он нашёл, даже двух. Вот только так до сих пор и не понял, как Шамиль планирует осуществить свою столь грандиозную акцию.

Зейнап Вахидова и Аминат Суюнова как нельзя

лучше соответствовали пожеланиям Артура Магомедова – эмиссара самого Шамиля Басаева. Красивые, стройные, но вместе с тем не какие-то тощие жерди, а полногрудые, плотно сложенные горные газели. Самому Имурзаеву больше нравилась рыжеволосая Аминат, хотя воины из его отряда сильнее заглядывались на светленькую Зейнап. То, что они предназначены для поясов шахида, Сулейман не скрывал, это знали все, но только он один ведал, кому эти девушки должны принести смерть. Вот только их нахождение среди молодых парней вызывало нехорошие толки. Попадались и такие, что высказывали кощунственные мысли: «Мол, коль им всё равно скоро умирать, то они бы могли ещё более послужить делу ислама, давая наслаждение истосковавшимся по женской ласке моджахедам». Но подобные бредни Сулейман пресекал на корню. Еще не хватало, чтобы из-за женщин в его стане возникли распри, хотя сама идея не была лишена рациональности. Ведь таскал же повсюду за собой женщин Абу Валид?! Хотя кто знает, не из-за этого ли он и был так скоро убит? Женщины... Имурзаев дал себе зарок не думать о них до окончания войны, вот только кто знал, что война продлится так долго? Но помимо проблем с собственными чреслами у него хватало и иных забот. Те же шахидки...

Шахидки – смешно сказать это. Чтобы назвать женщин этим именем, их стоило подготовить. Мало того, чтобы у них в жизни не осталось ничего, кроме страха и позора, их ещё следовало убедить в том, что страх – ничто, а месть искупит любой позор и утешит любую боль. День и ночь с женщинами работали профессиональные психологи, старательно следящие, чтобы с лица будущих шахидок не сходили слёзы. Сулейман не знал и не желал знать, как готовили их в других отрядах, у него был свой неоднократно испробованный способ. Довести женщин до порога отчаяния, и тогда смерть будет нести не боль и страх, а очищающее

избавление от боли, от самого страха, от воспоминаний, от всего суетного и земного, страшного в своей неотвратимой действительности и неизбывности. Может, поэтому почти все его смертницы достигали поставленной цели – они даже шли умирать, по Ельцинскому выражению, «с улыбкой на губах», не накачанные наркотиками, не одурманенные какой – либо психотропной дрянью, а сознательно, с прямой ясностью своего выбора. И его планы сбывались. Так было почти всегда, но не в этот раз. Будь ты хоть вся такая-растакая, хоть лучись улыбкой, подобно ясному солнышку, в сторону президента беременную женщину никто не пропустит, во всяком случае, без предварительного осмотра. А несколько килограмм взрывчатого вещества не спрячешь незаметно под тонким свитерком или блузкой. Разве что взять разом и действительно забеременеть взрывчаткой. Всегда заканчивая свои рассуждения этой мыслью, Сулейман улыбался, поражаясь глупости Магомедова, носящегося с замыслами Шамиля как «дурак с писаной торбой». Что такое торба, амир не помнил, но само выражение ему нравилось.

Кроме всей прочей «психологической» подготовки, Сулейман считал, что женщины должны носить пояс шахида постоянно. Чтобы жертвующие собой за веру и их пояс стали единым, неразрывным целым. Тем сильнее Имурзаев удивился, когда прибывший через неделю после исчезновения Баймамбетова эмиссар, закончив осмотр женщин, приказал пояса снять и никогда больше не надевать.

- Что за чушь? Как же он станет для них привычен? – попробовал возмутиться амир, но Магомедов лишь небрежно махнул рукой.

- Всему своё время, но это, – он указал пальцем на одетый на Зейнап пояс шахида, – лишнее.

- Шайтан! - позволил себе выругаться Имурзаев, но,

тем не менее, спорить не стал и отложил себе в памяти к следующему приезду Магомедова не забыть вызвать к себе своего штатного минёра и приказать снять с девушек пояса погибших мученической смертью.

Но на этом указания эмиссара не закончились.

- Я привёз тебе доктора, – он улыбнулся, м хирурга, я знаю, ты давно просил, но сам понимаешь, хороший врач дорог.

- Мои люди ещё дороже, – ворчливо отозвался Сулейман, которого всё ещё грызла обида, – но за доктора спасибо. Хороший хирург на войне действительно стоит многого.

- Правда, он русский, зовут Виктор, – это известие слегка подпортило впечатление от преподнесённого подарка, но, тем не менее, не умаляло его ценности, – но ведь от этого его мастерство не становится хуже. К тому же он у нас несколько лет, мы захватили его ...ке, – похвастался представитель Басаева. – Профессиональный врач, почти десять годков стажа. А скольких воинов он поставил на ноги! Вот только никак не желает перейти в нашу веру. Бежать пытался. Пришлось заковать в кандалы.

- Давно? – уточнил Сулейман.

- Что давно? – вальяжно развалившийся на ковре эмиссар не понял заданного вопроса.

- Давно он в кандалах?

- Да не так чтобы очень, – эмиссар задумался, – месяцев восемь или год, меня такие вопросы не интересуют. Лечит, операции делает, и это главное. А мы его кормим и охраняем. Ты, главное, его корми хорошо, а то скальпель в руках дрожать начнёт, ширнёт куда не туда, – говоривший широко улыбнулся, – а так он смирный. А я тут для него каморку у тебя присмотрел, посели там, пусть поживёт как человек. Пока, а там... другой раз приеду – видно будет.

- Сделаем, – Сулейман не видел причин, что бы спо-

ритель. Действительно, было у него одно маленькое помещение. Вот только когда Магомедов успел его присмотреть? Но чтобы поселить туда доктора, мир был не против, пусть и русский, но врачу надо держать себя в чистоте и порядке. А то какой из него целитель, если сам грязью зарастёт? То-то же...

- Тогда раз мы с тобой всё решили, – Магомедов позволил себе зевнуть, – часок посплю и обратно собираться начну. Моим доведёшь – пусть будут готовы к выходу.

- Как скажешь, – покорно согласился Сулейман, едва подавив в себе улыбку. Известие его обрадовало – через час Магомедов уйдёт, и он, Имурзаев, снова станет полноправным хозяином собственного лагеря.

Распрощались они тепло, словно два любящих брата. Магомедов ушёл, а оставшийся в стане Сулейман вызвал к себе минёра и приказал избавить девушек от навешанной на них взрывчатки.

В том, чтобы снять пояса шахидов, ничего сложного, казалось бы, не было, и потому грянувший взрыв едва не поверг Сулеймана в шок.

- Виктор! – окрикнул он оказавшегося в этот момент рядом и застывшего в ожидании новых взрывов доктора. – Идешь со мной! Ильяз! – Имурзаев увидел выбравшегося из блиндажа своего нового помощника. – Возьми двоих и приходи следом...

Подрыв произошёл в небольшом овражке, куда мир отправил своего сапёра, прозванного Арабом за слишком тёмный цвет кожи снимать с девушек одетые на них пояса.

«Что же произошло?» – гадал Имурзаев, едва ли не бегом покрывая разделяющее от овражка расстояние. Русский хирург семенил следом, но не успевал, ведь его ноги были скованы толстой цепью. Со стороны находившегося на хребте охранения бежал Иса – пулемётчик. Увидев его,

Сулейман замахал руками, отсылая прочь, вверх, на прежнюю позицию. Лишние зеваки амиру не требовались. А вот оставлять возвышающийся над базой хребет без присмотра он себе позволить не мог. Наконец бегущие достигли овражка, и, увидев картину случившегося, Сулейман застыл, как вкопанный: то небольшое, что осталось от Аминат Суюновой, оказалось разбросано в радиусе десятков метров, незадачливого сапёра разорвало пополам, руки почти полностью отсутствовали, лицо превратилось в фарш, сквозь окровавленные лоскуты одежды виднелись изуродованные осколками мышцы и изломанные кости. Забрызганную кровью Зейнап спасло просто чудо или всё же хладнокровная предусмотрительность Араба, пред самым моментом снятия пояса отославшего её за небольшой взгорок? Там она до сих пор и сидела, бледная, дрожащая, взиравшая вытаращенными глазами на лежавшую прямо подле ног человеческую кисть с обнажёнными белыми нитями сухожилий и кроваво-чёрными вытянувшимися и слипшимися обрывками вен. Услышав шаги приближающегося Сулеймана, девушка подняла глаза и её вывернуло.

- Проклятие! – выругавшись от досады, амир повернулся к застывшему где-то за спиной доктору. – Забирай девчонку и возвращайся в лагерь, твоя помощь здесь не требуется! – И повернувшись к спешащему Ильязу: – Приберишь здесь!

- Куда их? – на всякий случай уточнил Ильяз, хотя хорошо знал, что родственников у Араба в ближайших сёлах нет, а Аминат для своих уже умерла.

Амир ничего не ответил, но так зыркнул, что у помощника отпало всякое желание на дальнейшие расспросы. А отдавший, как ему казалось, вполне исчерпывающие указания, Сулейман развернулся и поспешил прочь. Выбравшись из овражка, он отёр заляпанные кровью ботинки, брезгли-

во покосился на повисший на ветке кусок чей-то плоти и, несколько раз подряд мысленно выругавшись, поспешил вернуться на территорию базы. Теперь к его общим заботам прибавилась ещё одна печаль: Зейнап осталась в одиночестве, и теперь ей срочно требовалось найти дублёршу. Но на этом треволнения Сулеймана не закончились, буквально через неделю эмиссар Басаева вновь появился в его лагере.

- Русские что-то узнали про готовящуюся акцию! – от этих сказанным им слов Сулеймана буквально прошибло током. «Баймамбетов!» – мелькнула ужасающая мысль.

Но Артур Магомедов, словно угадав её, отрицательно качнул головой.

- Твой помощник не причём, русские зашевелились гораздо раньше. Теперь мы точно знаем, что им стало что-то известно, но хвала аллаху, у них на руках лишь смутные подозрения. И всё же осуществить задуманное будет гораздо сложнее, если они по-прежнему будут что-то подозревать. К тому же наверняка усилят охрану, либо вообще откажутся от президентского визита.

- А что, разве мы в состоянии что-то изменить? – Сулейман даже не попытался скрыть своего недовольствия. Он же говорил, он же предупреждал!

- В состоянии, – ошаршил его Басаевский эмиссар. – Мы предпримем отвлекающий манёвр. Соответствующие указания амирам уже отданы. Тебе тоже предстоит выделить двадцать воинов. Место и время их прибытия будет сообщено позже.

- Что он задумал? – спрашивая о планах Басаева, Имурзаев был вынужден признать, что в чём-то эмиссар прав.

- Всему своё время, – Магомедов давал понять, что опасается за утечку информации. Сулейман напрягся, прилагая все силы, чтобы не сорваться: в очередной раз ему

нанесли оскорбление недоверием.- А люди... люди пусть ждут в готовности.

- Они будут ждать, – выдавил из себя амир. Он чувствовал себя оплётанным, но лезть на рожон не желал. – И будет на то воля Аллаха!

- Аллах велик, кого назначить старшим – решишь сам.

- Я сам пойду, – тут же отозвался Сулейман, которому до оскомины надоело день ото дня сидеть на одном месте.

- Да будет так! – не стал спорить Магомедов. – Тогда назначишь того, кто останется здесь.

- Это будет Ильяз, – без раздумий определился Имурзаев, уже начавший строить планы предстоящего выступления.

- Мне без разницы, но за подготовку обеих женщин, – Сулейман заметил, что тот сделал упор на слово «обеих», и не сомневался, что эмиссар, конечно же, уже знал о гибели Аминат Суюновой, а от кого - от русского доктора или от кого другого – было уже совершенно не важно, - всё равно отвечаешь ты. – И немного помедлив: – Головой.

- Они будут готовы, – пообещал Имурзаев. Дублёршу он нашёл, но говорить об этом и тем самым напоминать о собственном проколе ему не хотелось.

- Вот и хорошо, – обрадованно потёр руки Магомедов. Довольный оказанным приёмом, он решил не отчитывать амира за потерянную девушку. Тем более, что тот дал обещание подготовить шахидок к нужному сроку, и оснований не доверять ему в этом вопросе не было.

Глава 5. Бездействие

Пункт постоянной дислокации ...того отряда специального назначения ГРУ

Спустя пять суток после небезызвестного ночного спецмероприятия вернувшийся из Ханкалы комбат собрал группников на очередное расширенное совещание.

- Товарищи офицеры! – подполковник Шипунов сидел за столом перед расстеленной на столешнице картой и тупо водил по ней колпачком от шариковой ручки. – Вынужден констатировать: несмотря на успешное выполнение спецзадания, – он взглянул на улыбнувшегося в ожидании поощрения Паламарчука и продолжил, – задача, стоявшая перед нами, остаётся прежней.

«Значит, ничего они от Баймамбетова не узнали, - подумал Ефимов. – Жаль».

- Начальство требует захвата нового «языка». Не буду раскрывать всего, но замечу, что боевики планируют проведение серьёзной акции. По этому поводу там, – комбат ткнул пальцем в потолок, – есть определённые соображения, но не более того. Не имея полной информации, силовики не могут рассчитывать на стопроцентное предотвращение теракта.

- Ясенько, – негромко буркнул Гордеев, которому эта бешеная погоня за «языком» уже порядком поднадоела.

- Ты думаешь, мне эта история нравится больше твоего? – комбат обвёл всех своим угрюмым взглядом. – Но приказ есть приказ. Более того, меня убедительно просили, очень просили не затягивать с решением данного вопроса. Так что и я попрошу вас отнестись к этому со всей серьёзностью. На кон поставлено слишком многое, чтобы взять и просто так от этого отмахнуться. Одним словом, господа

офицеры... – короткая пауза, – ...и прапорщики, если в ближайшее время мы не захватим кого-нибудь урюка, нас подвезят за одно место. Точнее, они меня, а я вас. Вопросы? Нет? Вот и молодцы. Всем спасибо, все свободны.

- Товарищи офицеры...

**Старший прапорщик Ефимов - командир
второй группы первой роты ...того отряда
специального назначения ГРУ**

Что вокруг ...ров началась нехорошая движуха, нам стало понятно ещё неделю назад, когда старший лейтенант Рыков обнаружил в районе поиска сразу три свежих чеховских стоянки. Самих боевиков он не видел, но нахождение на относительно небольшом участке трёх отдельных банд наводило на соответствующие размышления. Нас же – отряд из первой и второй групп в район ...ров бросили сразу после боестолкновения, произошедшего у группы капитана Ганичева. Правда, сперва мы выдвинулись на эвакуацию – у того на руках имелось два трёхсотых и один двухсотый.

При осмотре местности было обнаружено несколько брошенных автоматов, многочисленные следы крови, окровавленные разгрузки и прочие следы весьма успешно проведённого боя. Но не это оказалось самым главным. Выяснилось, что группе Ганичева противостояло никак не меньше шестидесяти боевиков. А подобное стадо уже требовало к себе надлежащего, можно сказать почти трепетного, отношения. Выход моей группы задержали на сутки и отправили вместе с группой Паламарчука, строго определив вести разведку исключительно в составе отряда. Командиром этого отряда назначили нашего ротного майора Гордеева. В остальном всё происходило вполне штатно. Высадились, вышли в район проведения «поисково-засадных меропр-

ятий» и, «забазировавшись», организовали ночную засаду. Как говорится, ничто не предвещало, но одиннадцать часов ночи грохнуло... один раз, второй, третий и понеслось – гранатомётные разрывы гремели один за другим.

- Где это? – ко мне и спящему со мной в одной днёвке ротному прибежал всполошившийся Кашкин.

- Под ...рами, блин, - ответил сладко потягивающийся ротный. – Поспать не дали, а ведь ложился с вечера с твёрдым намерением подрыхнуть до самого утра... – сказав это, он будто очнулся. – Кашкин, ЧМО, это мы у тебя должны спрашивать, что и где случилось!

Живо к радиостанции, запрос у «Центра». Живо!

Кашкин смылся, а ротный повернулся в мою сторону.

- Действительно непонятно, что происходит, - Вадим сладко потянулся. То, что нас пока не касалось, его не колыхало. - наших групп там нет.

Он произнёс это так, будто на наших группах свет клином сошёлся.

- Действительно странно, – согласился я, в отличие от нисколько не обеспокоенного происходящим ротного уже начав обдумывать различные варианты наших действий.

Меж тем идущий где-то едва ли не на окраине ...ров, казалось, даже в самих ...рах, (но поверить в это было невозможно), бой всё разрастался. Разрывы от гранатомётных выстрелов звучали всё чаще и чаще. Сквозь них звуковой бесконечностью прорывались автоматные и пулемётные очереди.

- Кажется... – из темноты снова вынырнула фигура моего Кашкина, – ВэВэры, какую-то базу берут.

- ВэВэры? – недоумевающе вытаращились мы. В то, что какие-то ВэВэры берут чеховскую базу, не верилось. Уж скорее сюда выбрались «Вымпеловцы» или, на худой конец, «Подсолнухи».

- Кажется? – это уточнил ротный. И почему я не об-

ратил внимания на это столь красноречивое словцо?

- Они сами толком не знают, сейчас пытаются уточнить. Ну, я пошёл?! – пояснил Кашкин и попытался поскорее срулить в кусты.

- А Иванов где? – на всякий случай уточнил я. Хотя был уверен, что тот находится там, где ему и полагается быть, то бишь возле радиостанции.

- На рации, – успокоил меня радист. И снова уточнил: - Я пойду?

- Иди, иди, – не разрешил, а скорее поторопил его ротный.

- Будет что новое – сразу сюда, – добавил я, и мой старший радист скрылся в ночной серости. А выстрелы со стороны селения продолжали бУхать.

- Вот зараза, и ведь не уснёшь! – Гордеев перевернулся на спину и откинул укрывающую нас плёнку.

- Давай, может, к радистамходим? – предложил я, маясь таким же вынужденным бессоньем.

- Да легко! – моё предложение не выглядело оригинальным, тем не менее, в то, что Вадим согласится с такой лёгкостью, я не ожидал. Мы дружно поднялись и направились к «связюкам», расположившимся за кустарником, что был от нас всего в нескольких шагах.

- Чи, - окликнул нас стоявший на фишке Иванов, пока Кашкин что-то почти бесшумно бубнил в микрофон, он нёс службу с автоматом в руках. Надо сказать, в свете происходящих событий - вовсе не лишняя предосторожность. Кто знает, в какую сторону попрутся удирающие с базы боевики, если им, конечно, доведётся с неё вырваться?

- Новое что есть? – спросил Гордеев, когда Кашкин перестал бубнить и стянул с головы наушники.

- Не-а, – крутанул головой старший радист и, начав чесать за ухом, пояснил: - Всё уточняют.

- Понятно, – буркнул Вадим и, взглянув на звёзды, добавил: – Ждём-с.

А звёзды в небе оказались яркими и многочисленными, узкий серпик месяца сиротливо притулился где-то на краю горизонта. Мелкое комарьё весело накручивало круги над нашими головами, едва ли не заглушая своим писком далёкие разрывы.

- По уму бы нам куда-нибудь туда на всякий случай выдвинуться, – заметил я, позёвывая от коснувшейся моей спины свежести. Спать не хотелось, и можно было пофилософствовать: – Если что – и подстраховать парней можно, – добавил я, имея в виду штурмующих базу ВэВэров.

- Ага, – скептически процедил ротный. – Пока начальство всё это дело согласует – уже рассветёт, и... – я почувствовал, как он усмехается, – и бывшее покроется пеплом. Забудь. На выдвижение нам, может, команду и дадут, только когда уже поздно будет что-либо предпринимать.

- Может, самим рвануть? – осторожно предложил я, отмахиваясь от очередного налетевшего на меня комарика. Впрочем, свежело, и их становилось всё меньше.

- И офендюлиться от своих, – убеждённо отмахнулся от такого предложения ротный. – А то ещё хуже – не разберутся и артухой накроют. Или «Флир» ночью поохотиться прилетит. И будешь ты ему благим матом орать, про свои-чужие рассказывать. Сидим на попе ровно.

- Сидим так сидим, – не стал протестовать я, тем более спорить с очевидным бесполезно. Ротный прав: пока вопрос не согласован, без команды начальства лучше не дёргаться.

- Когда у тебя очередной выход на связь? – я повернулся к всё ещё возившемуся с радиостанцией Кашкину.

- По графику через час, – отозвался старший радист, – но я только что выходил, так что через два...

- Через два... – задумчиво протянул я, обдумывая

предстоящее решение. – В общем, садись и сиди на рации. Будет что новое... Короче, держи нас в курсе. Иванов, давай наши вещи сюда тащи.

- Все? – обиженно шмыгнул носом второй радист.

- Все-все, – не обнадёжил его я, – и коврики, и полиэтиленовую плёнку, и рюкзаки...

- Эх! – тяжело вздохнул радист номер два и отправился выполнять поставленную задачу.

- Пожрём? – внезапно предложил Гордеев и, не дожидаясь моего ответа, потянулся к своему мародёрнику, в котором у него вместе с дополнительными патронами была припрятана и тушоночно-паштетная заправка.

- А почему бы нет? – не согласиться со столь своевременным предложением было трудно. Всё равно спать уже окончательно расхотелось. А так как время плавно перевалило за полночь, и комарьё, а особенно вездесущий гнус, наконец-то оставило нас в покое, то можно было покушать, как говорится, в «собственное удовольствие» – а что ещё двум бодрствующим мужикам среди ночи делать? Не пялиться же тупо на звёзды?!

Мы перекусили, время шло, бой продолжался, но более полной информации у нас всё не было. Происходящее оставалось покрыто завесой молчания. В конце концов мы, плюнув на всё и вся, перетасили наши шмотки на прежнее место, досоорудили днёвку и завалились спать...

Глава 6. Отвлекающий манёвр

Сулейман Имурзаев - амир ...нского района

То, что для задуманного Шамилём отвлекающего манёвра соберётся такая сила, Сулейман не мог даже и предположить. Никто не называл точную цифру, но Имурзаев был

уверен, что на штурм селения вышло никак не меньше трёх сотен вооружённых до зубов моджахедов.

Бездумно вызвавшись идти командиром над своими людьми, он вдруг оказался в первой волне атакующих. А первые, как известно, долго не живут. К тому же к населённому пункту они выходили по руслу небольшого ручья, укрываемому лишь редко растущими по его берегам деревьями. Никаких других укрытий от глаз возможных наблюдателей не было, и если бы не ночь, то подойти скрытно к селению такой большой массой народа вообще не представлялось бы никакой возможности. Так что хотя Магомедов и уверял, что у них всё схвачено, происходящее казалось Сулейману какой-то невероятной авантюрой. Нет, он вовсе не сомневался в возможностях захватить ...ры. Это, как ему казалось, можно было проверить с лёгкостью, тем более что российских войск в селении не было, а численность местных милиционеров не превышала восьмидесяти человек. Захватить селение, пусть и с потерями, представлялось ему вполне возможным, а вот успеть отойти, спрятаться в прилегающих лесах от русской авиации и артиллерии, от пущенных по следу спецов, как он считал, было практически невозможно.

«А стоит ли оно того? – раздумывал он, двигаясь в головняке общей колонны. НО что стоили его холодные рассуждения, если они уже выбрались из ручья и теперь вплотную подбирались к стоявшим на отшибе давно заброшенным строениям? Что они могли изменить?»

Боевик, шедший первым, начал выходить к языку света, падающему от высоко подвешенной лампочки. Воображение Имурзаева тут же нарисовало картину разодранного росчерками пуль неба, тёмную кровь на израненном лице, красочный цветок расплывающегося взрыва. Но ничего такого не произошло.

«О, шайтан! – Сулейман выругался, хотя правильное сейчас было молить о везении Аллаха, а не поминать это нечистое отродье. – Если кто-то сторонний сейчас выплянет, вся задумка пойдёт насмарку». – В голову снова стали заползать мысли о непродуманности предпринимаемых действий, и в этот момент во всём селении погас свет. Это было столь неожиданно, столь своевременно и столь не похоже на простую случайность, что у Сулеймана впервые за последние три дня появилась хоть какая-то надежда на благополучное возвращение «домой». Меж тем моджахеды, выползая из русла ручья, расплзались по улицам ... ров, чтобы уже тремя колоннами выйти к зданию местной школы, где располагались основные силы муниципальной милиции. Выйти, охватить её в полукольцо и стремительно атаковать. Сулейман взглянул на часы – те показывали без десяти одиннадцать ночи – пришло время включить радиостанции.

И почти сразу поступило первое сообщение.

- Ускориться! – потребовал задыхающийся от волнения и быстрой ходьбы голос. Сулейман не узнал, чей именно, тем не менее, повиновался, от быстроты и слаженности предпринимаемых действий сейчас зависело очень многое.

- Живее! – Имурзаев поторопил своих воинов и сам прибавил и без того широкий шаг. До исходных позиций оставалось совсем ничего. Теперь, когда боевики перестроились, отряд Сулеймана оказался на правом фланге, и ему, чтобы охватить школу полукольцом, следовало поторопиться. Внезапно где-то в центре хлобыстнула автоматная очередь.

- Бегом! – уже не таясь, крикнул амир и первым перешёл на бег. Счёт времени пошёл на секунды. Если не ударить сейчас, если дать возможность проживающим в школе ментам опомниться и схватиться за оружие, успех операции окажется под угрозой. Они бежали, совершенно не прятаясь

– скрытность уже не имела никакого значения, единственное, что ещё чего-то стоило – это непрерывно ускользающее время.

- Гранатомёты к бою! – вскричал Сулейман, едва ему открылась белая торцевая стена столь знакомого с детства здания. – Огонь, огонь!

Грохот выстрела, взрыв – грохот, грохот-взрыв-грохот... И понеслось...

- Дага, пройди дальше, дальше пройди! – орал в микрофон амир. – Да, да, обойди здание, чтобы не ушли. Отход перекрой, говорю! Понял, да? Понял? Я тоже, да, сейчас подойду. – Сулейман перестал кричать и, перехватив поудобнее автомат, начал смещаться вдоль цепи своих воинов, уходя всё дальше и дальше вправо.

То, что ему повезло, а может, на то была воля самого Басаева, было понятно с самого начала, когда ему и его людям была определена для атаки восточная – глухая стена здания. По его людям почти не стреляли. А вот атаковавшим в центре сейчас приходилось несладко: со стороны оборонявшихся летели густые грозди трассеров, бил станковый пулемёт. Пару раз рывкнули гранатомёты – бой приобретал затяжной характер.

- Ближе подходи, ближе! – снова прокричал амир и вновь машинально взглянул на часы – большая стрелка немудрено подходила к двенадцати. Час прошёл совершенно незамеченным.

«Пора отходить», – подумалось Сулейману. – Час – это слишком много. За час в селение вполне мог прибыть поднятый по тревоге пехотный полк, стоявший отсюда на расстоянии менее чем двух гаубичных выстрелов. – «Отходить!» – второй раз мелькнувшая мысль была прервана криком Даги, находившегося на правом фланге:

- Отходят! – заорал он, и тут же его пятёрка откры-

ла поспешный ураганный огонь по тыльной стороне здания, дважды ухнул гранатомёт Гаургаева, залился собачьим лаем РПК Вараева. Им ответили. Раздался пронзительный вскрик, и Сулейман, предчувствуя нечто нехорошее, побежал в сторону крика.

- Ваху Гаургаева... в живот, – пояснил выскочивший ему навстречу Дага. Он тяжело дышал, но пытавшихся отступить милиционеров боевики Сулеймана частично уничтожили, частично вогнали обратно вовнутрь школы, и на правом фланге вновь наступила передышка.

- Как Ваха? – уточнил амир, прервавший свой бег и теперь сидящий на камне и забивавший патронами опустевший магазин.

- Сделал укол, – ответил Дага. – Держится.

- Прижали? – ни сколько не успокоившись, поинтересовался Сулейман, имея в виду пытавшихся вырваться милиционеров.

- Прижали, – гордо заявил Дага. – Если кто и ушёл, то немногие. Сейчас поди стволы побросали и по канавам прячутся.

- Прячутся – не прячутся, – рассердился Имурзаев, расстроенный ранением своего воина. – Может, они и разбежались, но смотри мне внимательнее, а то обойдут с фланга...

- Не обойдут! – излишне оптимистично заявил Дага, и Сулейман вдруг понял, что тот попросту трусит, пытаясь скрыть свой внезапно появившийся страх под маской наигранной весёлости. «Не дурак! – подумалось амиру. – Был бы дурак – не боялся бы. И я боюсь». – Рука Сулеймана как бы сама собой поднесла к глазам тускло светящийся циферблат часов.

«Пора бы отходить», – вновь подумалось Имурзаеву, – странно, что менты-предатели до сих пор не вызвали подмогу. Хотя зачем вызывать, если грохот боя и без того слышен на

многие мили. А ведь всего в полутора километрах блокпост русских ОМОНовцев. Все всё уже давно знают», – закончив такой пессимистичной нотой, Сулейман совсем приуныл. Шансов на благополучный отход оставалось всё меньше. Но здание школы всё ещё не было захвачено, и команда отходить тоже пока не поступала. Беспощадная перестрелка продолжалась.

Маленькая стрелка часов вплотную приблизилась к цифре три, а засевшие в школе милиционеры сопротивлялись, никак не желая сдаваться на милость победителей.

«Лимит времени исчерпан», – почти с отчаянием в очередной раз подумал Сулейман, лежавший на растрескавшемся асфальте дороги. Бордюрный камень, прикрывавший его справа, вздрагивал от тяжёлых ударов попадающих в него пуль – сколь не ждал он возвращения прорвавшихся из школы ментов, но атаковали они неожиданно.

Воспользовавшись темнотой, подошли, прикрываясь заброшенными сараями, как можно ближе, и одновременно ударили. Будь милиционеров побольше, амир не смог бы поручиться, что ему удалось бы удержать позицию, но ментов оказалось только трое. Теперь же и вовсе оставался всего один. Но и Сулейман недосчитывался троих. Первым погиб Дага, так и не поверивший в возможность обхода. Затем очереди срезали развернувшегося к противнику Вараева. Третьим... – Имурзаев почувствовал, как дрожат руки от напряжённой усталости, от боли потерь, от ощущения надвигающейся неизбежности.

- Мурат, Хамид! – понимая, что с ментом пора кончать, проорал он в микрофон «Кенвуда»: – Из РПГ его, из РПГ!

- Сейчас! – отозвался чей-то хрипящий голос, и почти следом один за другим ухнули два гранатомётных выстрела, потом ещё один и ещё. Стрельба со стороны сараев прекра-

тилась. Сулейман попробовал встать, чтобы перейти на другое место, и вдруг почувствовал жгучую боль в правой икре. Извернувшись, он коснулся рукой штанины и ощутил, что она мокрая.

«Ранен!» – отчаяние заставило его покрыться потом. Если рана серьёзная, поспешный отход становился невозможным. Боль снова дала себя знать, появилось желание вколоть иглу с обезболивающим, но Сулейман поборол минутную слабость. Боль не была столь острой, чтобы позволять себе затуманивать собственные мозги. Он снова потянулся пальцами к штанине, судя по участку намокшей ткани, кровотечение было несильным. Но перевязать рану всё же следовало. Не обращая внимания на продолжающийся бой, амир сел, снял ботинок и, задрав штанину вверх, стал на ощупь бинтовать рану. Когда с перевязкой было покончено, он проделал всё в обратном порядке, затем попробовал сесть на корточки. И удовлетворённо ослабился – рана болела, но нога действовала вполне сносно. Слегка успокоившись, Сулейман продолжил руководить своим воинством.

Светало. В дымящемся окне школы появилась привязанная к винтовке белая простыня. Осаждающие восторженно взвыли. Выстрелы начали стихать.

- Выходи по одному, руки за голову! – крикнул кто-то из нападавших, и в выщербленном проёме, оставшемся от входной двери, показался первый из уцелевших милиционеров.

- Один, – Сулейман начал считать, – два, три, четыре... десять, одиннадцать. Одиннадцать. Половина из выходивших были в окровавленных повязках. Одиннадцатый и вовсе едва-едва переставлял ноги. Грянул одиночный выстрел, и появившийся последним тяжелораненый милиционер мягко повалился на кирпичное крошево. Сулейман, наблюдавший эту картину, горько усмехнулся. У него уже

давно не было жалости к чужой боли – будь та в жизни или в смерти. Но эта, как сейчас казалось, последняя смерть, напомнила ему о своей собственной. Стало совсем светло, вероятность появления русских превращалась в неизбежность.

- Аллах акбар! Аллах акбар! Аллах акбар! – восторженно кричали победители, кто-то снова начал стрелять – кто вверх, кто по поверженному, исходящему запахом пороха и сгоревшей взрывчатки, зданию.

- Что они делают? Совсем обезумели? Они и не думают об отходе? – эти мысли Сулейман произнёс вслух, но их, кроме него, никто не слышал. Тогда Амир взял в руки радиостанцию и перешёл на другую волну. Он хотел было достучаться до Магомедова и запросить разрешение на отход, но так же внезапно передумал, решив, что тот почтёт это за проявление слабости, а признать собственную слабость пред лицом Басаевского эмиссара значило потерять всё.

«Но ведь давно пора отходить, пора, иначе будет неизмеримо поздно и...» – додумать Имурзаев не успел, рация взорвалась треском, и хорошо узнаваемый голос произнёс:

- Через пять минут отход, твоё место в центре колонны, как понял?

- Понял, – ответил Сулейман, чувствуя, как радостно забилося уже было отчаявшееся сердце. Но окончательно радоваться было ещё рано. Ощущение того, что вот сейчас случится неизбежное и появится русская техника, нарастало. Амир видел, как его братья по борьбе связали и погнали перед собой пленников, видел, как начал вытягиваться в походную линию отряд Байсултанова Хамида, как потянулись вслед за ним моджахеды Авдорханова. Только разве это была походная колонна? Толпа возбуждённо галдящего быдла, разве что с оружием в окровавленных руках...

«Пара прицельно прилетевших снарядов, один заход

вертолёта и... – додумывать не хотелось. Увидев, как начали выдвигаться люди Оздоева, Сулейман окинул взглядом своих боевиков и дал отмашку на выдвижение. О потерях он уже сообщил, и теперь к одному не обозначенному на карте, но приметному месту в глубине леса должны были выдвинуться родственники погибших. Сам Сулейман не собирался идти на встречу с ними, перепоручив это неприятное дело одному из своих верных помощников. Всё тому же Рашиду. Что-что, а с доставкой трупов он справится.

Несмотря на собственную хромоту, Сулейману казалось, что они покидают селение непростительно медленно. За такое промедление, если пошло пренебрежение противником, частенько кое-кому приходилось расплачиваться жизнями, но, похоже, никого кроме него это не волновало. Моджахеды, опьянённые удачей, несмотря на потери, смеялись, радуясь своей победе и ни в какую не желали спешить. Сулейман же со всё возрастающим беспокойством глядел на поднимающееся над горизонтом солнце, обводил взглядом плывущие по небу редкие облака, отчаянно боясь увидеть среди них приближающиеся вертолёты противника.

Некоторое успокоение, скорее, даже пока ещё только призрачная надежда на благополучный исход появилась у него, когда ноги ступили на каменистую подошву речного русла. Отсюда и до первых узких полос тянувшегося на юг леса оставалось каких-то три сотни шагов. Это расстояние можно было преодолеть бегом, его даже следовало преодолеть бегом, но смешавшаяся в плотную толпу колонна победителей словно нарочно испытывала терпение судьбы. Слава Аллаху, что в этот день она оказалась благосклонна, и они благополучно добрались до лесных усынков. Но и тогда ведущие моджахедов люди продолжили играть в рулетку. Они не вошли в лес, чтобы укрыться под тенью его деревьев, не разбрелись во все стороны, а двинулись по дороге, по

совершенно голой, разве что закрытой с трёх сторон хребтами лощине. На что они надеялись? На везение, на удачу? На что? Но ни везение, ни удача не могли длиться вечно. Озираясь по сторонам, Сулейман всё ждал: вот-вот с сопки ударит пулемёт русских, его подхватят десятки автоматов и винтовок, и вся их удача, вся их с такими усилиями одержанная победа превратится в прах, рухнет под ноги русских горой обезображенных трупов. Повинуясь этим страшным, нахлынувшим на него мыслям, он пожелал было отдать команду собственным воинам свернуть влево, в спасительную чащу, но, ещё больше испугавшись обвинения в трусости, не сделал этого. А они всё шли и шли, а небо оставалось практически безоблачным и безопасным. Никто по ним не стрелял. Ни с запада, ни с востока не прилетали оглушающие снаряды. Не было в небе и хищных вертолётов.

«У него действительно всё схвачено!» – подумал Сулейман, когда колонна, преодолев лощину, наконец, начала втягиваться в лес. Когда же он сам и его люди оказались в освежающей ночной прохладой тени, убеждённости в этом стала окончательной.

Через четверть часа единый до этого отряд моджахедов стал расползаться на отдельные рукава. Пленных погна-ли напрямиком на юг. Раненых понесли на восток, а убитых в направлениях их отчих домов.

Отрядив десять человек для переноски убитых, Сулейман разрешил остальным небольшой привал с тем, чтобы потом, уже ни разу не останавливаясь, направиться к своей основной базе. И пока его воины отдыхали и приводили себя в порядок, амир, уединившись в лесу и встав на колени, возносил мольбу Аллаху с просьбой о том, чтобы тот никогда не перевёл в стане врага род предателей. Когда же молитва была окончена, Сулейман поднялся, вернулся к своим людям и, отдав короткую команду, повёл их в юго-восточном направлении.

Глава 7.

Поисково-засадные действия

Старший прапорщик Ефимов – командир второй группы первой роты ...того отряда специального назначения ГРУ

- Чехи брали ...ры, – сообщение, поступившее с рассветом, вызвало удивление, если не сказать больше. И дело было не в самом факте, а в том, что информация об этом пришла только сейчас.

- Теперь они отходят в южном направлении, – сообщивший её Кашкин выглядел растерянным.

Я медленно отодвинул полиэтиленовый полог днёвки и выбрался наружу. В раннем утреннем свете всё выглядело серым. Солнце ещё только-только встало и пока ещё с трудом пробивалось лучами сквозь густые ветви деревьев.

- И какого рожна они до сих пор секретились? – возмутился вылезший вслед за мной Гордеев, имея в виду кого-то из вышестоящих начальников. Покрутив по сторонам головой, он сдёрнул с днёвки укрывавшую её пленку и плюхнулся обратно на коврик.

- Угу, – сладко потягиваясь, поддакнул ему я, – если бы дали команду, да ещё ночью, мы бы легко перехватили отходящих чехов на выходе из селения.

- Там бы нас и положили! – со всей прямоотой заявил не разделявший моего оптимизма ротный.

Я промолчал, ибо не спешил спорить: судя по количеству гранатомётных выстрелов, боевиков было никак не меньше сотни-другой. А нас двадцать девять, включая ротного.

- Но на месте командования я бы всё равно нас туда послал, – удержаться от такого замечания даже ротному при

всём его скептицизме было невозможно. – А там, кто знает, может, и повезло.

- Да, повоевать бы пришлось, – в чём-в чём, а в этом сомневаться не приходилось – возможные пути отхода мы перекрывали с лёгкостью.

И я, и Вадим хорошо знали, что лес к селению подходил близко только на двух участках, да и то – место, хоть как-то укрывающее до подхода к домам селения было лишь одно: по руслу бегущего там ручья.

- Героя бы мы своего заработали, это точно, – крайняя фраза прозвучала видимо недостаточно оптимистично.

- Посмертно, – с такой вот жизнеутверждающей лёгкостью присоединился к разговору подошедший к нам Паламарчук. Он хитро шурился и ехидно улыбался.

- И ордена Сутулова с закруткой на спине, – в тон ему хмыкнул я. Он был прав, и хотя ещё не факт, что чехи нас задавили бы, но без значительных потерь не обошлось бы, это точно. Впрочем, если засесть там на одной сопочке, вернее, в начале небольшого хребта, можно было повоевать, и неплохо так повоевать! При удачно сложившихся обстоятельствах наваяли б мы их... А уж задержали бы без вариантов, а там бы и матушка-пехота подтянулась. Кстати говоря, а где она была всю ночь? Там же, где и мы – в неведении? Интересно девки пляшут. Неладно что-то в королевстве нашем...

- Ладно, пойду, потребую дальнейших распоряжений, – Гордеев подхватил автомат, поднялся на ноги и, появив свою мысль, добавил: – По уму ещё можно попытаться кого-то из них на отходе перехватить.

- Ну да, если рвануть в темпе на юго-запад, – с мыслью ротного было трудно не согласиться. Не знаю, кто как, а я лично был за то, чтобы немного пощипать чехам пёрышки.

Впрочем, к засевшим в кустах радистам мы отправились все трое.

Добиться чего-либо вразумительного по поводу наших дальнейших действий удалось далеко не сразу. С дежурным радистом трепались ни о чём довольно долго. Но, в конце концов, у Вадима получилось достучаться до комбата.

- Наши дальнейшие действия? – без обиняков спросил он вышедшего на связь Шипунова.

- Двигаетесь по прямой в квадрат Там устраиваете засаду и ждёте указаний. Идти – никуда не сворачивать. Над лесом будут работать вертушки. Как понял? Приём, – похоже, ответ для нас у него был продуман заранее.

- Понял тебя, конец связи, – и, отдав гарнитуру радисту, ротный сразу потянулся к запрятанной в разгрузку карте местности. Я полез за своей. Мне тоже не терпелось проверить, правильно ли я сориентировался, представляя направление нашего дальнейшего движения. Оказалось, правильно – вектор нашего будущего пути указывал строго на юг.

- Хм, – искренне удивился заглядывающий мне через плечо Паламарчук. Вадим же, видимо тоже успевший разобрататься с направлением, пока помалкивал. А солнышко, строго зная своё дело, уже поднялось над лесом, осыпая нас своими пока ещё бледными утренними лучами.

- Похоже, комбат нас не желает в это дело втравливать, – из поставленной задачи напрашивался именно такой вывод. Ротный посмотрел на меня и, не торопясь, свернул и убрал карту. Игорь Паламарчук отломил веточку орешника и начал ковырять в зубах.

- Подставить боится, – наконец высказался он.

- Угу, – задумчиво согласился Вадим с озвученными нами мыслями. – Короче, братцы, кончаем трепаться, собираемся и топаем. Аля – улю, гони гусей. И пофиг. В конце концов, нам что, больше всех надо? – несмотря на показное безразличие, мне вдруг стало понятно, что он всерьёз начал переживать об упущенной в ночи возможности. Причин

бить чехов всегда и везде у него всё ещё оставалось предостаточно.

- Иванов, – я негромко окликнул прикорнувшего под кустом второго радиста, – давай по тройкам, через пятнадцать минут начинаем движение. И Тулина ко мне.

- Есть, тарщ прапорщик! – легко проснувшись, Иванов вскочил на ноги, взял свой автомат и отправился выполнять моё поручение.

- Я тоже пойду, – Паламарчук развернулся и пошагал к своей группе, находившейся с северной части хребта.

Само расположение наших групп подсказывало, что первым придётся идти нам и соответственно Тулину, соответственно, для этого я его и вызвал, но ротный решил по-своему.

- Игорь, – окликнул он уходящего капитана, – твои идут первыми.

- У йес, – подтвердил получение приказа Паламарчук и, не оборачиваясь, пошёл дальше.

Мне ничего не оставалось, как отослать прибывшего за получением указаний Тулина обратно к его тройке.

Мы начали сборы, и через пятнадцать минут сквозь наши боевые порядки потянулась длинная вереница Паламарчуковских разведчиков.

Едва ли наше движение по прямой можно было назвать ведением разведки. Хребет, по которому мы топали, был давно и надёжно изучен, к тому же по имеющимся (в том числе и последним) сведениям мин на нём – ни чеховских, ни наших – отродясь не было, так что чувствовали мы себя в относительной безопасности. Вероятность встречи с отходящим противником тоже была невелика, а с учётом удерживаемого нами курса и вовсе уходила в минус бесконечность. Если наши пути и могли пересечься, то только в какой-либо неизвестной точке, а это как место встречи двух

бесконечных прямых – они бесконечны, а точка пересечения одна, махонькая... В общем, точка она точка и есть.

До требуемого квадрата мы дошли довольно быстро.

- Чи, – донесшееся до меня сзади заставило обернуться. – «Командиров групп к командиру», – показал знаками шедший позади меня Каюмов. Я кивнул и остановил двигавшегося чуть впереди Кашкина.

- Чи, – «командира группы сюда», – после чего развернулся и оказался лицом к лицу с подошедшим ротным.

- Ты, Игорьь, остаёшься здесь, – Вадим начал посвящать нас в свои планы, – а мы с Серёгиной группой забудемся на полквadrатика западнее и посидим там. Пойдём налегке, так что, Серый, рюкзаки бросишь здесь, а к вечеру вернёмся. И мины, кстати, отдай Игорю, пусть бойцы устанут, ночью спокойнее спать будем. Полчаса на всё про всё, в том числе на перекусить, думаю, хватит.

- Вполне, – согласился я.

- Тогда через полчаса выходим. Так что пусть с приёмом пищи не волынят, следующий раз, может, завтра утром есть будут. Впрочем, ничего им не говори, а то всё за раз сточат, пережрут, блин... – он улыбнулся, видимо представив обожравшуюся сухпайками группу. – Всё, командуйте.

- Кашкин, – позвал я, одновременно снимая рюкзак и усаживаясь на коврик, – старших троек ко мне по-быстроу.

- Я, есть, – отозвался радист и, пятясь, умчался выполнять полученное поручение, а я, пребывая в ожидании, достал банку с рисовой кашей и с задумчивым видом принялся есть. Холодная, жирная, она никак не желала лезть в не слишком проголодавшееся горло, но понимание того обстоятельства, что следующий раз кушать придётся ещё не скоро, заставляло продолжать методично орудовать всё той же сухпайковской пластмассовой ложкой. Когда же старшие троек наконец-то явились по моему вызову, едва ли не поло-

вина каши была уже съедена.

- Внимание всем! – времени до начала выдвижения оставалось не так много, так что я решил сильно не рассусоливать. – Выходим через, – взгляд на часы, – двадцать четыре минуты, рюкзаки, всё имущество оставляем здесь, с собой только боеприпасы и воду. Один рюкзак на тройку, все бутылки в него. МОНки передадите в первую группу, потом только забрать не забудьте. Степан, ты, как всегда, первый. Азимут где-то как-то двести семьдесят градусов. Туда-сюда отклоняться не возбраняется. Но в разумных пределах. Полквadrатика пройдем и сядем на засаду, до вечера. На ночь вернемся обратно. У меня всё. Думаю, вопросов у вас нет?!

Кто-то кивнул, кто-то тихонечко поддакнул.

- По местам! Степан, движение начинаешь самостоятельно.

- Ясен пень, – непонятно чему радуясь, отозвался Тулин и первым отправился к своей тройке.

Вышли мы ровно через двадцать пять минут, долго бродить не стали, а пройдя, как и говорил наш ротный, с полквadrата, сели на засаду. Как пообещал Вадим, только до сумерек. Я лично распределил между тройками участки местности и, расположившись вместе с радистами недалеко от головной тройки, принялся ждать.

Солнце клонилось к вечеру. Небольшой ветерок, набегавший с севера, не охлаждал, а приятно освежал лицо. После ночного бодрствования клонило в сон. Чтобы не проявить слабость и не свалиться в его пучину, я время от времени откручивал пробку полторашки и делал глоток минеральной воды. Сонливость временно отступала, чтобы спустя десяток минут начать одолевать вновь. Увы, вскоре минералка подошла к концу, я чувствовал себя как бидон с водой, но спать от этого меньше не хотелось. В очередной раз, чтобы взбодриться, мне пришлось подняться на ноги.

Выпрямившись, я потёр руками лицо и лёгким движением ноги растолкал задремавшего Иванова:

- Бди! – после чего взглянув на сонно посапывающих ротного и Кашкина, отправился к бойцам головного разведдозора. И, как оказалось, вовремя. Хотя и не приди я к ним, что бы изменилось? Пожалуй, ничего.

- Т-сс, – сидящий на коленях Тулин приложил указательный палец к губам, а потом ткнул им в глубину леса. Я быстро присел, взглянул вдаль, и мне тут же стала понятна его настороженность: за стволами деревьев, пока ещё частично скрываемая листвой, мелькала размытая камуфляжной окраской человеческая фигура. Оба на, чехи! Давненько не виделись, уже соскучиться успел.

«Ивахненко, – пока я задумался над тем, что предпринять, Степан показал на снайпера, – снимет».

Я увидел в руках Ивахненко короткую ВССку и одобрительно качнул головой. Меж тем в глубине леса показалась фигура ещё одного боевика. Становилось всё интереснее. Теперь уже я тыкнул пальцем, и все остальные понимающе кивнули. По уму следовало предупредить всю группу, но, к сожалению, уже не хватало ни времени, ни возможностей, лишние метания могли привести к обратному результату. А замеченный первым чех всё приближался. Ивахненко прильнул к наглазнику прицела. Я, как и все, замер в ожидании, ни напоминать ему о чём-либо, ни подсказывать, ни тем более учить его я не собирался. Учёба осталась в прошлом. Пока он целился в первого, я начал внимательно выглядывать следующего. Тулин и Лавренков последовали моему примеру.

Сухо щёлкнул затвор «Винтореза», шедший впереди боевик согнулся и повалился на землю. Но, увы, наш расчёт на то, что второй чех окажется не сильно сообразительным, не оправдался. Выстрела при дующем в нашу сторону ветерке слышать бандит не мог, но падение своего собрата

несомненно видел и не на секунду не усомнился в его причинах. Осознав грозящую ему опасность, бандит ломанулся в сторону, но всё же опоздал – слаженный перестук выстрелов оборвал его движение, заставил споткнуться и повалиться на корневища дерева. В обозримой видимости никого больше видно не было. Мы замерли. На несколько мгновений наступила тишина, потом нам ответили. Из глубины леса, из-за какого-то Запределья, затарахтел пулемёт, нестройно застучали «Калашниковы». Пули засвистели вокруг нас с осиной настойчивостью, но боевики целились слишком плохо, слишком неточно, чтобы всерьёз опасаться попаданий. Хотя приятного всё же было мало. Чехи усилили напор, мы тоже не захотели одалживаться, от души окатив свинцом окружающее пространство. К этому моменту проснулись мои радисты и тоже сказали своё слово, по-озорному длинными очередями обложив окружающую чащу. Следом начали разворачиваться во фронт и втягиваться в бой и центровые тройки, выстрелы с нашей стороны зазвучали чаще, в конце концов, почти заглушив собой ответный огонь противника.

- Что у вас? – подле меня плюхнулся встревоженный и всё ещё слегка сонный ротный.

- Вальнули двоих, – наши давили, я перестал стрелять и повернулся лицом к Вадиму.

- Точно? – сонливость с лица Гордеева исчезла бесследно.

- Точно, – уверенно подтвердил я. Один чех по-прежнему лежал в неподвижности, второго видно не было, но я был уверен, что сам уйти далеко тот не мог, а прочие боевики к нему пока не приближались.

- Общая команда: короткими перебежками, вперёд! – Вадим не знал наших условных сигналов и потому отдавал команды голосом без лишних затей.

- Прикрывай! – закричал Тулин, вскакивая на ноги. Я

тоже не собирался засиживаться на месте. Трупы действительно стоило отбить.

- Пошёл, вперёд, магазин, лента, пошёл... – отдаваемые команды неслись со всех сторон, но их было не столько слышно, сколько привыкшие друг к другу в многочисленных тренировках бойцы знали, когда и как поступить.

До первого трупа мы добрались довольно быстро. Чех оказался мертвее мёртвого. Выстрел из «Винтореза» снёс ему полчерепа. А вот второй боевик при нашем приближении слегка пошевелился или мне это только показалось, но я, не задумываясь, всадил в него добрый десяток пуль и только тогда подбежал ближе. Мои бойцы расползались по лесу, ожидаемого яростного сопротивления со стороны противника не было. Остававшиеся где-то в глубине чащи боевики почти не огрызались. Более того, их редкие попытки пострелять тут же подавлялись дружными залпами моих разведчиков.

Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Афганский росчерк

Из цикла стихов

* * *

Мы дети бунтарского века,
Мы тянем его, как струну,
И что там судьба человека,
Когда разговор про войну.
Кого обожжёт его драма,
Его искупительный страх?
Война пожирает страны,
Людей превращает в прах.

* * *

Все широты трещат по швам,
Мы всё дальше уходим на юг,
В пыльном зное Шинданд и Баграм,
Рядом с доблестью боль и испуг.

С трассы...

Радио...

Бьют в упор...

Вспыхнул факелом «наливник»,
Кто с «базукой» –

тореодор,

Кто в машине –

жертвенный бык.

Где там бэтэры –

жми сюда!

Башню вправо –

Прицел! Надави!...

С небосклона скатилась звезда

Прямо под ноги вся в крови...

В шлемофонах треск.

Пулемёт рыгнул –

Над дувалом выдал струю.

Кто чужую жизнь,

словно пыль, смахнул,

Может быть, защитил свою.

Участился пульс,

сжалось время в миг.

Две «вертушки» ведут карусель,

Помоги им Бог,

упреди их крик,

Вылей прочь поминальный кисель.

И надежда,

как капля,

вливается в грудь,

Автоматная дрожь ей –

целебный бальзам,

Мы идём, и пока не кончается путь,

Все широты трещат по швам.

Раздуты балахоны на ветру –
Решилось «вороньё» пойти в атаку,
Я только пот с ладоней оботру
И снегом проведу по автомату.

Он труженик, за целый день устал,
Откинулся на бруствер, бедолага,
Я всё ему про духов рассказал,
Он мне шепнул, что дарит им три шага.

Он смел, самоотвержен, как солдат,
Ему приказ превыше всех законов,
Не просит ни отличий, ни наград,
Лишь только бы не кончились патроны.

Он честен, он и в малом не соврёт,
Ещё рожок, и – дробный лязг затвора.
Давай, однополчанин, наш черёд –
Приклад в плечо, по-братски, до упора!

Огонь! До раскалённого ствола,
Вгоняя пули в цель строкой, как гвозди,
Чтоб верх чужая сила не взяла.
Он прав в бою, и будь, что будет после...

Дымились гильзы, сыпались в сугроб,
И пули балахоны рвали в клочья,
Мой автомат от радости взхлёб
Кричал, что он сегодня самый точный!

Рота

Рота шла в гору
Долго, упорно,
День на закате сгорал,
Сутки навывлет
Притчей и былью
Шла она на перевал.
Высохли губы,
Выдались скулы,
Пот на висках иссяк,
Солнце немилостиво
Жгло и слепило
Пыльный людской косяк.

Там, за плечами,
От бед и печалей
РД и полжизни в нём,
Надежны, весомы
Гранаты, патроны
И схвачены мины ремнём.
Там фляга, как скряга, -
Пустая баклага,
Последний глоток, как завет,
Вода где-то рядом,
Чахоточным взглядом
Глаза пьют зелёный цвет.

Рота шла в гору
В лютую пору,
Бились осколки надежд.
Двадцать – не возраст,
Что она, гордость? –
Хрупкий незрелый тест.

Время меж пальцев,
Надо держаться,
Чтобы не падать без сил.
Сколько осталось?
Шаг для начала...
Только привал не проси...

Мы были, мы жили,
Мы крепко любили
И вдруг позабыли сейчас,
Что в яблочном мире,
В знакомой квартире
Нас ждут – не дождутся в запас.
Нас еле хватает
На то, чтоб поставить
Разбитые ноги след в след,
Поймите, простите,
Нам только бы выйти
На этот проклятый хребет.

Рота шла в гору,
Как к приговору,
Выше и выше вверх,
Шла и молчала,
Близко не знала:
Пули отлиты на всех...

Без боли и страха,
Без взлёта и взмаха
Отправились мысли вразлёт.
Изранена фляга,
Бессмертна присяга,
А роту срубил пулемёт...

* * *

Сергея Махлова не хотел отправляться в Афган,
Чужая страна, чужие вражда и молитвы...
Зачем эта боль, что
 течёт из истерзанных ран?
Зачем эта чаша,
 что досуха будет допита?

Но волей судьбы за спиной сожжены все мосты.
Ты должен – и в этом проклятье закона.
Не стало теперь ни звезды, ни огня, ни мечты,
И он перешёл через мутный поток «Рубикона».

Он был не готов, но об этом никто не спросил,
Наличный состав приведён к утверждённому штату,
Как быстро
 подсохли следы от чернил,
Как медленно
 солнце склонялось к закату.

В чужой полутьме под холодным вечерним шатром
Тревожный дурман отравил безысходностью мысли -
Мы смертны, и пусть нас помянут добром,
Хотя бы за то, что так мало нам выпало в жизни.

На горной тропе и ему как обрезали путь...
Ударило эхо разрывом по сонным камням...
Осколки
 пробили бессмысленно грудь...
Сергея Махлова
 не хотел отправляться в Афган...

Нас одних оставляют друзья,
Уходя в невозвратные дали,
Их к себе призывают князя
Темноты, тишины и печали...

Друг, прости мне хмельную блажь,
Я ведь знаю, что ты – не осудишь.
Я вдохну свою жизнь, как мираж,
Самогонным огнём, полной грудью.
Поднимаю горячий свой тост
За тебя, за погибших братишек.
Все до дна... Твой холодный погост
Сквозь стекло я отчётливо вижу,
Зачерствело лицо, и глаза
Там закрыты спокойно и строго,
Мне твой голос услышать нельзя,
Даже если и выпью я много,
Даже если прорвусь через сон
И пожму твою крепкую руку.
Чёрный ворон – свидетель времён
Возвещает беду и разлуку.
В забытии – пляски чёрных теней,
Грязно-рыжий разодранный всполох.
Сколько в Лету обрушилось дней,
Сколько жизней потребовал Молох!
Рвал промёрзшие скалы фугас –
Поминайте и не обессудьте...
Говорят, время выбрало нас
И оставило на перепутье.
Приказало принять и стерпеть,
Заплатить алой кровью по счёту,
Даже выбор за жизнь и за смерть
Принимать как свою работу.

Нет, никто нам свиданье не даст,
Все отчерчено властно и строго,
И не встретиться нам в этот раз,
Даже если и выпью я много.

Друг, прости мне хмельную блажь...

Затишье...

Затишье на войне. Как сердце безмятежно!
Прохладный ветерок, гитарный перезвон,
Становится смелей щемящая надежда —
Когда наступит срок, вернуться в отчий дом...

С родимой стороны не долетают ветры,
Слабее, чем стекло, мозаичные сны,
И пуля у виска оставит миллиметры,
Пройдя наискосок от лета до зимы...

С тревогой писем ждут и мамы, и подруги,
Заметки из газет на третьей полосе
Расскажут про войну на отдалённом юге —
Господь вас сохрани, чтоб вы вернулись все.

Молитва да спасёт, душа не опалима,
Она в тяжёлый час — незыблемая твердь.
Не подставляй врагу затылок или спину,
Встречай глаза в глаза и жизнь, и боль, и смерть...

Тюльпаны отцвели, уже раскрылись розы,
И скоро оживут созвездья хризантем.
Нам дороги края, где сладки даже слёзы,
Где просят нас прийти живыми насовсем.

Приключенческая повесть

Не легенда и не новость,
Перечитана не раз
Приключенческая повесть
Про Панджшер и про спецназ.
Каскадёры, супермены...
Жизнь отважна и сладка
До победы – до размена –
До последнего глотка...

Был удар. Тугой пружиной
Понесло в туман и даль,
К чёрной бездне мчит стремнина,
И себя так страшно жаль.
Память бредит караваном,
По вискам молотит кровь...

Не рыдай до срока, мама,
Сына в армию готовь.
И молись во имя Отче,
В Бога верь, в свою судьбу,
Просыпайся среди ночи
Под жестокую грозу.
Пережив и боль, и горечь,
Только ты одна поймёшь
Приключенческую повесть,
Так похожую на ложь...

Горькой славы достоин
К южным странам интерес,
Там, как прежде, тлеют войны,

Мины рушатся с небес.
Я боюсь солгать небрежно,
Слово вскользь произнести...
Тех, кого захватит бездна,
Не дожидаться, не спасти.
Умолкаю в полуслове,
Кто поверил в этот раз,
Приключенческую повесть
Написали не про нас.

Два Серёги...

У седого гранитного камня
Вот и я непокрытый стою,
Он развёрнут по ветру, как знамя,
И как будто бы поднят в бою.

Здесь лежит под плитою Серёга
В домовине родимой земли...
Я спрошу его, как там у Бога,
Как встречали, под руки вели?

Что спросили, за что судили?
Да, за что, если полный расчёт...
Как легка тишина на могиле,
Здесь и время иначе течёт.

Пригорюнилась мать офицера –
«Ты такой молодой, мой сынок» –
Да пребудет в душе её вера,
Хватит сил, чтоб заплакаться впрок.

Рядом с ним под соседней плитою
Похоронен такой же наш брат,
На два месяца позже из боя
Не прорвался другой лейтенант.

Исковерканный болью и смертью,
Отработав свой каторжный долг,
Он вернулся домой лихолетьем,
В чернозёмные простыни лег.

Им простили грехи по-солдатски,
Так устроен заоблачный быт,
Ветку белой сирени – на лацкан,
Боевые мечи – на щит.

И лежат, недвижимы и строги,
Как стояли в армейском строю,
Два соседа теперь – два Серёги,
Разорвавшие жизни в бою...

Заживают от времени раны,
Я не знаю, но так говорят...
У седого гранитного камня
Мне назначен последний наряд...

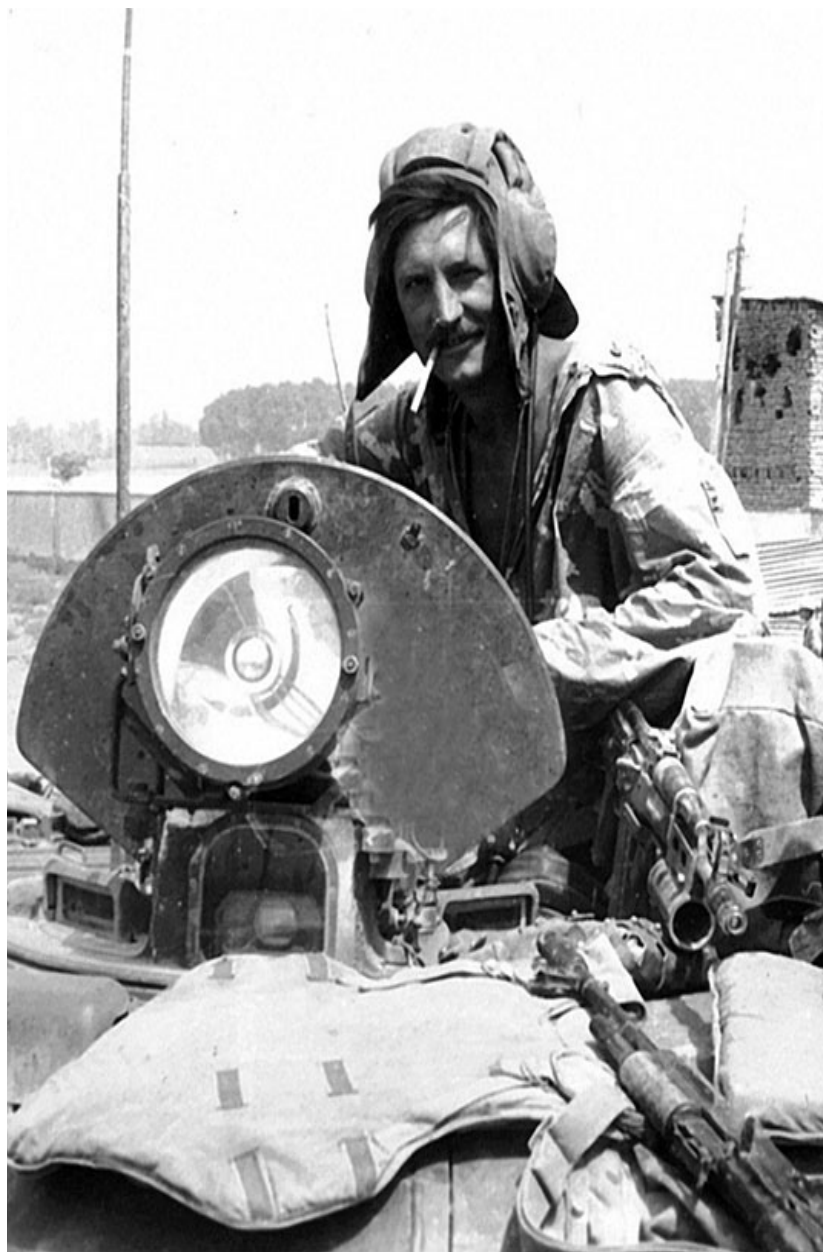
30-летию окончания Афганской войны посвящается

30-летию окончания Афганской войны посвящается

30-летию окончания Афганской войны посвящается

Сергей КОЧУКОВ

Там, под Кандагаром

Очерки об афганской войне

- Что рассказывать? Те два года, с августа 1986-го по август 1988-го – конечно, навсегда остались в памяти. Только память какая-то избирательная стала. Вспоминается только хорошее. Боевое братство, примеры настоящей мужской дружбы. К примеру, там было всё понятно – вот враг, вот свои. Идёт война и ты должен ударить первым, от этого не только твоя жизнь, но и жизнь твоих бойцов зависит, а также тех, которых ты прикрываешь, кто в КАМАЗах с горючкой подходит к зелёнке под Кандагаром.

- Что? Интернациональный долг? Да ты, что? Восемьдесят шестой – восемьдесят восьмой годы на дворе. Война уже седьмой год шла. Хлебнули горя, и потери невыносимые. Давно все понимали, что вляпались в самое дерьмо со своим интернационализмом. Думаю, и в верхах тогда уже это понимали, только не знали, как из этого выбраться. А мы, что? Нам ничего не оставалось. Воевать и постараться выжить, постараться сберечь пацанов, которым и двадцати нет. Ладно, мы, офицеры. Мы сами путь военный выбрали. Этих-то пацанов за что? Кто их спрашивал, когда сюда тысячами гнал, а потом сотнями в цинках отправлял назад?...

Да... И всё-таки там было немало хорошего, главное, всё понятно. Это уж по возвращении в Союз стало многое непонятно. В родной стране мало кто знал о том, что где-то идёт настоящая кровавая война, что там гибнут люди (или не хотели знать?) По телеку мы там парки с дружественным афганским народом сажали и с комсомольским задором чинили афганские дороги. А главное, нас, прошедших этот ад, никто не хотел слушать. Даже военные, которым мы, «афганцы», пытались доказывать, что в армии нашей бардак, что надо по-другому учиться воевать. Кто нас слушал тогда. Всё трещало по швам. Разваливалась армия, разваливался Советский Союз. Жаль! Это была наша армия, и страна, которую мы любили, и верность которой своей кровью доказали, была нашей. Жаль, такую страну развалили, сволочи!...

- С чего начиналось? Да, впрочем, как у всех: родился в великом Советском Союзе, в столице одной из его республик, в Баку. Там же окончил школу и Высшее общевойсковое командное училище. После была Монголия (та ещё за граница!) и должность взводного в разведывательном батальоне танковой дивизии. Почему в разведбате? Сам напросился. Контингент в общем-то отбор проходил; ребята там пограмотнее, и по «физике» и по моральным качествам на порядок выше. Да и служба не в пример пехотной рутине интересней.

- Нет, в Афган я не сразу попал. В декабре 85-го под Ашхабад направили, в единственную в Союзе часть – Отдельный батальон офицерского резерва. К тому времени уже начинали понимать, что без адаптации в условиях близких к Афганистану, без спецподготовки вождению, стрельбе в горной и пустынной местности это действительно пушечное мясо, пусть и офицерское.

- Попал в Кандагар, второй по величине после Кабула город в Афганистане, на самом юго-востоке страны. Пакистан в 30-40 км. В этой провинции уже тогда верх дер-

жали талибы, наиболее фанатичные и непримиримые. Был командиром взвода 9-ой роты 70-ой Отдельной мотострелковой бригады, потом в ней же стал заместителем командира роты (была введена такая должность исключительно в условиях войны). Поначалу рота была рейдовой. В скольких рейдах пришлось участвовать, точно не помню, около десяти, за небольшим исключением во всех были боестолкновения с душманами. А потом был Гундиган.

- Это место знаменитое. Все, кому довелось проезжать дорогой из Шинданда в Кандагар, конечно, помнят «зелёнку» перед самым Кандагаром, помнят эти гиблые места – «Гундиган», «ГСМ», «1001-ый», «Тюрьма», «Чёрная площадь». Это ведь «дорога смерти» - не назовёшь иначе. Там, в этом районе обочины все в сгоревших «наливниках» – бензовозах. Смотреть страшно. Сопровождение этих колон хоть под какой-то бронёй, а пацаны в своих КАМАЗах, как в фанерном ящике. Боже! Сколько же там сгорело их заживо, сколько в упор расстреляно!

- Так вот про Гундиган. Место это на горе, в скалах, зато вся «зелёнка» как на ладони, и трасса, по которой наши колонны движутся, под тобой. Догадались, наконец, выбили оттуда духов и свой пост установили. И нашу 9-ю роту туда, так до августа 88-го и провоевал я там. Пост наш, как кость в горле, для духов стал. Конечно, и нападения и обстрелы колонн продолжались, но уже не так безнаказанно, нам танковый взвод придали, батарею миномётную и «Шилку». Без излишней скромности можно сказать – многим, что в колоннах шли, мы жизнь спасали.

- Что, тёпленькое местечко? Нет, брат, скорее горячее. Первое время мы только ночами свой пост оборудовали. Представляешь, а там сплошная гранитная плита. Начальник боепитания бригады негодовал тогда, мы у него годовой запас тротила на свою позицию истратили. Ночами

в гранит вгрызались, а днём нас духи обстреливали. Потери были, и немалые, и среди рядовых, и среди офицеров. Представляешь, мы пока там были, даже памятник импровизированный им соорудили с поимённым списком, кто на этом посту погиб. Цел ли он сейчас?

- Бытовые условия? О! Это отдельная история. Раз в две недели старшина с сопровождением спускался в бригаду и доставлял продукты. Да нет, не голодали, вроде, и повара свои были, из топора кашу сварганить могли. Вода тоже привозная. Старались всегда кипятить, все боялись желтуху или тиф подхватить, это, считай, уже на полпути в ад или в рай. Меня сия чаша миновала, а вот малярией переболел. Тоже хорошего мало. Представляешь, жара под пятьдесят, а тебя под тремя стегаными одеялами от холода колотит? Ничего, выжил. Движок дизельный только через год появился, до этого без электричества жили. Баню тоже только через год построили. Нет, ну почему год не мылись? Мылись – в блиндаже водички согреешь, и тебя твой друг из кружки поливает, потом ты его. Ух, кайф, только веничка берёзового или дубового не хватает...

- «Дедовщина», спрашиваешь? Знал и не понаслышке, что процветала она в отдельных частях. Это когда офицер или мямля, или пьянь, свой страх и совесть заливает. Или, когда не на «боевых», а в расположении, и солдат не занят делом, сам себе предоставлен. У нас как-то не прижилось это. Да и могло ли прижиться, если под обстрелом каждый день. Молодые и старослужащие, конечно, отличались друг от друга, в том числе и в повседневной жизни, но чтобы вот какого-то глумления, иных изошрённых форм «дедовщины», точно не было. Рукоприкладство имело место пару раз у нас на Гундигане. Засыпали молодые на посту и получали потом по полной. Не возмущались, знали, что совершили грех великий перед сослуживцами. Знали, что духи рядом,

могут и проникнуть и перерезать и в плен уволочь.

Да... Всё было, даже в обмене пленными пришлось участвовать. Один из «наливников» был подбит и горел прямо под нами. Вроде, видели, что водитель успел машину покинуть. Потом искали его; автомат, бронежилет на месте, а его нет, Прочёсывание «зелёнки» результатов тоже не дало. Уже потом контрразведчики узнали, что он в плену у духов. Подробностей не знаю, только велись какие-то переговоры, для участия в них даже какой-то спец из Кабула приезжал. А в то время в Кандагаре у нас в плену находился брат одного из полевых командиров, вот и договорились обменять его на солдата. Нас десяток и нам строгий приказ не применять оружия ни в коем случае, а их душманов вывалило к месту обмена больше сотни и вооружены до зубов. Чувство не из приятных. Среди них мы сразу заметили закутанных платками до самых глаз европейцев. Походка, жестикация, отдельные элементы одежды – трудно с настоящим афганцем спутать. Ходили всё, фотоаппаратами щелкали. Чёрт с ними, главное пацан живой остался и домой вернулся.

- Что потом? Потом август восемьдесят восьмого был, бригада наша покидала Кандагар. Когда только в колонны строились, когда из города выходили, душманы нас из всех стволов лупили. Такого я ещё не видел. Страшно, конечно, было страшно. Думали, не выпустят они нас. Однако как-то сразу стрельба прекратилась. Видно, дошло до них, что мы навсегда уходим. А ещё видно их руководители поняли также, что эти «шурави» так просто убивать себя не позволят. Они драться будут, они не только своей, но и их кровью эти горы зальют. Так потом через Шинданд, Герат, до нашей Кушки своим ходом и шли. Нет, нападений не было.

- О том, как родная земля встретила, я уже говорил тебе. Командование решило, что я довольно под тёплым солнышком погрелся... «Надо же, целых два года вино-

град, гранаты, персики. Да и горяч больно, всё ему не так, всё по-своему переиначить хочет. Орденосец хренов. Пусть остынет малость. Где-где? Что у нас мест мало, где попрохладнее? Вот Кольский полуостров, чем не место? Пусть едет – поостынет малость».

- А в целом, всё нормально, брат. Жена, две дочери, внуки. Работаю до сих пор – даёт Бог здоровья. Отечеству послужил опять же. Пришлось бы сейчас выбирать – другой бы судьбы себе не выбрал. Ты там о долге говорил что-то? Да, мы, афганцы, свой долг выполнили, только не такой и не так, как о нём тогда писали, да и сейчас порой пишут. Это слишком личное. Вряд ли объяснить смогу, не обижайся, но ты там не был, можешь и не понять.

Дарченков Игорь Юрьевич — родился 12.12.1962 г. в г. Баку, окончил в 1980 г. среднюю школу № 159. Поступил в Бакинское Высшее Общевоинское училище. По завершении учебы служил в Монголии, в Туркмени. С 1986г. по 1988 г. проходил службу в Афганистане. Неоднократно принимал участие в боевых действиях, проявил стойкость и мужество. Награждён орденом Красной Звезды и медалью «За Отвагу». После Афганистана служил в Новгородской области, в Заполярье, в Мурманской области, где и закончил военную службу в должности командира мотострелкового батальона, майор. Женат, имеет двух дочерей, проживает в пос. Строитель.

Борт, сорок шестой, позывной «Надежда»

Передо мной сидел уже немолодой мужчина, за шестьдесят, с сеткой морщин на лице, усталыми глазами, и руками на коленях, рабочими, натруженными, в свежих ссадинах. Голос его был глуховат, речь нетороплива, слова взвешенные,

да их и немного было, слов этих, в начале беседы. Мой собеседник тоже изучал меня, бросая пытливые взгляды. Словно присматривался, словно прикидывал, а стоит ли вообще чего-то рассказывать? Может, лучше отделаться от этого посетителя дежурными отговорками? Я видел его сомнения, я это уже проходил. С этим сталкивался всякий раз, когда в рамках подготовки материалов об Афганистане, начинал беседу с людьми, кто, в отличие от меня, был на той войне, видел её собственными глазами, собственной кожей прочувствовал и на всю жизнь запечатлел её в своей памяти. Каждый раз приходилось доказывать новому, вчера ещё незнакомому мне ветерану-афганцу, что ты не случайный человек, что ты не равнодушен к теме Афганистана, ты не равнодушен к его рассказу. Что рассказ его нужен: для детей, для внуков нужен, чтобы люди знали об этой странице истории нашего Отечества, о каждом из них знали. Удавалось ли убедить собеседников в своей искренности? Надо признать – не всегда.

Судьба Алексея Шалашова, родившегося и выросшего в селе Донском, успевшего поработать на заводе (нынешний «Гальванотехника»), окончить курсы водителей в Тамбовской школе ДОСААФ, круто изменилась с призывом его в армию. Он окончил школу младших авиационных специалистов и стал техником вертолётов Ми-2. Затем, пройдя строгую военно-лётную комиссию, был допущен до полётов, и, как борттехник вертолётов Ми-8, надолго связал свою жизнь с авиацией, с небом.

Довелось служить в Азербайджане и Грузии, 5 лет – в ГСВГ. Была семья, была интересная работа. Однако мирную жизнь прервал апрель 1987 г., когда их экипаж, состоящий из командира, лётчика-штурмана и него – борттехника, одновременно стрелка-радиста в составе эскадрильи перебросили в далёкий Кандагар, что на юге Афганистана. Это произошло 30 апреля 1987 года, и с первых же дней и недель пребывания на этой неприветливой земле, им сполна дове-

лось постичь всю безжалостность этой войны.

Уже 7 мая 1987 года был сбит вертолёт капитана Булата. Экипаж погиб, а вместе с ним 10 дембелей, которых они вывозили в Кабул для последующей отправки в Союз. Какая жуткая и фатальная история: эти дембеля были из состава Кандагарского десантно-штурмового батальона, боевая элита, за плечами десятки боёв, два года хождения по лезвию, а тут... дом, казалось, был так близок.

1 июня 1987 г. подбит экипаж Губарева. Вертолёт упал в место дислокации одной из банд. Экипаж из 3-х человек подобрал и вывез из-под огня ведомый Ми-8.

5 июня сбит вертолёт командира эскадрильи подполковника Климкина, все четверо членов экипажа погибли.

6 февраля уже 1988 г. в составе экипажа Ми-8, подбитого там же под Кандагаром, погиб его близкий друг старший прапорщик Светличный.

Их экипажу досталось, когда ещё и первый месяц их пребывания не закончился. 26 мая 1987 года при пролёте краем кандагарской «зелёнки» их вертолёт был подбит из душманских ЗГУ и ДШК и загорелся. Его удалось посадить на пшеничное поле и сразу вступить в бой с наседавшими духами. Следует отметить, что зона, над которой их подбили, была на тот момент «договорной», т.е. по договорённости с местными аксакалами, на время уборочных работ мы обязывались не проводить там зачисток и рейдов, они – в нас не стрелять. Из горящего вертолёта выскочили члены экипажа и семь пассажиров; трое бойцов парашютно-десантной группы, подобранные после выполнения ими задания в другом районе, и четверо контуженных в бою, который вёл 4-ый батальон 70-ой ОМСбр.

Их спас экипаж ведомого вертолёта: рискуя собой, он опустился рядом с горящим вертолётom и забрал всех, в том числе повторно раненого мотострелка и Алексея, получившего касательное ранение в подбородок. Вряд ли удалось

бы провести эту спасательную операцию, если бы не прикрытие двух Ми-24. Эти огромные боевые машины, с диким рёвом эмитировали заходы для атаки и разгоняли окруживших наших бойцов душманов. Только после возвращения на базу они узнали, что экипажи 24-х, возвращающиеся с задания, не имели ни одного заряда, ни одной ракеты, ни одного патрона. *(Всего за период с 1979 по 1989 год в небе Афганистана было сбито 333 советских вертолёт. Эта цифра касается только войск 40-ой армии, ещё 62 вертолёт потеряла авиация погранвойск).*

Алексей Иванович показывает мне самодельную, довольно потрёпанную карту местности вокруг Кандагара, с нанесёнными на неё значками мест гибели и мест вынужденных посадок их экипажей, особенно ожесточенных боёв наземных сил, в которых приняли участие и они. Пальцы заметно подрагивали: «Здесь вот Клишкин, а здесь друг... Светличный... А это уже в другом районе, в Лашкаргахе... Мы высаживали здесь парашютно-десантную группу. Здесь они своё задание выполнили, но потом в засаду угодили. Окружили их душманы и головы не давали поднять. Один был убит, почти все остальные ранены, патроны у них кончались... Вот нас и послали, поскольку мы район их заброски знали. Всё равно страшно спускаться в это месиво из огня. Так же, как когда-то и нас спасали, благодарность вертолёту прикрытия, он своим огнём прижал духов, подарил нам спасительные минуты. А в общем-то жизнь подарил. На войне нельзя иначе, порой мы и сами не знали, кто кого спас, кто кому жизнь подарил, знали просто, что по-другому нельзя. Главное, что всех – и раненых, и мёртвых вывезли. Когда на базу вернулись, в фюзеляже нашей «восьмёрки» - четыре крупные пробоины. Ничо... залатали потом. Отчего же не наградили? Весь экипаж наградили, мне «За отвагу» дали...».

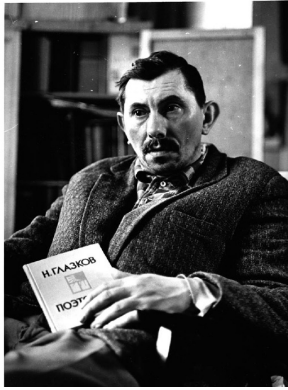
Орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст. Алек-

сей Иванович был награждён за личное мужество, проявленное во время многодневной операции совместно с десантно-штурмовым батальоном, в ходе которой был захвачены огромные караваны и склады с иностранным оружием, боеприпасами, минами, медикаментами. По его словам, такую массу оружия и прочего видеть приходилось впервые. Чтобы всё это взорвать и сжечь (за исключением образцов) потребовались дополнительные рейсы вертолётов за взрывчаткой и горючим.

(Люди, далёкие от авиации, находясь под впечатлением от пары кинофильмов, думают, что борттехник – такой прапорищик, который в полёте мирно дремлет, а проснувшись, выталкивает нерасторопных десантников с борта на землю. Это заблуждение. В полёте каждый член экипажа занят своим делом. Борттехник контролирует работоспособность систем машины, следит за расходом топлива, функционированием насосов. А когда вертолёт зависает над площадкой приземления, именно борттехник первым устремляется с борта вниз! Он обязан увидеть грунт на площадке, оценить, куда встанут колёса, рассмотреть опасность повреждения вертушки... После взлёта из зоны наземного боя, под его ответственностью ещё и раненые на борту...) Из воспоминаний очевидцев. С сайта «Фрагменты афганской войны».

Из Кандагара они уходили, точнее, улетали в августе 1988 года, три дня добирались до Союза, а потом ещё два месяца – до нового места службы на Сахалине.

Мы расставались с Алексеем Ивановичем тепло, он был немного взволнован. Хотелось сказать ему: «Прости, брат, невольно заставил я тебя всё вспомнить, ещё раз мысленно всё пережить, догадываюсь, что нелегко это...». Не сказал... Может, и правильно сделал, чего воздух зря сотрясать. Передо мной настоящий воин, был и остаётся, этот в сантиментах нужды не испытывает.

Николай ГЛАЗКОВ

Непредсказуемый поэт

К 100-летию со Дня рождения Николая Глазкова

Много лет назад, в 1989 году, в издательстве «Советский писатель» была издана книга «Воспоминания о Николае Глазкове». Книга вышла через десять лет после кончины поэта; в ней есть интереснейшие эпизоды, которые необходимо знать для более полного представления об этом уникальном человеке. Авторы воспоминаний – товарищи Глазкова по Литературному институту, по выступлениям на поэтических вечерах, поездкам по стране, просто знакомые. Один из них, Евгений Веденский, знавший Глазкова со школьной скамьи, пишет, что поэт всегда был полон идей. В институте он распространил две анкеты: одна содержала 100 вопросов, другая – 18. «Большая» из-за своей громоздкости успеха не имела, на неё ответили человек пять, а на малую – 16, в том числе и сам Николай Глазков. Его ответы необычайно интересны. Следует иметь в виду, что анкету он назвал исповедью, а составлена она была в 1944 году. Вот несколько ответов:

- Лучшая черта в писателе?
- Откровенность.
- Что такое искусство?

- Ремесло избранных, которое не может быть механизировано.

- Ваше мировоззрение?

- Христианство, марксизм, футуризм.

- Что Вы хотите от того, что возможно, но от Вас не зависит?

- Чтобы война закончилась, а фашистов перебили.

- Любимое изречение?

- «Человек предполагает, а Господь располагает...»

Позже это изречение Глазков включил в одно из стихотворений:

*Человек предполагает,
А Господь располагает.
Если это совпадает, -
Человеку хорошо!..*

Было ли хорошо самому Николаю Глазкову? И что он за человек? Откуда появился этот удивительный поэт – с особым, «глазковским», языком, этот романтик и мудрец, футурист и реалист, насмешливый и ранимый?

Николай Иванович Глазков родился 30 января 1919 года в Нижегородской губернии, в семье юриста. Архивные документы свидетельствуют о том, что отец поэта занимался революционной деятельностью и ещё весной 1917 года выступал от фракции большевиков на 1-й Нижегородской губернской конференции РСДРП. Позже он работал на ответственных партийных постах, а в конце 1930-х годов был репрессирован. Конечно, всё это не могло не отразиться на становлении характера Николая Глазкова...

Иногда для того, чтобы представить творца той или иной эпохи, достаточно и энциклопедических сведений, если, конечно, нам хорошо известны его произведения и комментарии к ним. Но составить представление об уникальной личности поэта Николая Глазкова по скудным (часто - противоречивым) биографическим данным очень сложно. Тем более что

широкому кругу читателей его стихи и поэмы почти неизвестны. Но даже у тех, кто читал Глазкова, образ этого неординарного человека без воспоминаний людей, знавших его, много лет общавшихся с ним, вырисовывается весьма туманно.

К сожалению, наши издательства, даже столичные, (а книги Глазкова выходили в «Современнике», в «Советском писателе»), на мой взгляд, мало заботятся о читателях: книги часто выходят какие-то «голые» - без сведений об авторе и его творчестве. Есть безликие аннотации, не отражающие авторской индивидуальности и не содержащие никаких биографических сведений. А биография, как говорил поэт, - «стихов исток». Что можно, например, взять из короткой аннотации к сборнику «Первозданность» (издательство «Современник», 1979): «Лирический герой поэта Николая Ивановича Глазкова - прежде всего человек XX века, которого интересует всё, что происходит, происходило и будет происходить. К разным явлениям жизни поэт относится по-разному: восторженно и благодушно, иронично и сочувственно, сатирично и резко отрицательно. И автор, и его лирический герой всегда готовы объяснить как в любви, так и в нелюбви. Человек XX века делится с читателем своими раздумьями, как наблюдатель и участник, мыслитель и фантаст, любитель природы и тишины, спортсмен и рационализатор».

Такое «типизированное» определение можно адресовать всем поэтам из плеяды литинститутцев. Но, слава Богу, в названный сборник вошли стихи разных лет и разнообразной тематики, что даёт возможность составить представление об их авторе, как о человеке, прежде всего, неравнодушном. Сдержанно, но с какой любовью, гордостью пишет он о родной Отчизне в стихотворении «Русь непреходящая»:

*Живёт страна-весенница,
Вовек не состарится,
В ней многое изменится,
Но главное останется -
Овеянное славою,*

*Родимое, сердечное,
Не левое, не правое,
Не новое, не старое,
А вечное!*

Как кстати эти строки всегда, особенно в дни разброда и утраты национальных ценностей...

В 1923 году семья Глазковых переехала в Москву. В столице будущий поэт окончил среднюю школу, поступил в педагогический институт, где проучился неполных два года, затем – в Литературный институт имени А.М. Горького. В автобиографии, которую, по воспоминаниям писателя Евгения Сидорова, Глазков с шутками-прибаутками диктовал своему другу Давиду Самойлову, есть такие сведения: когда Глазкову было 13 лет, он «от нечего делать» стал писать стихи. Но, увидев, как быстро рифмуются строки, испугался и бросил. Он хотел трудного. Увлёкся шахматами, обыгрывал всех. Решил стать чемпионом мира. Но в 17 лет природные данные дали о себе знать: Глазков вернулся к стихам. Хотя шахматы любил всю жизнь и, приезжая в Тамбов на праздники литературы и недели поэзии, бывая у художника Николая Ивановича Ладыгина, сражался со всеми, кто приходил в дом. У Глазкова есть даже поэма «Шахматы», написанная в 1939 году.

В Литературном институте Глазков познакомился с известными впоследствии поэтами Сергеем Наровчатовым, Михаилом Кульчицким, Борисом Слуцким, Павлом Коганом, с уже упоминавшимся Давидом Самойловым. Так началась жизнь в профессиональной литературе.

Трудно до конца осознать факт, что первый сборник у Николая Глазкова вышел только в 1957 году, когда ему было уже 38 лет. Но его стихи давно ходили в рукописях: он сам выпускал свои книги, называя их «самсебяздатовскими». Отсюда и пошло потом понятие «самиздат». И какие же стихи писал тогда Глазков? В 1955 году, в десятую годовщину Великой Победы, Глазков пишет::

*Те люди, совесть у кого чиста,
В атаку шли за Родину, за Ста...
Нет! Люди воевали за Россию,
Речь о другом была для них пуста.*

*Россия не слепа и не слаба,
И это не пустая похвальба!..
Суворовская сила победила,
Но до сих пор не кончена борьба!..*

*Вопрос весьма серьёзный: кто кого?
Мрак одолеет нас иль мы его?..
Внушительной решительной победы
Я не достиг ещё при статус-кво.*

*В литературе всё совсем не так,
Литература – это не пустяк!..
Я всё ещё стою под Сталинградом,
А мне необходимо взять рейхстаг!*

С высокой ответственностью относился поэт ко всему, за что брался, и уж кого-кого, а Глазкова не уличишь в приспособленчестве и «хождении на поводу». Он писал то, что выливалось из глубины его души, болеющей за Россию...

У Николая Глазкова очень много юмористических стихов. Юмор помогал ему не просто жить, а выживать.

*Живу в своей квартире
Тем, что пилю дрова:
Арбат, 44,
Квартира 22.*

*Арбат горбат. Ещё не скоро,
Припоминая нашу старь,
Проспектом назовут Глазкова,
Быть может, эту магистраль.*

Во все времена руководители любили переименовывать города, улицы, и всегда находились как сторонники, так и противники этого. А поэт писал стихи:

*У нас так любят переименовывать
Скоропостижно и неосторожно...
Но старое название от нового
Здесь отличить, пожалуй, невозможно.
Святые горы – Пушкинские горы!..
Холмы, равнины, и леса густые,
И голубая Сороть, и озёра, -
Коль Пушкинские, то вдвойне Святые!*

Всегда поражает (и радует, конечно!) знание авторами истории, мифологии, Библии, что явственно видно по их произведениям, органично вплетается в них. У Глазкова – так. И когда некоторые говорят сейчас, что в советское время нас, мол, отвращали от веры, не разрешали молиться, хочется спросить: а разве на это нужно разрешение? Разве молиться надо было в студенческих аудиториях, или в школьных классах, или на улицах? Да, в церковь идти было рискованно, но почему бы не молиться дома, когда никто не видит и не слышит? Вот Николай Глазков написал в 1943 году стихотворение «Поэт и дьявол»:

*- Не считаюсь с тем, что говорят,
Ты нуждаешься в насущном хлебе.*

*Хочешь – и не будет звёзд на небе.
Дам тебе за это миллиард.
Все откроются перед тобой пути,
И тебя признает вся страна.
- Отойди
От меня, сатана.*

Именно эти слова сказал Иисус Христос в ответ на искушение сатаны. Подобных стихов у Глазкова много. В них раскрывается его душа, мировоззрение, его интересы и пристрастия. Он умел заглянуть в будущее. Чего стоит, например, стихотворение «1612 – 1812 – 2012»:

*Полями Москва была оставлена,
И двести лет должно было пройти,
Чтоб армия бежала Бонапартина
По самому обратному пути!
Есть в этих цифрах что-то предсказуемое,
А потому имею я в виду,
Что, может быть, случится то же самое
В 2012 году!*

Николай Глазков был убеждён: к какому бы литературному течению поэт себя ни причислял, он, прежде всего, должен быть современным. Он много путешествовал и отовсюду привозил стихи, откликаясь на все события, происходившие в любом уголке страны. В 1950 – 1960-е годы он часто приезжал в Тамбов, подолгу жил здесь, выступал со стихами и рассказами о литературе и литераторах. Тамбовские впечатления особенно ярко описаны в сборнике «Творческие командировки» (1970). Поэт снимался в фильмах «Андрей Рублёв», «Романс о влюблённых». Иногда он называл себя клоуном:

*Я поэт или клоун?
Я серьёзен или нет?
Посмотреть если в корень,
Клоун тоже поэт...
Трудно в мире подлунном
Брать быка за рога.
Надо быть очень умным,
Чтоб сыграть дурака.*

В эпоху серебряного века эгофутурист Игорь Северянин (может быть в пылу споров и столкновений представителей разных литературных течений, а скорее всего, вполне осознанно) бросил, по сути, вызов: «Я – гений Игорь Северянин!» И оказался прав. Николай Глазков не был столь категоричен в оценке собственного дарования, но цену себе знал и с провидческой точностью назвал себя «поэтом не наступившей эры»:

*У меня костёр нетленной веры,
И на нём сгорают все грехи.
Я поэт не наступившей эры,
Лучше всех пишу свои стихи....*

Автор этих строк был убеждён, что «Поэты – это не профессия, / А нация грядущих лет!»

Николай Иванович Глазков скончался в октябре 1979 года в Москве. Память о нём живёт в сердце каждого, кто с ним встречался. Помнят его, конечно же, и в Тамбове. Он дружил с семьёй художника Николая Ивановича Ладыгина, сыновья которого сделали немало фотографий поэта, где он запечатлён и со столичными, и с тамбовскими писателями.

Валентина ДОРОЖКИНА,
член Союза писателей России

Николай Глазков

Мне бы кисть великого художника...

Избранные стихи

Вне времени и притяжения
Легла души моей Сахара
От беззастенчивости гения
До гениальности нахала.

Мне нужен век. Он не настал ещё,
В который я войду героем;
Но перед временем состаришься,
Как и Тифлис перед Курою.

Я мир люблю. Но я плюю на мир
Со всеми буднями и снами.
Мой юный образ вечно юными
Пускай возносится, как знамя.

Знамёна, впрочем, тоже старятся -
И остаются небылицы.
Но человек, как я, - останется:
Он молодец - и не боится.

* * *

Куда спешим? Чего мы ищем?
Какого мы хотим пожара?
Был Хлебников. Он умер нищим,
Но Председателем Земшара.

Стал я. На Хлебникова очень,
Как говорили мне, похожий:
В делах бессмыслен, в мыслях точен,
Однако не такой хороший.

Пусть я ленивый, неупрямый,
Но всё равно согласен с Марксом:
В истории что было драмой,
То может повториться фарсом.

* * *

Лез всю жизнь в богатыри да в гении,
Небывалые стихи творя.
Я без бочки Диогена диогеннее:
Сам себя нашёл без фонаря.

Знаю: души всех людей в ушибах,
Не хватает хлеба и вина.
Даже я отрёкся от ошибок -
Вот какие нынче времена.

Знаю я, что ничего нет должного...
Что стихи? В стихах одни слова.
Мне бы кисть великого художника:
Карточки тогда бы рисовал.

Я на мир взираю из-под столика,
Век двадцатый - век необычайный.
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней!

* * *

С чудным именем Глазкова
Я родился в пьянваре,
Нету месяца такого
Ни в каком календаре.

* * *

Не знаю, в каком я раю очучусь,
Каких я морей водолаз;
Но мы соберёмся под знаменем чувств,
Каких не бывало до нас!

И взглянем с непризнанной высоты
На мелочность бытия.
Всё очень ничтожно и мелко... А ты?
Ты тоже ничтожна. А я?

Я как-то неэдакно дни влачу;
Но не унываю теперь.
Как пьяницу тянет к полмитричу,
Так тянет меня - к тебе ль?..

Ну а почему - ты не ведаешь -
Не мне, а другим лафа?
Нужна над тобой мне победа лишь,
А всё остальное слова.

Ищи постоянного, верного,
Умеющего приласкать;
Такого, как я, откровенного,
Тебе всё равно не сыскать!

Ищи деловитого, дельного,
Не сбившегося с пути;
Такого, как я, неподдельного,
Тебе всё равно не найти!

Люблю тебя за то, что ты пустая;
Но попусту не любят пустоту.
Ребята так, бумажный змей пуская,
Бессмысленную любят высоту.

Ты не можешь хотеть и не хочешь мочь.
Хорошо быть с тобой на «ты»...
Я тебя люблю. Перед нами ночь
Неосознанной темноты.

Непохожа ночь на нож,
Даже если нож неостр...
Мост на берег был похож,
Берег был похож на мост.

И не ехали цыгане,
Не мелькали огоньки,
Только где-то под ногами
Снегом скрытый лёд Оки.

Мост над речкой коромыслил,
Ты на Третьем берегу...
Я тогда о чём-то мыслил,
Если вспомню - перелгу.

Огромный город. Затемнение.
Брожу. Гляжу туда, сюда.
Из всех моих ты всех моейнее -
И навсегда!

Как только встретимся, останемся,
Чтоб было хорошо вдвоём,
И не расстанемся, и не состаримся,
И не умрём!

* * *

Чёрный ворон, чёрный дьявол,
Мистицизму научась.
Прилетел на белый мрамор
В час полночный, чёрный час.

Я спросил его: – Удастся
Мне в ближайшие года
Где-нибудь найти богатство?–
Он ответил: – Никогда!

Я сказал: – В богатстве мнимом
Сгинет лет моих орда,
Все же буду я любимым?–
Он ответил: – Никогда!

Я сказал: – Невзгоды часты,
Неудачник я всегда.
Но друзья мои добьются счастья?–
Он ответил: – Никогда!

И на все мои вопросы,
Где возможны «нет» и «да»,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным НИКОГДА!..

Я спросил: – Какие в Чили
Существуют города?–
Он ответил: – Никогда!–
И его разоблачили!

Николай ИВАНОВ

Сегодня в гостях у «Тамбовского альманаха» Николай Фёдорович Иванов, прозаик публицист, Председатель правления Союза писателей России.

Николай Фёдорович родился 8 июня 1956 г. в селе Страчево Брянской области. Мать Анна Григорьевна – партизанка, дед – комиссар партизанского отряда, погиб при прорыве окружения в 1943 году. Отец Фёдор Агапьевич – фронтовик, сержант, командир пулемётного расчёта «Максим», был ранен под Кенигсбергом. Окончил Московское Суворовское училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Проходил службу в воздушно-десантных войсках, совершил 60 прыжков с парашютом, в 1981 году был направлен в Афганистан, где участвовал в десяти боевых операциях, награждён орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III ст., медалью «За отвагу» и др. После службы в ДРА неоднократно летал туда в качестве военного корреспондента. Принимал участие в XIII Всесоюзном совещании молодых писателей (семинар Георгия Маркова). В 1985 году в звании капитана назначен корреспондентом отдела военного очерка и публицистики журнала «Советский воин», через три года стал редактором отдела – членом редколлегии журнала. В 1989 году, при создании Студии военных писателей (начальник – Виктор Вер-

стаков, художественный руководитель – Иван Стаднюк) перешёл в Студию. Тогда же вышел первый роман «Операцию «Шторм» начать раньше». В 1991 году назначен главным редактором журнала «Советский воин», который в 1992 году по приказу министра обороны Грачёва был переименован в «Честь имею». В октябре 1993 года, отказавшись публиковать материалы в поддержку обстрела Белого дома, снят с должности «за низкие моральные качества» и уволен из Вооружённых Сил.

В дальнейшем Николай Фёдорович продолжил службу в органах налоговой полиции России. Во время командировки в Чечню в июне 1996 года был захвачен в плен боевиками, где пережил ужас подземных тюрем и неоднократных выводов на расстрел, освобожден через четыре месяца в результате спецоперации. Спустя два года снова вернулся в Чечню, где участвовал в создании газеты «Чечня свободная». После расформирования налоговой полиции России некоторое время работал в журналах «Дороги России 21 века», «Подмосковье», пресс-секретарём правительственных трасс Москвы. С 2013 года секретарь, затем сопредседатель правления Союза писателей России; длительное время исполнял обязанности Председателя Правления Союза писателей России. 15 февраля 2018 года на XV съезде СПР избран Председателем Правления Союза писателей России (за – 126 голосов, против – 28).

За десятилетия творчества Николаем Ивановым написано большое количество произведений, принёсших автору литературные премии имени Николая Островского, Михаила Булгакова, премию «Сталинград». Первая публикация – рассказ «Друг мой Лёшка» в сборнике псковских писателей «Рассветы над Великой» (1978 год). Наиболее известны романы: «Афганский шторм (Операцию «Шторм начать раньше»)» (1992, 1998, 2011 г.г.), «Чёрные береты»,

«Без права на славу»; а также повести: «Брянская повесть», «Вход в плен бесплатный», «Спецназ, который не вернется», «Белый танец», «Зачистка» и другие книги. Отдельно отмечаются душевные и светлые новеллы «Свете Тихий», «Партер. Седьмой ряд», «Небожители», «У синей реченьки», «Вера. Надежда. Война», «Тридевятое царство». Особую известность Николаю Иванову принесла новелла «Золотистый-золотой» о русском воине Евгении Родионове, принявшем смерть за православную веру.

Золотистый – золотой

Новелла

...И сказал ей бородатый главарь, увитый по лбу зелёной лентой – тебе туда. И показал стволом автомата на горный склон – за ним ты найдёшь своего сына. Или то, что от него осталось.

Если дойдёшь, конечно.

И замерли от этого жеста боевики, а в первую очередь те, кто устанавливал на этом склоне минное поле. Надёжно устанавливал – для собственной же безопасности, туда-сюда, движение. Разведка федеральных сил не прошла – откатилась, вынося раненых. Попавшие под артобстрел шакалы, спасаясь от снарядов в ущелье, вырывались сюда на простор и на потеху Аллаху устраивали фейерверк на растяжках.

Пленные, что вздумали бежать, взлетели здесь же на небеса. Сын? Нет, сына её здесь нет, но они слышали о пленном русском солдате, который отказался снять православный крестик. Зря отказался – через голову и не стали снимать, делов-то – отрубили голову мечом, и тот сам упал на траву. Маленький такой нательный крестик на шёлковой нитке, мгновенно пропитавшейся кровью. Гордого из себя

строил, туда-сюда, движение. А то бы жил. Подумаешь, без креста... Дурак. А похоронили его как раз там, за склоном. Иди, мать, а то ночь скоро – в горах быстро темнеет. Жаль только, что не дойдёшь. Никто не доходил.

Пошла.

Пошла по траве, выросшей на минах, и среди тоненьких проводков, соединявших гранаты-ловушки. Вдоль израненных осколками кустарников. Вдоль желтеющих косточек чьих-то сынков, не вывезенных с минного поля ни своими, ни чужими. Собрать бы их, по ходу, раз она здесь, похоронить по-людски, с молитовкой, но она шла-торопилась к своему дитяти, к своей кровинушке, к своему дурачку, не послушавшему бандита. О, Господи, за что? Ведь сама, прилюдно, надевала сыночку крестик на призывном пункте – чтобы оберегал. И видела ведь, видела, что стесняется друзей её Женька, прячя подарок глубоко под рубашку. Думала грешным делом, что не станет носить, снимет втихаря.

Не снял...

А ей всё смотрели и смотрели вслед те, кто захотел иметь собственное солнце, собственную личную власть, собственных рабов. Ухоженные, упитанные, насмешливые бородачи. Три месяца она, ещё молодая женщина, ощущала на себе эти взгляды, терпела унижения, оскорбления, издевательства. Три месяца её секли холодные дожди, от которых в иные времена могла укрыться лишь собственными руками. По ней стреляли свои и чужие: по одинокой незнакомой фигуре на войне стреляют всегда – на всякий случай или просто ради потехи. Она пила росу с листьев и ела корешки трав. Она давно потеряла в болоте туфли и теперь шла по горным тропам, по лесным чащам, по невспаханым полям босиком. Искала сына, пропавшего в чужом плену на чужой войне. Не выспавшейся переходила от банды к банде,

голодной от аула к аулу, зачоченевшей от ущелья к ущелью. Но знала: пока не найдёт живого или мёртвого, не покинет этой земли, этих гор и склонов.

«Господи, помоги. Дай мне силы дойти и отыскать. На коленях бы стояла – да идти надо. Помоги, Господи. Потом заberi все, что пожелаешь: жизнь мою заberi, душу, разум – но сейчас помоги...»

- Сейчас, сейчас взлетит, туда-сюда, движение.

- Живучая. Но здесь ещё никто не проходил, - ждали боевики, не спуская глаз с русской женщины и боясь пропустить момент, когда вздыбится под её ногами земля, когда закончатся её земные муки.

Не заканчивались. То ли небеса, оправдываясь за страшную кару, выбранную для её сына, отводили растяжки гранат, то ли ангелы прилетели от него, от Женьки, и подстилали свои крыла под растрескавшиеся, с запечённой кровью ноги, не давая им надавить сильнее обычного на минные взрыватели. Но она шла и шла туда, где мог быть её сын, уходила прочь от главаря с зелёной лентой, испи-санной арабской вязью. И когда уже скрывалась с глаз, исчезала среди травы, один из боевиков поднял снайперскую винтовку, поймал в прицел сгорбленную спину: прошла она – проведёт других. Не взлетела – так упадёт...

Но что-то дрогнуло в бородаче, грубо отбил он в сторону оружие и зашагал прочь, в ущелье, в норы, в темень. Он не угадал. А тот, кто не угадывает, проигрывает...

...А ещё через два дня к боевому охранению пехотного полка вышла с зажатым в руке крестиком на шёлковой нити седая старушка. И не понять было с первого взгляда, русская ли, чеченка?

- Стой, кто идёт? – спросил, соблюдая устав, часовой.

- Мать.

- Здесь война, мать. Уходи.

- Мне некуда уходить. Сынок мой здесь.

Подняла руки – без ногтей, скрюченные от застывшей боли и порванных сухожилий. Показала ими в сторону далёкого горного склона – там он. В каменной яме, которую вырыла собственными руками, ногтями, оставленными там же, среди каменной крошки. Сколько перед этим пролежала без памяти, когда отыскала в волчьей яме родную рыжую головушку, из-за которой дразнили её Женьку ласково «Золотистый-золотой» - не знает. Сколько потом ещё пролежала рядом с найденным обезглавленным телом её мальчика – не ведаёт тоже. Но очнувшись, поглядев в чужое безжизненное небо, оглядев стоявших вокруг неё в замешательстве боевиков, усмехнулась им и порадовалась вдруг страшному: не дала лежать сыночку разбросанному по разным уголкам ущелья...

...И выслушав её тихий стон, тоже седой, задёрванный противоречивыми приказами, обвинённый во всех смертных грехах политиками и правозащитниками, ни разу за войну не выпавшийся подполковник дал команду выстроить под палящим солнцем полк. Весь, до последнего солдата. С Боевым знаменем.

И лишь замерли взводные и ротные коробки, образовав закованное в бронежилеты и каски каре, он вывел нежданную гостью на середину горного плато. И протяжно, хриплым, сорванным в боях голосом прокричал над горами, над ущельем с остатками банд, над минными полями, покрывшими склоны, - крикнул так, словно хотел, чтобы услышали все политики и генералы, аксакалы и солдатские матери, вся Чечня и вся Россия:

- По-о-олк! На коле-ено-о-о!

И первым, склонив седую голову, опустился перед маленькой, босой, со сбитыми в кровь ногами, женщиной.

И вслед за командиром пал на гранитную пыльную крошку его поредевший до батальона, потрепанный в боях полк.

Рядовые пали, ещё мало что понимая в случившемся. Сержанты, беспрекословно доверяющие своему «бате».

Три оставшихся в живых прапорщика – Петров и два Ивановых, опустили на колени.

Лейтенантов не было – выбило лейтенантов в атаках, рвались вперёд, как мальчишки – и следом за прапорщиками склонились повинно майоры и капитаны, хотя с курсантских погон их учили, что советский, русский офицер только в трёх случаях имеет право становиться на колени: испить воды из родника, поцеловать женщину и попрощаться с Боевым знаменем.

Сейчас Знамя по приказу молодого седого командира само склонялось перед шупленькой, простоволосой женщиной. И оказалась вдруг она вольно или невольно, по судьбе или случаю, но выше красного шёлка, увитого орденскими лентами ещё за ту, прошлую, Великую Отечественную войну.

Выше подполковника и майоров, капитанов и трёх прапорщиков – Петрова и Ивановых.

Выше сержантов.

Выше рядовых, каким был и её Женька, геройских дел не совершивший, всего один день побывший на войне и половину следующего дня - в плену.

Выше гор вдруг оказалась, тревожно замерших за её спиной и слева.

Выше деревьев, оставшихся внизу, в ущелье.

И лишь голубое небо неотрывно смотрело в её некогда васильковые глаза, словно пыталось насытиться из их бездонных глубин силой и стойкостью. Лишь ветер касал-

ся её впалых, обветренных щёк, готовый высушить слёзы, если вдруг прольются. Лишь солнце пыталось согреть её маленькие, хрупкие плечики, укрытые выцветшей кофточкой с чужого плеча.

И продолжал стоять на коленях полк, словно отмаливал за всю Россию, за политиков, не сумевших остановить войну, муки и страдания всего лишь одной солдатской матери. Стоял за её Женьку, рядового золотистого воина. За православный крестик, тайно надетый и прилюдно не снятый великим русским солдатом в этой страшной и беспощадной бойне...

Сергей ДОРОВСКИХ

Студёные хутора

Повесть

Отцу Александру не спалось в тёплые, наполненные шелестом и бархатной трелью ночи. Тихий май со дня на день ждал лето; предрассветное небо, за недолгую ночь так и не успевшее стать непроглядно-чёрным, разрежала лимонная заря. Пастырь выходил в старый сад, дышал прохладой утра. В этот час по-особому верещали птицы, и будто служили они, как певчие в храме, раннюю литургию, славя рождение нового дня.

В такие минуты священнику думалось особенно хорошо, и хотя ложился он поздно, старался не пропустить звенящий птичьим гомоном рассвет. В чуткий час, когда все спят, он не молился, но мысли, словно пушистые семена одуванчика, отрывались от земли, летели над селом. Они кружились в сиреневой предрассветной дымке, ветер относил их к реке, к мельнице и поёмным лугам, к нездешним красотам, к церковным маковкам Свято-Троицкого монастыря в Лебедяни. Мысли неизбежно устремлялись туда, в древнюю обитель на яблонево́й поляне.

Отцу Александру недавно исполнилось двадцать

пять лет. Городской житель, он окончил духовную семинарию в Тамбове, женился и осенью, в год начала царствования императора Николая Александровича, получил приход в селе Студёные Хутора недалеко от Липецка. Не было для него тайным, что жизнь сельского пастыря трудна. В зимнюю стужу и осеннюю морось, в летний зной и весеннюю распутицу он должен идти туда, где нужен, причащать и исповедовать больных, отпевать покойных. И вместе с тем назначение это, не сулящее ни покоя, ни богатства, он принял с радостью.

Теперь у него не было расписанной по часам жизни, как в семинарии, не было потому, что всякий день принадлежал служению. И всё же, когда наступала ночь, особенно такая безлунная, наполненная запахами близкого лета, он спал недолго. Поднимался, ласково укрывал жену, качал зыбку, где еле слышно урчала, словно котёнок, полугодовалая дочь, и, стараясь не скрипеть половицами, выходил к саду.

В мае не играют свадеб, и всё же это месяц самых красивых невест. Вишни и яблони душисто цвели в белоснежно-чистых нарядах, словно дожидались сватов, развесёлых молодцов в упряжках с бубенцами. В гармонии и сладкозвучии сада отец Александр чувствовал себя бесконечно маленьким, но таким же нужным в огромном мире, как и всё сотворенное Богом. Он нужен не меньше, чем пчела, что раньше всех покинула дом-улей и теперь замерла среди соков яблоневого цвета; чем соловей, который своей особой песней звал лето; чем шумящий в прошлогоднем сухостое ёж... Отец Александр не считал, что он лучше или хуже этих существ, не хотел отделять, превозносить себя по отношению к огромному, дышащему миру. К миру, устроенному Творцом ради любви, песни, труда и молитвы.

В эти ночи ему не спалось ещё по одной причине. Каждый год накануне Вознесения или сразу после, как

позволяла служба, отец Александр отправлялся пешком в Свято-Троицкий монастырь. Его духовный наставник старец Нектарий в последние годы почти не покидал кельи, и хотя не роптал, терпением и молитвой встречая болезнь и немощь, братья-монахи знали, что близок его отход к Богу. Инок уже не принимал мирян, которые, зная его доброту и прозорливость, шли к старцу со всех концов страны; телесно он увядал день ото дня, но от этого яснее становилась и без того светлая душа и разум, а лицо озаряла кроткая улыбка. Отец Александр молился, боясь не успеть к наставнику.

Пастырь перекрестился, вспоминая старца Нектария, и лишь имя это нечаянно, словно белоснежный голубь, сорвалось с губ, предрассветные лучи озарили сад, упали яркими зайчиками на лицо и бороду, и отец Александр жмурился, любуясь рождением нового дня.

* * *

Во время храмовой службы отец Александр волновался, а в великие праздники особенно. В семинарии друзья шутили, рассказывая истории про попа, который мог пьяным совершать требы, лихо размахивая кадилом и задевая молящихся, или про нерадивого пастыря, что ловил ртом мух, зевая у аналая. Он не понимал этих историй – если и были такие служители, то горька их участь по итогам жизни. Нет, он не был робок и мечтателен, и если замечал, что кто-то из прихожан рассеян, или пересмеивается, а то и пришёл в храм не подпоясанным – мог остановить службу и выговорить. И волновался он от того, что чувствовал присутствие Бога в каждом таинстве.

Однажды сын мельника – вечно хмельной Епифан, бросил дерзко, что труд попа не сродни крестьянскому, кадить да петь – не за плугом ходить. Не стал он тогда сра-

мить парня, да и спор с пьяным – дело недостойное. Только прослышав эту историю, отец-мельник сам высек Епишку, и перед священником повинился:

- Не то что-то с детьми нашими, батюшка, – мельник Пахом был в числе немногих грамотных селян. – Раньше то как было – дети, особливо сыновья – они-то отцу подпора. А теперь что? Я почитай один на мельнице, разве что водяной в помощь. Да что толку – в прошлый год почитай всю выручку на обнову плотины пустил. У меня шесть детишков, и токмо Епифана, лантрыгу¹, посылал учиться – а он чего нахватался! Пьянства да идеек каких-то. Посылал то я его почему – руки у него будто не с того места растут, думал, раз к ремеслу нашему нет умения, мож к грамоте да учености выйдет у него тяга, в городе осядет, в человеки выйдет – с моей шеи долой. Сроду был невдалый², что ни заставь делать, ничего не выходит у него. А теперь вишь – о какой-то свободе труда печётся!

- Хладеет вера, – отвечал священник, – устои, традиции создаются столетиями, а рушатся за час. Отцами нашими заведено, что одному пахать, другому молотить, третьему молиться, четвертому служить за веру.

- Верно-верно, – Пахом кивал, тужился круглым, всегда красным лицом. – Я Епишку порю нещадно, а дурь нейдёт.

- Поркой не помочь.

- А чем же? Научи, батюшка.

- Вразумлением.

На это Пахом лишь смеялся незлобно, а в глазах читалось: «Вот народится у тебя деток, пастырь, вырастут, посмотрим, как вразумлять их станешь и от соблазнов хранить».

Разговор отца Александра и похмельного сына мель-

1 Лантрыга - лентяй

2 Невдалый – неумелый, бестолковый

ника всё же состоялся. Тот вновь скалил зубы:

- Вот жди, скоро попов-мироедов вешать начнут со всеми кровопийцами. Жди!

- И ты повесишь меня? – священник подошёл ближе и смотрел в глаза. Ответа не было.

- Кто тебя научил этим словам? Кто напел?

- Жисть научила, – огрызнулся тот, – а боле гутарить не об чем.

Отец Александр знал об идеях, которыми заражались города – они витали в воздухе, для них не было преград. Они проникали даже в семинарии и тревожили души огненными красными волнами. Идеи вооружали химерой равенства, давали веру в сытую свободу, звали к солнечным городам, где нет ни богачей, ни угнетателей. Знал священник, что есть почва под ногами бунта – убого, тёмно и страшно жила деревня, бедствовали порой самые ломовые, незагульные мужики. Горе принесли недавние неурожай, голод в Черноземье, эпидемии тифа и холеры. Гибли люди, скот, первыми умирали дети и старики, шли в рост воровство, злоба, зависть... И на этом крестьянском погорелье, как и ранее во времена Пугачёва и Разина, сеялась надежда, что придет некая сила, даст волю и землю, пустит кишки мироедам. И даже Епишка – дурак и бездельник, хлебнул в городе идей, захмелел и вздумал переделать мир.

- Так что же, ради счастья и меня убьёшь, брат Епифан? И жену, дочь стрелять станешь? – пастырь добивался прямого ответа, но тот трусил.

- Рогачить³ со всем миром зачнёшь, назём таскать да сено ворошить, будешь жить, как усе. А то ишь белоручка.

- Белоручка, – священник повторил, и было смешно слышать это от Епифана. – Ох, что же мне с тобой делать?

3 Рогачить – тяжело работать

- Боягуз⁴ ты, поп! Иди-беги, сдавай уряднику! Говори, что я – социалист и усё такое! – он скалил зубы. – Но знай: скоро передел будет, а я острога то не боюсь! Я тебя потом самого в острог запрячу!

- От безделья мечты твои, и не вылечить тебя ни поркой, ни затвором, – ответил батюшка и пошёл своим путём. Епифан плюнул ему вслед.

Когда после вечерней службы расходились прихожане, ещё долго отец Александр оставался один в тишине. Молился – брал трепет, что запуталось во тьме и отпало от церкви чадо, а он, пастырь, не смог спасти. Молился батюшка за душу Епифана, просил у Бога вразумления. Ведь был, определенно был момент, когда всё пошло не так. Когда и почему? Епифан ведь когда-то появился на свет, его пеленали, крестили, родители были рады сыну, вкладывали в него душу. Он был ребенком, бегал со всеми по сельским дорогам, веселился. Откуда теперь столько злобы, явной и затаённой, злобы конкретной и решительной?

Отец Александр пытался понять его душу и не мог.

Он долго, долго читал каноны. Смотрел, как плавится воск, как нежно играют огоньки в золоте икон, и ему казалось, что от его молитв только грустнее становятся лики Спасителя, Богородицы и святых.

* * *

Отслужив литургию, дав пастырские указания диакону на время отсутствия, отец Александр в летнем, без подкладки подряснике, положив в котомку крест и Евангелие, запасные лапти, сухари и бутылъ с водой, отправился в путь. Его провожала жена – матушка Люба, несла на руках дочь, которая никак не могла успокоиться и плакала. Они

4 Боягуз - трус

помолились перед дальней дорогой, пастырь благословил, расцеловал их, и, посидев на валуне у поскотины, ушёл.

В душе каждого русского человека живёт тяга к пешему пути, желание идти извиистой, обставленной березками дорогой, вдоль пологих холмов или полевой межой, лесной тропой, а то и вовсе без пути, мимо новых и старых деревень, что жмутся к рекам и небольшим прудикам. На ночлег можно зайти к кому-нибудь, но ещё лучше – заснуть, укрывшись расписным покрывалом из бескрайнего неба и звёзд. Идти же с молитвой – уже не пустое дело, не бродяжничество, а духовно-телесный труд. В постоянных мирской суеде задуматься о вопросах духовных порой нелегко и священнику. В тихие же, размеренные шагами минуты, бредя по пыльным дорогам, или прячась от дождя под раскидистыми вётрами, порой удаётся разьяснить самому себе давно мучающие вопросы. Путь в пятьдесят вёрст от Студёных Хуторов до Лебедяни священник не называл паломничеством, не считал заслугой и чем-то особенным, а лишь отдохновением.

За селом дед Иван Матвев пас коров. Завидев издали отца Александра, поднялся с хрустом в коленях, снял потёртый картуз и поклонился в пояс. Поздоровавшись, предложил попить узвару.

Они сидели на молодой сочной траве недалеко от оврага, в тени старой размашистой калины, которая цвела пышными белыми шапками. Батюшка спрашивал у старика о родных – не болеют ли, и как чувствует себя сам.

- Живу, не жалуясь, грех жаловаться, – отвечал пастух. – Худое теперича позади надо думать. В светлый праздничек Вознесения и того подавно роптать. Сорок дён от Велика дня прошло, значит, самое лето впереди. А вот верно ли, батюшка, что в сей день Христос вознёсся, как Он был, на небо?

Отец Александр как мог доходчиво рассказал стари-

ку библейскую историю, и тот слушал, перекатывая беззубым ртом хлебный мякиш.

- Вот с тех пор, дедушка Иван, и ожидают христиане второго пришествия, а Вознесение Господа нашего Иисуса Христа знаменует обожение Его человеческой природы, - закончил пастырь и перекрестился.

В возникшей тишине слышался шум воды на перекайте, мычание коров, спустившихся пить, жужжание шмеля, женские голоса и далекие песни с поля.

- Да... – ответил наконец старик. – Сей день весну провожает, лето зачинает. А вот верно ли говорят, батюшка, что будто бы с Велик дня до Вознесения сам Христос с апостолами по Руси ходит и могёт в любую избу постучать?

- Господь Бог судит нас по делам, - отвечал священник, – потому всякого нищего, нуждающегося мы должны приветить так, будто бы это сам Христос пришёл к нам. Отказать, грубостью ответить недостойно христианина. Отсюда и поверье среди народа, что Христос ходит в эти дни по земле. А так это или нет, дедушка, я тебе ответить не могу, ибо пути Господа неисповедимы. Но надо жить с любовью в сердце, уповая на Бога. Ведь как учил Господь наш в притче о виноградарях – неизвестно когда и кто из нас получит плату по делам своим.

Отец Александр не знал, уяснил ли его слова старик, так же, как и не ведал, всё ли из того, что говорил он в проповедях, ясно прихожанам. Дед Иван, побряхтев, достал из-за пазухи платок-сверток:

- Отведай, батюшка, блинков особых, христовых лапотков. Дочь спекла Христу на дорожку. Всё же ходит, ходит Господь по Руси, а земля-то обширна, а сбутка-то у Христа лыковая, не ноская, надобна ей перенова. Вот такую окутку мы и пекём к празднику.

Отец Александр кушал блин, вспоминая, как во время учёбы в семинарии наставляли его бороться с малограмотным народным толкованием таинств, праздников, с

нелепостями и темнотой. Но ел пастырь с трепетом окутку Христову, Божью лапотку, и с духом хлебным грела, обнимала его нежность, с которой народ относился к Господу, желая, чем есть, помочь Ему в пути терновом.

- А вот с ранья⁵, батюшка, покуда коров ишо не погнажи, солнца токмо церкву осветила, сидел я подле яруга⁶ и видел диву. Вот солнце заиграло, с небес к церковному яблоку⁷ спустилась лесенка, и сошли по ней ангелы и другие небесные люди, крыльями блестят. А я верю и не верю что вижу. Так вот встали и долго ждали они в воздухе по стороны той лесенки, – говорил старик. – А когда ударили от заутрени в колокол «Достойно есть», так и поднялся, вознёсся по перекладинкам сам Спас-батюшка. А мне токмо и подумалось – раз видел я Христа босым да светлым, так конец мне бысть скоро.

Посмотрел отец Александр на серое лицо старика, на впалые жующие щёки, на жидкую бороду, в которой переплелись лузга и крошка, на трясущиеся руки, и... ничего не сказал, а обнял крепко, поцеловал, благословил и двинулся в путь.

* * *

В Вознесеньев день грех в поле работать. Однако не покинута зелёная нива, не брошены засеянные делянки просом и коноплём, горохом и льном. И стар и мал вышли за село. Бежали с криками босоногие детишки, обгоняя священника на сухой, потрескавшейся от нехватки дождей дороге; смешные, как галчата, они кланялись настоятелю храма, тянули к нему на худеньких ручонках, просили благословить печенья-лесенки. Затем обегали поле, ставили

5 С ранья - утром

6 Яруг - овраг

7 К церковному яблоку – очевидно, старик имеет ввиду купол храма

эти лесенки на каждом углу – старшие научили, чтобы рожь пошла в рост.

И думал отец Александр, срезая в березняке посох, что нет в этих народных приметах никакого зла и греха. От дедов и бабушек передавались наблюдения, сказки и предания, и было в них, простых и непритязательных, больше мудрости, тепла и света, чем в учениях городской знати и у заморских философов. Только грамотности не хватает людям, но школа это исправить способна. И когда шёл священник полем, издали снимали праздничные картузы крестьяне, женщины кланялись в пояс, просили благословить детей. И понимал батюшка, как важна для них вера. Отец Александр шёл, шёл, отдаляясь от села, а ветер-тепляк гулял по бескрайнему зеленому полю, горячо обдувал лицо.

Он думал в этот час о себе, о том, что священник – плоть от плоти русского народа. Он охранитель традиций, веры и прошлого, помогающий тем, кто пока малограмотен, постичь глубину православия. И при этом знал он, что церковь – не музей, не хранилище заповедей отцов и дедов, а единственная дорога к будущему. Только в её лоне – спасение от пороков, невзгод, вредных заблуждений, нечистоты сердца. Если обессилеть церковь, разлучить народ и священство, если крестьянство отвернётся и взбунтуется, не остановить беды...

Разгорался полдень, дышать становилось тяжелей. Горячий пыльный воздух обжигал грудь. Рядом не было ни ручейка, ни лесочка, ни деревца, где можно укрыться от палящих лучей. Мысли при этом блуждали по кругу, от странного тупого наваждения они становились темней и темней. Кровь пульсировала в висках. Отец Александр потерял счёт минутам; обессилев в пути по бесконечному полю, он замер и перекрестился: на глазах поменялись небо и земля, лицо обжог суховой. Перед взором вмиг почернели, обуглились и

загорелись зелены⁸, и он замер, не веря этому, и стоял один посреди раскалённого мира. В захватывающем и страшном видении, явленном ему злыми духами полуденного зноя, он видел красных коней, что мчали галопом с четырёх сторон света, огонь рвал ноздри, выбивали искры подковы. Отец Александр надолго замер и ничего не мог разобрать в поднявшемся над миром хаосе, он тонул в хмари и копоти. Запатавшись от духоты, он сошёл с дороги, упал, уткнулся лицом в зелёную прохладу ржи, и наваждение не сразу, но отпустило его. Священник с трудом отдышался, выпил воды из бутылки, остудил ей горячую голову. На миг стало легче.

Когда солнце перешло за полдень, отец Александр выбрался к небольшому перелеску и обрадовался возможности отдохнуть. Прижавшись спиной к берёзе, что показала ему живительно-прохладной, он перевёл дух и задумался. Что-то огромное, чужое и жгучее неясно виделось ему впереди. Какие события ожидать от грядущего века и не станет ли он последним для мира? Отец Александр не мог понять природы своих страхов, хотел верить, что они всего лишь греховные заблуждения, что будущее народа, страны и церкви безоблачно. В раздумьях он не заметил, как на плечо, словно пушинка, легла женская рука. Он поднял глаза и тотчас узнал бабу-знахарку из отдалённой, но входящей в его приход деревни. Жила она не на юру⁹, редко появлялась где – всё больше к ней шли.

- Здоровья тебе, отец-батюшка. Что же ты забрел та сюда? – она говорила нараспев.

- Здравствуй, Степанида. Давно, кстати, хотел увидеть тебя, спросить.

- Это об чём же та?

- Да всё о том. Отчего в храме не бываешь? Я о тебе

8 Зелены – всходы озимых хлебов

9 На юру – у всех на виду

наслышан, да, худого не говорят.

- И на том миру спасибо! – она засмеялась. – А у церкву та не хожу – ноги не велять.

- Это что же?

- Да вот то жа. Как ближе подойду к сялу, они сами воротять.

- Хитришь ты всё, Степанида. Иное у тебя на душе. Не веришь ты, что есть тебе утешение в храме. А оно есть.

Он поднялся, взял её руку и прижал так, что лицо её стало иным – не смешливым, а слегка испуганным, застывшим в ожидании. Щёки покраснелись.

- Храм та мой – это луг да лясок, - выдавила она. – Мне сила надобна-та, чтобы жить. Здесь и беру. Вот ты мне усё Бог да Бог. Разя можа быть, чтобы Бог был и попустил? Смертушку вот так попустил?! – она зарыдала в голос по-бабьи, при этом крепко обняв руку священника. Плач её напоминал дождь в летний зной – шумный, быстрый, он прошёл, не оставив следа. – Сёмушка-то мой, Сима, додельный¹⁰ был, не забурунной¹¹, не пил, робил, а его в домовище¹² прежде всякого сроку! Меня оставил, детишков народить та и не успели! Вот так вдовая и брожу, и брожу.

- Сам я не знал его, - отец Александр перекрестился, поминая слышанную на селе историю о парне, которого через день-другой после свадьбы копытом убила лошадь. – И беда пришла не потому, что... Нам помысла Божьего так легко не понять. Значит, на небе он оказался нужнее... а тебе нужен храм и молитва. Ты приходи, мы с тобой вместе помолился о душе Семёна, ему это очень нужно. А вот народ наш ты к идолам своим склонять брось! – он стал строг так, что она отшатнулась.

10 Додельный – умелый, со сноровкой

11 Забурунный – скандальный, загульный

12 Домовище – гроб

- К каким идолам-та? Ты о чём, отец-батюшка?

- Знаю я, что ходят к тебе с окрестностей, и даёшь ты просящим то шишку, то ветку, то куст полынный и ещё невесть что. И верят бабы, что будет у них с мужьями от того всё в порядке, и детки пойдут, и в доме покойно и сытно. Так вот, не от шишек твоих избавление от бесплодия и благодать, а только от Господа.

- Всё от Бога, - ответила она миролюбиво, - на вот спей!

Она протянула махотку¹³.

- Это роса Вознесенкья, от хворей, с ранья собирала.

Отец Александр выпил прохладный, чем-то похожий на берёзовый сок дар праздничного утра.

- Сегодня у земли, у травы праздничек, - сказала Степанида. - А с рани надоть собирать божью росу и помогать тем, кто хворый. И тебе она споможет.

- Отчего же, я не болен.

- Споможет, - она как-то странно улыбнулась.

Поклонившись ему на прощание, знахарка пошла, покачивая бёдрами. Обернулась у старой берёзы, встала так, что паутина прикрыла лицо, будто шалью:

- У церкву-то я приду, отец-батюшка, буду пряпшаться¹⁴. Но и баб, что ко мне ходют, ты не отваживай. Тебе – богово, а мне – бабье.

И ушла, словно не была, оставив священнику его путь и его думы.

* * *

Пятьдесят вёрст – путь не так велик, можно пройти и за день. Но не хотел отец Александр спешить. Когда послео-

13 Махотка – глиняный горшок, кринка

14 Пряпшаться – причащаться

беденное солнце ослабило жар, он вышел на заброшенную, едва заметную в пожухлой траве стёжку и побрёл. Никого не было вокруг – мир замер, и только необъятная лазурная даль манила, обещая раскрыть тайны. Справа на горизонте виднелась старая мельница, издали напоминая фигурку женщины с коромыслом. В полях загуляли ветры, дышать и идти стало легко. В пустом небе над залежными землями парил коршун; он поднимался выше и выше, замирал, не шевеля крыльями, точно задумывался о бренности и скоротечности жизни. Вот если бы человеку дать крылья, думал священник, помочь на время оторваться от дел суетных и посмотреть свысока на жизнь, он верно бы избавился от прегрешений. Всего-то надо подняться выше серого, мелочного... Пастырь задумался, приложил ладонь к глазам, наблюдая полёт коршуна. А может быть, вовсе наоборот? Быстро наскучили бы человеку крылья, перестал бы он томиться, чаять бескрайнего неба, разочаровался бы – ведь оно бесконечно притягательно и красиво, если смотреть снизу, из ямы, из тюрьмы телесной. И если научит новый век механике полёта, станет ли это счастьем? И зачем летать? Неужели нет крыльев у человека? Вера, надежда, упование – это ли не крылья духовные, способные поднять к истинному небу, научить лёгкому, невесомому полету вдали от зла, грубости и соблазна?

Излишни и нелепы показались эти раздумья, когда, обогнув берёзовый перелесок, вышел отец Александр к покосившимся, с проваленными соломенными крышами избам. Деревня стояла, скрытая в зарослях сухого бурьяна, рядом со зловонным, уже к началу лета покрытым ряской прудиком. Так хотелось, чтобы навстречу выбежала шумная ватага голоногих детей, чтобы встретили псы заливистым лаем, или показалось из темноты окна косматое лицо старика. Священник стоял один посреди пустой деревенской улицы. Уныло скрипящий на ветру колодезный журавель напоминал

огромный скелет нездешней птицы. Отец Александр перекрестился, поняв, куда его вывела дорога: то была вымершая от тифа, либо от холеры деревня. Брошенная, без названия, она догнивала бревенчатыми остовами среди полей и берёз так тихо, что даже не услышать вороньего гомона с неухоженного, забытого погоста. Пастырь несмело зашёл в одну из крепких ещё изб, где сохранилась крыша, заглянул в чрево облупленной печи, слегка дотронулся до скрипучей, подвешенной на крюке зыбки, стукнул пальцем незамысловатую глиняную пустышку... В красном углу чернели лики икон, и отец Александр встал на домотканый половик, достал крест, Евангелие и отслужил в пустом доме заупокойную литию. Ему казалось, что души всех деревенских людей очнулись в эту минуту, покинули свои сухие, неоплаканые могилы и собрались вокруг него. Он молился, чувствуя, будто за спиной рыдают и крестятся. Эхо его голоса блуждало по углам...

Покинув пустую деревню, он брёл молча, без высоких мыслей, глядя под ноги и сжимая посох так крепко, что побелела рука. Мрак окутывал его изнутри, терзал холодными пальцами, трогал острыми ногтями, нашептывая: «Ты ничем не сможешь помочь. Всё как было, так и будет плохо».

На развилке дорог батюшка свернул на запад – до Лебедяни было уже не так далеко, однако он помнил о приглашении настоятеля храма села Донские Избища зайти при удобном случае. Уже вечером, когда весеннее солнце, уходя, разлило на горизонте малиновый кисель, неуклюжих, раздобревших коров гнали с пастбища. Отец Александр дождался, когда осядет пыль, и вошёл в село. Отыскать дом священника не составило труда – он был в Донских Избищах одним из лучших. Полукаменный, в два этажа, крытый железом, с большим двором и множеством построек, дом этот заметно выделялся на фоне низеньких, крытых соломой и дранкой лачуг.

В доме старались показать, что рады гостю. Отец Метродор встречал широкими объятьями, говорил басом, словно размеренно бил в огромный колокол:

- Молодец, Алексаша, что зашёл-то к нам! – они обнялись. – Как там батюшка твой, служит?

- Служит, – отец Александр был из семьи священников.

- Отец то в Тамбове, а ты здесь, у нас неподалеку?

- Неподалёку, – он как-то неловко отвечал, всё время повторяя последнюю фразу.

Отец Александр был немного смущён убранством дома, самым приёмом. Любая мелочь скорее говорила о том, что тут живёт купец, а не сельский духовник. Дорогая, чрезмерно пёстрая мебель, расставленная за стеклом фарфоровая посуда, картины светского содержания, бархатные занавески, пушистый, с бантом кот... Упитанные дочки-близняшки в шелковых платьях и парчовых кофточках смотрели на гостя надменными смеющимися глазами. Не менее дородная попадья – матушка Мелания – улыбчивая, но с тяжёлым взглядом, пригласила к столу с дороги.

После лапши, сдобного пирога с капустой и пшённой каши молодой священник расслабился. Кто знает, думал он, почему священник живёт богато? Ведь значит это, что ценит его служение местный люд, купцы и дворянство не обносят щедрым подношением.

Они пили чай, разговор шёл туго. Хозяин более всего жаловался, что народ теряет страх Божий, небрежно молится, не спешит жертвовать на храмовые нужды.

- Ежели б не моя пастырская строгость, знаешь чтоб тут было! – говорил отец Метродор, с хрустом ломая мясистой рукой сразу два грецких ореха. – Мелянья, смени мне утирку¹⁵!

Отец Александр хотел спросить, что же это за стро-

15 Утирка – полотенце

гость, но не стал. Очень волновала его иная проблема – создание школы. Он давно замыслил открыть учебный класс при храме в Студёных Хуторах. Но пастырь на его спрос ответил, зевая:

- Есть у нас тут девица, Вера Игумнова, дочь купца лебедянского. Вот она детей там чему-то учит.

- А церковь ей в этом не помогает? – удивился отец Александр.

- А зачем?

- Как зачем! Чтоб детей научить грамоте!

- А пошто им грамота?

- Чтобы книги читать.

- Зачитаешься – в гаманке¹⁶ не досчитаешься! – засмеялся отец Метродор. – Кто сызмальства в храм ходит, тот Закон Божий ведаёт, и страх Божий имеет. А от учений и от наук токмо зло, наглство и уныние. В городах вон бушует вольнодумие. А всё от книжек этих, от идеек зловонных. Книги писаны, может, и вумными людьми, но для дубин стоеросовых, готовых всё крушить и ломать аккуратно по писанному.

- Идеи побеждаются только другими, истинными идеями. И если народ будет грамотен и просвещён в духе православия, его смутить будет невозможно.

Отца Метродора затрясло так, что смех отдался звоном в посуде:

- Вот это ты загнул подкову, братец! Продолжай, – он утирался, продолжая грохотать басовитым смехом, словно кто-то бил по пустой бочке.

Однако молодой священник замолчал.

- Надо с темнотой народной бороться строгим пасторским словом, а не книжками. С разными там толкованиями бороться! – сказал Метродор. – Чтобы всё по церковному, чтоб строго по уставу.

16 Гаманок – ошелёк

- А чем так уж плохи народные толкования? – загорелся отец Александр. – В них немало мудрости.

- Да ты о чём вообще, Алексаша? Аль ты народа не видел? – он прищурился. – Молод ты пока ещё, но это быстро пройдёт. А вот походи ж ты, послухай. Он тебе порасскажет, народ наш мудрёный, что Илия пророк с неба каждый год падает, потому что блинов на именины объедается. Что Иван Креститель уродился весь в шерсти и жил первые годы ведмедём, что Никола на небе скоро Бога сменить может, про Параскеву Пятницу поспрошай, про Троицу-Богородицу, про Власия скотного заступника, про лешего с домовым да про божка куриного. Вот энто надо выбивать всё из голов, как пыль из ветоши.

- Но с темнотой одна борьба – в учении.

- Строгость – вот залог порядка, а от книг токмо горе и смута! Ты вот сходи завтра к Верочке нашей, насчёт школы с ней погутарь, может она что скажет. Только верно тебе говорю, доброго ничего ты от неё не добьёшься. Она с бусарью¹⁷ в голове, вроде как мешком пришибленная. Да и пустое это дело – вся твоя школа.

Он налил себе ещё чаю, забыв предложить гостю:

- Традиции народные, – отец Метродор усмехнулся и крикнул, как гусь.

Не был согласен отец Александр с духовным собратом, да спорить с хозяином – дело недостойное. И когда отправился спать, мягкие перина в отдельной комнате на верхнем этаже казались ему жёстче камня, и жалел он, что не предпочёл сон у костра под яркими весенними звёздами. И хотя морила усталость, он едва забылся во сне этой ночью. И лишь забрезжил рассвет, отец Александр тихо покинул дом священника.

17 С бусарью – с дуростью, глупостями

Вера Игумнова недоверчиво посмотрела на незнакомого худого человека в подряснике, когда он скрипнул дверью и с порога сказал:

- Мир дому сему!

- С миром принимаем, – радостно проверещал, как галчонок, мальчишка лет пяти. С ним за некрашеным столом сидели еще четверо таких же крестьянских детишек в рубахах из грубого сукна.

Священник оценил простоту и чистоту небольшой комнаты в избе, отведенной для занятий, представился:

- Я священник из Студёных Хуторов. Интересуюсь обустройством школы, учебниками, с Божьей помощью хочу учить грамоте у себя в приходе.

Лицо Веры Петровны чуть потемнело, оставаясь твёрдым, аскетичным, словно вырезанным из камня. В строгом однотонном платье, без украшений, но с городской причёской Игумнова мало напоминала дочь зажиточного купца, а скорее выпускницу института благородных девиц. На вид ей было не более двадцати лет.

- В это время я только с самыми маленькими занимаюсь, – наконец ответила она. – Сейчас ребята, что постарше, все в поле взрослым помогают. Только с октября занятия начнутся.

Она отпустила детей, и те с радостью побежали к курятнику, нарвали одуванчиков и, смеясь, стали кормить ими цыплят.

- Я здесь по пути в Лебедянь остановился, - начал отец Александр. – Зашёл на ночлег к отцу Метродору.

- Вы что же, с ним приятельствуете? – спросила она. Пастырь посмотрел на Игумнову внимательней, на её слегка припухлые губы, большие ресницы, жгучие, как у цыганки глаза, и что-то дёрнулось в душе. Он подумал – любое

украшение стало бы лишним. Нет ничего лучше красоты, обрамлённой строгостью.

- На самом деле мы едва знакомы. Он бывал у нас дома, в Тамбове, мой отец дружен с батюшкой Метродором. Так вот он звал в гости при случае, я и зашёл.

- И как вам?

Её вопросы сыпались, словно камни с неприступной кручи.

- Если честно, – ему и правда отчего-то захотелось быть откровенным. – Я удивлён его достатком. Его приход не многим больше моего, однако он...

- А знаете ли вы, на чём держится его достаток? – Игумнова скрестила руки на груди, и он невольно засмотрелся на её длинные, бледные пальцы, они напоминали перышки юной лебеди. – Я всего не открою, и не хочу. Но возьмём пример. Выводы нужно делать, исходя из примеров, ведь так? – она улыбнулась, будто отец Александр был её новый ученик.

Тот молчал.

- Так вот, пример. Если кто из крестьян вступает в брак, должен он сообщить о своём решении отцу Метродору заранее, весной, и отработать как полагается до осеннего мясоеда и свадьбы. Правила конкретны для каждого. Жених должен день пахать, день косить, день жать и день молотить. Невеста же – день сгребать сено, день жать и день помогать по хозяйству матушке Мелании. Без этого друг вашего отца венчать никого не будет. Как вам барщина? Или это стоит назвать поповщина?

Конечно, понимал молодой батюшка: не приходит богатство из ничего, что редко стоит оно на честном фундаменте. Ещё вчера слышал он, как грубо отчитывал за что-то отец Метродор мальчишку-служку и ещё больше устыдился за священника. Но продолжать разговор об этом посчитал недопустимым, и спросил:

- Почему вы захотели обучать крестьянских детей?

- Это мой долг. И потому что никому до этого нет дела, в том числе и местному священнику. Впрочем, это вполне объяснимо. Церковь была и будет против просвещения, ведь её власть держится на невежестве народа.

- Вы говорите неправду. Я же нашёл вас именно с тем, чтобы спросить о школе и обучении крестьян наукам.

- Я верю в чистоту ваших помыслов, – ответила она. Отец Александр едва сумел не отвести глаз, но казалось, её цыганские очи проникают в душу, поджигают её, наполняя огнём каждый уголок сложного, так долго и кропотливо выстраиваемого мира. – Я даже скажу, что вы обязательно... попробуете обучать детей, но рано или поздно... впрочем, не стану ничего говорить. К сожалению, таких, как вы, мало. И поэтому даже ваше хорошее намерение в целом ничего не меняет. Большинство же – мироеды, как Метродор.

- Вы хулите церковь! – отрезал отец Александр. Ему нелегко давалась строгость в общении с Игумновой.

- Я не враг церкви, не враг семьи, собственности и государства, - она говорила спокойно, при этом собирая в отдельные стопки буквари и бумагу. – Но я, как и многие люди в России, пошла в народ, потому что хочу перемен. Мы стремимся поменять мир и хотим, чтобы он жил, держась на более справедливых основаниях, чем сейчас. Церковь много лет назад создавалась с такими же целями, её испепеляли, она терпела муки и лишения, она шла на крест и костёр... для чего? Мир мог бы стать светлее, если бы церковь шла до конца в своей проповеди, не отделяя слово от дела, не копила богатство, при этом вырождаясь и действуя, как её враги. Церковь, став сильной, сама разожгла костры, бросая в них научные труды и самих учёных... Наш мир стоит на лжи, крови и насилии, но это только до времени. Скоро будет сброшена одряхлевшая церковь, а вместе с ней и царизм.

- Вера Петровна, прекратите немедленно! – отец Александр побледнел, слушая её. – К тому же вас могут услышать. Если я сдам вас уряднику, то поступлю честно по отношению к законности...

- Вы этого не сделаете, потому что вам будет стыдно, - народница всё также не отводила глаз. Впервые её щёки – впалые, бледные, озарились румянцем, но жгучим, нездоровым огнём. – Всеми обществу очень скоро будет стыдно, что оно так долго позволяло бить себя ногами. Знайте – сонное и ленивое общество скоро проснётся. Старый мир не исправить и прошлое отомрёт, поэтому я спасаю детей, учу их не только грамоте и наукам, я учу их, как нужно жить в грядущем веке. Они вырастут свободными людьми и им будет стыдно за отцов и дедов, что гнули спины на мироедов, в рабской темноте и безумии боясь даже скулить. Вот за ними – сильными, смелыми, лишёнными предрассудков, и будет нравственная сила прогресса.

Отцу Александру стало невыносимо душно в комнате, и он, не желая спорить, вышел. Пятеро детишек, что играли в свайку¹⁸, бросились к нему, шумели, жались, тянули руки. Священник от нежности не удержал слёз, но друг новое – непонятное и жгучее видение пришло к нему. В тяжёлом мареве он увидел этих детей – братьев и односельчан, повзрослевших, небритых и злых, с оружием засевших по разные стороны двора и стреляющих друг в друга. В утреннем воздухе ему слышались раскаты далекого грома, свист пуль, сабельный звон, ржание лошадей, крики женщин. Отец Александр встряхнул головой, чтобы прогнать злую блажь. Поискав в глубине котомки, он выбрал осколки сахара и, угостив, благословил малышей. Уходя, батюшка обернулся – Вера Петровна стояла в дверях, всё также скре-

18 Свайка – русская народная игра, заключающаяся в попадании свайкой – заострённым стержнем, в кольцо или несколько колец, лежащих на земле.

стив на груди лебединые руки. Она пристально, не моргая, провожала его испепеляющим взглядом. И вновь страшное, как марево, видение на миг околдовало его, и в этом приступе видел он будущее хрупкой и смелой женщины. Арест, каторга, бегство, чужая страна, бедность, отчаяние, самоубийство... Он вздохнул и перекрестил воздух, прося Господа уберечь её от тернового пути, и знал, что не сможет.

К полудню солнце вновь нещадно жарило сухую, молящую о дожде землю. Пока молодой пастырь шёл пустынной деревенской улицей, ему на какой-то миг подумалось, что отец Метродор по-своему прав в измышлениях о науках и школе. Темнота и безграмотность не многим хуже учёности, вдохновлённой химерой равенства и передела. Что будет в новом веке, если в основе общества заложат безбожие и подменные постулаты о нравственности?

Отец Александр заглянул во двор священника, чтобы проститься и поблагодарить за ночлег... но ушёл тихо, не показываясь на глаза: грозный Метродор у закута¹⁹ громко вычитывал и порол кого-то из дворовой челяди.

* * *

Только подходя к Степановке, мучаясь в зной от жажды, понял отец Александр оплошность. Погрузившись в тяжёлые размышления после разговора с Игумновой, он забыл набрать свежей воды. Идти за ней к каменистому берегу Дона было не по пути. Старуха-богомолка, что встретила по дороге, с радостью рассказала, что есть подле Степановки святой источник с прекрасной студёной водой. Она же поведала священнику легенду о том источнике: будто в стародавние времена жила тут помещица, и был ей сон, что в овраге перед барским домом сокрыта икона Казанской

19 Закут – хлев для мелкого скота. Телят

Божьей матери. Приказала барыня копать, и как извлекли чудотворный образ, так из-под камней и земли забил родник. Слава о его целебной силе давно обошла всю округу, поэтому и дорогу к источнику отец Александр нашёл без труда – никуда иначе не могла вести хоженная тропа. И лишь спустился к оврагу, помолился на большой дубовый крест, как услышал за спиной голос:

- Пришёл, дружок, глони воды чуток! – он обернулся, увидев босого, в оборванной одежде парня с некрасивым, изрытым оспинами лицом. – Ермила меня звать, а тебя как величать?

- Отец Александр, – ответил тот, поняв, что перед ним блаженный.

Ермила почёсывал жидкую бороду и молчал. Они стояли рядом, плечо к плечу перед крестом, словно на молитве. Тишину нарушало мяуканье – к Ермиле со всех окрестностей, еле слышно шелестя в сухостойном бурьяне, собирались кошки. Их – крупных и маленьких, старых и слепых, резвых и задиристых, рыжих, чёрных, пятнистых едва ли можно было сосчитать. Ермила смеялся, гладил их шёрстки, и кошки кружились вокруг, мурлыкали в блаженстве, терлись о его огромный, не по тщедушному телу шитый балахон.

Наконец блаженный заговорил:

- Саша, не ходил бы ты чёрными тропами, да слушался, что старшие велят, не мечтал напрасно, и во всём тогда твоё хотение. Вот когда кресты поднимали, одни знали, другие нет. Одни видели, другие как слепы стояли. И я там был, желчь-слёзы пил. И Христа зрел. А ты не ходи так шустро, особенно когда по небу вдарит.

Ничего не понял из слов юродивого батюшка, а только перекрестил его. Ермила улыбнулся:

- Христос то мне и сказал тогда, когда висел на кре-

стике, ножками и ручками прибитый, мол, крест тяжёл, да неси, упадешь – подними. Господи еси, всех нас обнеси, на руках как на крылышках. А ты сядь-посядь со мной, батюшка Сашенька.

Странно, но от слов блаженного, от его присутствия, взгляда, душистого и какого-то странного воздуха, что принёс он и его кошки, стало тепло, спокойно, радостно. У источника было немного прохладней, жужжали, но будто не смели кусать комары.

- Кукушка-кукушка, сколько лет ещё? – Ермила приложил скрюченную, больную ладонь к уху и прислушался. Однако кукушка вовсе не подавала голоса.

Они сидели на траве. Рыжий кот просился на руки к священнику, и когда он принял его, кот прижался, замурлыкал как-то нехорошо, странно, а потом тронул его грудь лапкой. Отец Александр достал из котомки зачерствелый хлеб, протянул Ермиле. Тот даже не откусил, а принялся кормить ватагу. В кошках, мгновение назад мирных и ласковых, проснулась хищная сила, они стали биться за хлеб, вопить дурными голосами, кусать друг друга:

- Скоро все из-за хлеба передерутся, – сказал Ермила спокойным голосом, посмотрел на пастыря глазами умного, здорового человека. Всё перевернулось в душе священника от его холодной, спокойной интонации. Блаженный говорил о будущем как о том, что уже случилось. – Скоро всем вдруг красно делается, а пережить-то не всем дано будет. Лучшие останутся в земле, а иных, как былинки, от родной земли оторвёт. И все правыми себя назовут. Они и по одну сторону, и по другую правые встанут. И за правду свою убивать будут. Я-то дурак Ермила, а ты Сашка, ты иди к людям, ты умный, ты им скажи, тебя послушают. Скажи всем.

Ермила замолчал, примолкла и его свора. Отца Александра проняла дрожь.

- Мне однажды после обеда Иисус Христос сказал, что хочет, мол, по доброте своей и сердцу тёплому дать всем нищим богатство, да я его от этого отговорил, – юродивый махнул ладонью и почему-то засмеялся. – Ей-ей, отговорил! А знаешь почему, Саша? Всё равно князья да бояре отберут гору золотую, реку медовую, сады виноградные. Вот так. Не будет никогда иначе. Земля только кровью напьётся, а от крови ей доброго плода не родить. Скажи это всем, может, тебя послушают и ещё одумаются.

Так и расстались они. Блаженный поднялся с хрустом в коленях, перекрестился криво, неправильно – кулаком, и позвал за собой кошек. Когда они ушли, набрал отец Александр воды, поднял срезанный ещё в Студёных Хуторах березовый посох и побрёл дальше. Каких-то пару дней назад, когда ранним утром в саду мыслилась ему дорога на Лебедянь, мечталось, что, бредя среди каменистой цепи холмов и оврагов, увидит он утонувший в цвете яблонь уютный городок. Как, жмурясь от солнца, неспешно помолится он на блестящие купола обители, услышит чириканье весенних птиц. Но теперь не замечал он этой красоты, не чувствовал аромата садов, не видел ясного неба над головой.

Перед глазами не таял образ Ермилы, изуродованное оспой лицо, и будто не расстались они – казалось, всё также шли за ним вслед, словно призраки, его кошки, и в протяжном, заунывном мяуканье угадывались страшные фразы блаженного. И чем ближе становились стены монастыря, тем больше грызли душу вопросы, и боялся он не отыскать ответов, а значит – не найти твёрдости и упокоения душе.

Пройдя городскими улицами, будто мрачная тень, мимо громогласного, суетного приготовления к ярмарке, у южных ворот монастыря он остановился, склонив голову. Отец Александр снял котомку и бросил на траву. Он долго молился на икону Святой Троицы, не смея войти. И решил:

нет, не станет он мучить грешными сомнениями старца Нектария. Это его ноша, только его – и ему нести её весь свой век.

* * *

За высокими, из красного кирпича стенами батюшка Александр впервые почувствовал себя спокойно, будто рыба, проделавшая долгий путь по быстротечной реке к безбрежному морю. Среди старых раскидистых яблонь дышалось легко и свободно, монастырский сад благоухал особенно, в воздухе парил аромат воска и ладана. Уютно жужжали пчёлы; они несли последние взятки яблоневого пыльцы в причудливые колодные улья, которые монах, искусно владевший плотницким ремеслом, вырезал в форме небольших церквей с расписными маковками. «Пчела – божья труженица», - подумал отец Александр и улыбнулся.

Первым долгом священник посетил настоятеля монастыря старца Митрофана. Неспешный разговор с мудрым игуменом настроил на особый лад, а обсуждали они большей частью обустройство школы:

- Сейчас нет задачи важнее создания церковно-приходских школ. После трапезы покажу тебе наши классы, – сказал игумен. – Расскажи теперь, как жив и здоров отец, очень он дорог моему сердцу. Знаю, что далеко теперь живете вы друг от друга, – он выслушал ответ отца Александра. – Но зато ты теперь ближе к нам, а мы тебе тоже родные. Навещай батюшку обязательно, и от нас поклон передавай!

Отужинав с монахами постным гороховым супом, который показался отцу Александру особенно вкусным, отправился он смотреть школу. Солнце близилось к закату, и воздух в его ярко-малиновом свете стал совершенно прозрачным и сладким, будто липовый мёд. Игумен Митрофан сопровождал его, и, опираясь на высокий резной посох, рассказывал:

- Школу при монастыре создали мы несколько лет назад, в последний год жизни государя нашего Александра Александровича, упокой Господь его душу светлую и помяни дела многотрудные во благо всех нас, – игумен замер перед иконой у входа в Ильинскую церковь, перекрестился. Отец Александр заметил – старец Митрофан вовсе не демонстрировал почитание мирской власти, а искренне любил почившего царя и скорбел о том, что тот слишком рано покинул мир.

- Школа в жизни монастыря занимает важное место, – продолжал игумен. – Первое время мы открыли её в помещении гостиницы, законоучителем стал иеромонах Иннокентий, а учителем, – он остановился и закашлялся, – не отошёл, видимо, я ещё совсем от болезни.

Отец Александр шёл рядом, сложив руки за спиной и боясь сказать лишнее слово. Но узнав, что игумен весь вечер общается с ним, а теперь ещё и сопровождает, не выздоровев от простуды, стал вслух укорять себя. На это игумен лишь строго одернул его и продолжил:

- У нас такой хороший учитель, Хонев его фамилия. А вот совсем недавно построили новое помещение из кирпича для школы, и рассчитана она пока на обучение семидесяти юношей.

- А учитель как же? Приходящий, или нет?

- Какой же он приходящий? Нет, живёт здесь, при монастыре, мы ему квартиру выделили прямо при школе и жалование от монастыря платим.

- Но он обучает именно светским наукам?

- Конечно. Закону Божьему не может светский человек учить. Дети и грамоту осваивают, и в хоре церковном поют. Славно поют. Очень спокойно мне на душе, когда дети в храме поют, очень.

Тепло стало на душе отца Александра. Особенно когда увидел он здание церковно-приходской школы, вошёл в

чистый, освещенный предзакатным солнцем класс, а затем посетил богатую библиотеку. И как-то особенно радостно было поговорить за столиком в библиотеке с учителем Хоневым, который, как выяснилось, окончил специальный курс в духовном училище Липецка и относился к своему труду с особым рвением, считая его призванием.

- Я всегда готов помочь вам, отец Александр! – сказал учитель. – Дай Бог помощи в создании школы в вашем приходе! Главное, знайте – вы не один! Рядом есть люди, которые помогут, подскажут! Если Бог даст и погода не подведёт, этой осенью буду рад приехать на пару дней в Студёные Хутора и дать уроки деткам!

Они обнялись, будто век знали друг друга, и старец Митрофан улыбнулся. Он видел их особым, духовным взором, и казалось ему, будто одна жаркая свеча зажигается от другой. Игумен считал школу наиважнейшим делом и был рад, что Свято-Троицкая обитель Лебедяни, начинания и старания монастыря становятся примером для сельских приходов. Он верил, что путём молитвы и знания окрепнет общество, и, несмотря на сомнения, которые порой тугими обручами охватывали душу, будущее казалось ему светлым. Игумен Митрофан считал за грех осуждать время, в которое выпало жить; важно не оглядываться по сторонам и причитать, а самому быть достойным человеком и передать потомкам огонь жизни и веру.

Он отошёл, не мешая молодому священнику и учителю громко, по-дружески спорить о чём-то. Отсюда, из окон школы отлично было видно купала трёх монастырских храмов. Сколько пережила обитель за четыре века – набег кочевников и зверства разбойников, грабёж и разорение, смуту и пожары, голод и холеру... Всё отразили и выстояли стены монастыря, и выдержат впредь! Неужели найдутся на земле звероподобные люди, что смогут уничтожить мона-

стырь, обратить его в пыль, а того хуже – запустить в храмы скот, приспособить под зернохранилище? Минувшей ночью, когда мучили игумена кашель и жар, Митрофан видел душный сон, будто сброшены с куполов кресты, а церкви стали вместилищем сена и навоза...

Бред, надоедливый бред, решил он и перекрестился на золотые маковки. Он радовался горячему и ясному предлетью. Вся тяжесть лишений должна остаться в прошлых, тяжёлых и смутных для монастыря веках, когда приходилось так нестерпимо и больно, что только вера и молитва позволяли братии устоять перед бурей и идти вперёд. И раз уж столько веков серыми нитями тянулись лишения, стягивались в толстую косу, то от нового времени стоило ждать именно процветания, как воздаяния за время тягот, и старец Митрофан чаял в двадцатом веке наступления дня радости, дня отдохновения и праздника всему православному миру.

Игумен проводил отца Александра до гостевой комнаты:

- Сегодня, конечно, не дерзай явиться на глаза старцу Нектарию, не терзай его, хотя и ведомо мне, что ночами он вовсе не спит. Завтра утром попробуй навестить, но не ранее, а теперь отдыхай.

Он благословил молодого священника и отправился на вечернюю молитву.

В гостевой комнате, где были только образа в углу, жёсткая кровать и маленькое окно, отцу Александру думалось, что он не сомкнёт глаз... не из-за убранства, а потому что завтра предстояла долгожданная встреча и разговор... Однако уснул он, лишь только кончил молитвенное правило, и тонкая накидка на досках стала ему мягким оперением, будто плыл он на спине огромной и нежной лебеди по едва шумящей волнами тёплой реке...

Он не шёл, а скорее летел над дорожкой по утреннему саду, не задевая головки одуванчиков, умытые росой колокольчики, лопушки подорожника. Он спешил к одинокой, стоящей особняком келье. И только одна мысль гнула к земле: вчера игумен упомянул, что старец Нектарий не покидал келью с зимы...

Молодой пастырь тронул некрашеную, скрипучую, без ручки и замка дверь. Внутри было темно, и лишь зажжённая в углу лампада теплом манила войти, шагнуть по ступеням. Проход был низким, будто спускаться приходилось в погреб, и худощавый высокий батюшка склонился, чтобы протиснуться и едва слышно закрыть дверь. Снова поминая слова игумена, как давно Нектарий не выходил на свет, он ждал запаха тела и его бренной жизни, но не учуял ничего, кроме лёгкого аромата, похожего на запах липового цвета, а также свежей стружки.

- Я ждал тебя, радость моя! – казалось, что голос раздавался одновременно с четырех сторон, будто к нему обращалось само пространство, а точнее, душа, для которой это пространство было земным прибежищем. – Иди ко мне скорее, хочу тебя видеть, золотце!

Отец Александр свыкся с темнотой и различил узкую кушетку в углу, где в свете лампы едва выделялось сухое лицо, кожа на котором была натянута так туго, что виднелся каждый взгорок и спуск костей угловатого старческого черепа. Сухой череп таял, менялся, плыл перед глазами, которые застилала слёзы. Священник знал старца Нектария четверть века – ровно столько, сколько жил, и казалось, что тот всегда должен оставаться каким был – подтянутым, крепким, добрым и любящим человеком. Не высохшим скелетом, нет! Отец Александр помнил вечер Рождества, когда ему было

лет пять, и старец Нектарий сажал его на колени, угощал сахарной помадкой и говорил о том, что Христос – сладчайший Иисусе, Сын Божий, явился в этот день на радость и спасение всему миру. И маленький Саша сосал помадку, хранил о ней память. Иисус сладчайший – это ведь счастье, подлинное счастье, вкус которого он старался уловить на губах каждый раз, когда его окружали невзгоды, когда страсти кипели взбужшими гроздьями, и рядом не было никого, кто смог бы приголубить, защитить, поднести к устам сахар...

А теперь что же, вот они, рядом. В маленькой келье, старец и духовный ученик его. Хотя в эту минуту думалось, что иная меж ними связь, названия которой ещё не придумано, и нет никого ближе, лучше, роднее. Ему нестерпимо хотелось броситься, удариться коленями в земляной пол, плакать и говорить, говорить и плакать, но он боялся сделать шаг, сказать слово. Он оробел, будто застыл навечно.

- Хочу тебя видеть, ненаглядный мой Алексашенька!

И он ступил ближе и прошептал то, что так хотел сказать старцу Нектарию. Тогда, стоя ранним утром в саду, он не знал, найдутся ли слова... они родились и шли от сердца так, как были, как их толкали из груди радость, печаль, мука и свет:

- Я люблю тебя, батюшка! Ты всегда со мной, особенно когда тяжело... а ведь очень тяжело, батюшка! Лучше бы глаза мои не видели то, что видеть им даётся! Пошто оно так? – он выдал стон и отполз, сел на мокрый и холодный пол, прислонился к шершавой каменной стене.

- Буря дошла до души твоей, сын мой наилюбимый, – ответил Нектарий. Он говорил очень медленно и долго, и тишина между фразами порой заполняла минуты, так что слышалось, как пищит и роется в углу мышь, не замечая рядом людей. Отец Александр лишь слушал, не смея шевелиться. – Ты вошёл во глубину вод и плачешь, что тече-

ние понесло тебя. Не плачь, утешься, дитя. То, что увидел и познал, прими как то, что дано свыше, перенеси твёрдо и непоколебимо. Будь готов серьёзно к шторму, раз в тихую погоду тебя так бросает от кормила. То Бог тебя учит. Но это на пользу. Смертным оно всё трудно, что ни возьми. Главное не забудь: всё непостоянно в мире земном и тем самым храни в себе любовь к постоянному! Надо закрыться от суетного. На земле много соблазнов, и многое враждебно человеку – ветры и зной, холод, голод, болезнь... но ничто ему так не враждебно, как он сам. И оттого человек в непрестанной борьбе с самим собою.

- Христос посреди нас, – произнес отец Александр в воцарившейся тишине. Он открыл глаза, и ему казалось, что в темноте кельи неспешно идёт тёплый снег. Он укрывает его и старца Нектария, и они молчат. Нет лета, нет века, нет молодости и старости – нет ничего, и только они вдвоём, и этот снег, что замедляет их. Казалось, старец привстал на одном локте, положил иссохшую дрожащую ладонь на колено отцу Александру, и они вдвоём смотрят, как падает белый пух, и кто-то незримый идёт к ним навстречу по этому бескрайнему полю, оставляя следы... Идёт, простирая руки.

Когда же всё стихло, и не оказалось снега, и мир маленькой кельи стал прост и тёмн, он услышал сдавленный голос монаха:

- Жить в миру и избежать заблуждений невозможно. Ты не осуди тех, кто заблудил. Их таких много есть, и будет. Люби людей и неси им радость. И главное помни, во всякий час помни о своей духовной присяге.

Отец Александр хотел сохранить этот миг навечно. Сжать, остановить время, чтобы оно подчинилось ему, позволив остаться в кельи на годы. Чтобы маленькая комнатка-погребок стала и его прибежищем, духовным успокоением, местом вечного тепла и покоя.

- Сашенька, как там твои родные? Как матушка Люба, жена твоя Богом данная, нет ли у вас детишек ещё? – вдруг спросил Нектарий... и устыдился отец Александр, смутился своих желаний. Старец лишь улыбнулся:

- Не забывай своего пути, но помни и родных! Я люблю тебя, Сашенька, и ты люби! Люби! А теперь снеси меня, будь добр, снеси на солнце! – попросил Нектарий.

Священник аккуратно положил руку под голову-череп, другую – под колени, и подняв старца, не почувствовал веса. Он замер на миг, прикоснулся губами ко лбу – старец был с ним, дышал теплом, шептал молитву, и даже в темноте было заметно – улыбался.

Когда они поднялись из черноты кельи, вышли в сад – старец даже не жмурился, хотя так долго не видел мира и весны. Его глаза утратили голубизну и стали светлее родниковой воды. Лицо, покрытое нездоровыми пятнами, словно дерево лишайниками, вновь рассветло, тепло разговаривавшего утра придало ему лёгкий румянец. Отец Александр держал Нектария на руках, и к ним со всех концов Свято-Троицкой обители молчаливо, слегка сгорбившись в почтении, стекались монахи. Поначалу они долго молились, и в саду разливались их созвучные голоса, так что даже птицы на миг стихли, заслушавшись церковного пения. Отслужив в саду литургию, каждый монах подходил к Нектарию, сложив руки для благословения, и отцу Александру, что обхватил старца, почудилось на миг, будто держит в ладонях инок невидимые всем Святые Дары и ими причащает братию. Он видел круг, что собрали монахи, и особенно оторопел и вытянулся, когда последним из пришедших за благословением оказался сам игумен Митрофан.

- А кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришёл,

чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих, – сказав словами Евангелия, старец Нектарий натянул на высохшем лице улыбку и осенил настоятеля крестным знаменем, протянул к нему похожие на ветви руки и обнял.

Прижимая игумена, он поднял чёрный, будто облупленный о свечу палец.

Там, на вершине старой, давно не приносившей плодов яблони стояла и в утренних лучах сияла икона Святой Троицы. Главная святыня монастыря не впервые покидала храм. В прошлые века, когда обитель разоряли кочевники, она чудесным образом появлялась после набега на пепелище, давая надежду... но отчего же теперь, и так высоко?.. И когда монашествующие, увидев, что икона сама покинула церковь, взошла на вершину дерева, они приняли это как знак и собрались под старой яблоней. Но вороны, галки, серые воробьи тучами слетелись с окрестных мест, дальних деревень и погостов, замахали крыльями и, гомоня истошно, пытались оцарапать клювом образ, гадили на землю, истошным криком не давая молиться...

* * *

Птицы не умолкали, монахи были подавлены. Отец Александр отнёс старца Нектария в келью, уложил на кушетку:

- Не уходи. Сегодня не уходи, – едва выдохнул уставший схимник и замер.

Пастырь, сидя в темноте и слушая сиплое дыхание, по-новому уловил ход жизни, будто заметил, как ровно, чётко и неутомимо бегут часы. Никаких часов в келье не было, однако он понял, что каждая секунда отстукивает и его время. Он склонился над Нектарием:

- Батюшка, я пришёл только ради того, чтобы увидеть тебя. Мне пора... Я оставил храм, но близок праздник Троицы. Я должен идти, нужно поспеть обратно.

Он поднялся, подлил масла в гаснущую лампаду, и яркий свет наполнил келью, огоньки блеснули на вспотевшем лбу Нектария. Тот будто уже спал, но вымолвил:

- Не поддавайся суете. Останься.

Отец Александр поискал в углах, нашёл изгрызенную мышами ветошь, ею укрыл, как дитя, Нектария, поцеловал.

И ушёл, ушёл...

Не только близость Троицы, необходимость заготовить цветы и ветви берёз для храмовой службы были причиной спешки. Его сильной рукой потянуло назад, особая тоска охватила душу. Такая тоска, когда хочется быть дома, быть рядом, видеть, как спешно собирает ужин матушка Люба, слышать смех дочери... а потом глубоким вечером зажечь свечу и замереть в этом покое и счастье. А он далеко, бесконечно далеко от дома и не может, не может... Сердце защемило, так неожиданно и сильно...

Потому и вышел отец Александр, словно обожжённый, из кельи, быстро попрощался с братией и игуменом. Старец Митрофан проводил его, однако был хмур – его растревожило странное, необъяснимое явление. Как выяснилось, не покидала святыня храма – следивший за порядком в церкви пономарь не просто видел, а тщательно протирал икону Святой Троицы всё это время. Но почему же все видели икону?.. Божественное ли то знамение, или вражья хмарь? Не было тому объяснения. Он благословил в дорогу отца Александра, но думы его были тяжелы... Учитель Хонев в сером, протёртом на локтях пиджаке ждал у южных ворот – он тоже вышел проститься, обнял обе руки пастыря, и что-то хорошее говорил и говорил в дорогу.

С нелёгким сердцем отец Александр покинул мона-

стырь. Какой-то скользкий, надоедливый червь сосал кровь из души. Тянуло развернуться, бежать по саду, вновь спуститься по ступенькам в келью к Нектарию и долго молиться... ему чудилось, что именно в эту минуту старец Нектарий тихо умирает и в бреду зовёт его. Но священник шёл и шёл узкими городскими улицами, уставившись под ноги и не видя, как свинцовые тучи с севера двинулись ему вслед. Его долго провожал чёрным глазом ворон, что сидел на высоких монастырских стенах и лучше всех видел необъятную помутневшую даль. В Романцевском лесу заушала не в срок проснувшаяся ночная птица, а растревоженные чем-то мелкие птахи серым облаком взметнулись к небу. Он старался выбрать самый короткий путь.

- Чилики²⁰ ишь расшумелись, к непогоде, – сказал священнику хмурый крестьянин, что ехал на гружёной телеге в город, - и ветер нехороший в спину, как в осень. А тебе-то, батюшка, далече итить-то?

- В Студёные Хутора.

- У, и не слыхал про такие. А я ума дал²¹ – на ярмарку Троицкую еду, да видать замочить меня дождж, вот и уся торговля. Ох, лихота! Тпру, пошла!

Отец Александр повернулся к пылящей дороге. Он старался ни о чём не думать, а с каждой минутой ускорял шаг, отсчитывая посохом вёрсты. Левой рукой он перебирал узелки вервицы²², в уме проходя новый и новый молитвенный круг. Когда же после нескольких часов молчаливого пути пастырь поднял глаза к небу, его охватил ужас. Он стоял один посреди бескрайнего пространства, на бесплодной, лишь местами покрытой островками полыни земле, его окружали похожие на надгробия белые камни, выгоревшие лысые холмы и зале-

20 Чилики – воробьи

21 Ума дать – совершить глупость

22 Вервица – узелковые чётки

жи известняка в низинах. Небо наседадо чернотой и мороком. Он остановился, понимая, что дождь вот-вот обрушится стеной, придавит водяным потоком, не дав возможности дышать. Но ливень, который далёкие ветры с воем несли на крыльях, набирал силу постепенно и уверенно. Ударил он внезапно и сильно – так, что над землёй появился дым. Ровный шум взбудрил священника, он принял этот удар и шёл, объятый мороком затяжного дождя. Подрясник быстро промок, облепил тело, мешая ступать. Непослушные волосы лезли в глаза липкими сосульками, набухшая борода холодила грудь.

Он брёл, словно тень, в туманно-синем мире, шёл в глухом дожде, выбросив на перекрестке размытых дорог посох. Пальцы дрожали, не в силах перебирать узелки размякшей, похожей на скрученную змею вервицы. Лапти быстро набрали воды, с трудом отрывались от чавкающей хляби. Отец Александр остановился у большого валуна, его взяла оторопь. Он прижался грудью и молился, плакал, прося прощения у Бога и у старца Нектария.

Грех его весь был перед ним. Грех ослушания.

«Останься», – прозвучало в памяти хрипкое слово, и тут же исчезло, заглохло в раскате грома. Земля жадно пила воду и разом не могла принять её; бежали ручейки, в ложбинах и суходолах собираясь в лужи. Отец Александр больше не останавливался, но чапал уставшими ногами, шатался, словно расхристанный пьяница, безуспешно пытаясь справиться с ознобом. Пастырь молился, чтобы не сбиться с большака, но порой блуждал в буераках, а дождь плакал, лил на его голову слёзы. Он едва затих, а затем к вечеру пошёл мелкой водяной крупкой...

В полной темноте изнеможенный, изнывающий от кашля священник вышел в сумерках к Студёным Хуторам и упал где-то на чужом гуменнике²³ среди жидких хвостиков

молодого лука, так и не сумев проделать последние шаги к родному дому...

* * *

Солнце жарило так близко, будто кто-то наклонил к земле раскалённое светило, как огромную керосиновую лампу. Вспыхивали листья на чёрных ветвях, зажигая ещё живые деревья. Ветер дул с юга, поднимая удушливую пыль, которая летела в глаза, набивалась в ноздри и рот, не позволяя дышать. Со всех концов доносились стоны, чей-то плач. Отец Александр не знал, где он, и поднял глаза – в пепельном небе, будто стая птиц, длинной вереницей летели гробы. Постепенно с них срывались, кружились и падали, разбивались древесной трухой крышки. По другую сторону неба мерцали молнии, и в этой плавящейся энергии рождались ясные и грозные образы. Отец Александр не находил сил, закрывал голову руками и ждал... Он смотрел на землю, и она цвела бескрайним полем непривычных алых одуванчиков.

- Не может батюшка принять, не может! – крикнуло небо, и началось сражение стихий. Из гробов поднимались скелеты с горящими рубиновыми глазами. Они летели в деревянных коробах, словно в колесницах, вооруженные мечами и копьями. Священник поднялся и жмурился, пытаясь увидеть воинов, что были по иную сторону, готовые биться с армией тлена. Он различил взмах крыла архангела, и картина открылась ему – на белых, словно облака, конях, держа в руках лишь кресты, по небу мчались схимники. Копытный стук, крики и лязг гремели над его головой.

- Болен батюшка, не примет он. Уходи, сейчас же уходи! – шумело и выло каким-то нездешним, злым голосом коричневое, вспыхивающее огнями небо.

Он с трудом поднял веки. В мрачной комнате, ко-

торую батюшка сначала не узнал, тускло горела лампада, едва высвечивая печальный лик Богородицы на старинной семейной иконе. И хотя он ещё не чувствовал рук и ног, так что не мог пошевелиться и вытереть пот, стало намного легче. Казалось, он избавился от страшного сна-наваждения. Когда глаза сами собой начали слипаться и таял, плыл свет огня, отец Александр старался вернуться в реальность, но не мог...

Тёмные силы всё пребывали. Скелеты в гробах были лишь первыми, не самыми передовыми воинами тьмы. За ними тянулись гигантские нетопыри, кузнечики с зубатыми челюстями, крылатые пауки, стаи жужжащих комаров и прочая чёрная гнусь. За ними в окружении демонов с воем шёл царь мрака. Схимники вынуждены были отступить, их кони сбились и тревожно ржали, только незримый глас звал не убояться врага...

Священник снова пришёл в себя и отличил сон от яви. Матушка Люба шумела, не пуская к нему кого-то. Пастырь отбросил одеяло, поднялся на локтях и с невероятной болью в груди прохрипел:

- Пусть войдут!

Открылась дверь, в комнату ворвался, разбавил тяжёлую духоту свежий воздух. Вбежала растрёпанная женщина, священник не узнал её. Она с ходу упала, прокатилась по некрашеному полу на коленях. И только по причитаниям – таким знакомым, ведь также в голос плакала она на исповедях, узнал он Пелагею – дочь старика Ивана Матвева.

- Помирайт вить папашка наш, пряпшаться просиить! – кричала она, размазывая слёзы и прижимая к лицу подол платья. Тут же вбежала рассерженная матушка Люба:

- Ты в своём уме, Пелагея? Ступай домой отседа, не вишь, что с батюшкой! Третьего дни спал, а тут ты прибегла, раскудахталася! Ить отседова! – она выдавливала, как

могла, из себя злость, но вместо этого из глаз текли слёзы.

Отец Александр поднялся, шатаясь, открыл окно. Жмурясь от солнца, принялся искать по комнате одежду, не видя и не слыша ничего вокруг. Когда же Пелагия и матушка Люба бросались ему одна на левую, а другая на правую руку, чуть не повалив, батюшка отмахнулся что есть сил и прохрипел:

- Уймись!

Обе они, видя, как священник облачился в рясу и, взглянув на них холодно и отрешённо, вышел из комнаты, зарыдали сильнее прежнего, каждая о своём.

Матушка Люба догнала его у калитки:

- Сашенька, не ходил бы ты! Меня пощади, дочу пощади, не оставляй! Нельзя ж тебе! И врач с Липецку уже в пути, прибудет скоро. А Тихон дьяк деда Ивана споведует заместо тебя! Ступай, прошу тебя, приляг. Ну приляг!

Он будто не слышал её, а брёл по сельской улице, и дорога плыла перед глазами. Встречные люди здоровались, снимали шапки, кланялись, однако он не отвечал, и те уходили, с непониманием озираясь вслед. Отомякнув храм, пастырь взял Святые Дары и отправился тем же путём, что шёл недавно в Лебедянь – старик жил за рекой.

Отец Александр спускался по склону, мелкие камни осыпались под ногами, и он чувствовал, что вот-вот сорвётся и покатится, ломая шею, но какая-то сила держала его. Раздвинув прошлогодний хрустящий камыш, он удивился – бушевала, несла мутные воды река. Ещё недавно слабая, местами пересыхающая до ручейка, она набрала мощь от проливного дождя и теперь стала быстрой, словно только открылась ото льда ихватила вешней необузданной силы. Но главное – священник не увидел мостик. Его наспех восстановили в апреле, и теперь он не выдержал первого же испытания молодых и агрессивных вод...

Пастырь поднял глаза к небу. Плыли кучерявые барашки-облака, солнце казалось как никогда ласковым, хорошим. Но вспомнился сон, странный и неоконченный бой света и тьмы. Тошнота комом подступила к горлу, отдалась затяжным кашлем. Тогда батюшка запретил себе думать лишнее... Как же быть? Он знал, что неспроста село названо Студёными Хуторами – били здесь родники, и река от них даже в летние жары оставалась ледяной. Как преодолеть этот страшный поток? Ему помнился отчаянный крик жены, и от него теснее сжималось в груди, ведь ради неё и дочери он жил, ради них он спешил домой и угодил в такую пучину... Но было и ещё что-то важное, что не позволяло развернуться и шагнуть вспять. Он будто снова слышал слова Нектария: «Во всякий час помни о своей духовной присяге».

Раздевшись, он повесил рясу на плечи, взял в одну руку лапти, в другую Святые Дары, и, трижды прочитав Иисусову молитву, вступил в воду...

В эту минуту вспомнилось, как когда-то давно учился плавать, и дело было в Тамбове на реке Студенец. Рядом с ним были только отец, еще какой-то священник, и старец Нектарий, который в те годы служил в Варваринской церкви. Саша – испуганный дрожащий мальчишка, не знал, как плыть, боялся не ощутить под ногами твердыни, неуверенно плескался в воде... и тогда Нектарий, не раздеваясь, прямо в облачении вошёл с ним воду, будто крестил, и сказал:

- Христос купался – воды не боялся. И ты будешь купаться, воды не бояться!

«Христос купался... и я... я буду воды не бояться... Христос...»

Теперь он шептал эти слова, как молитву, зубы стучали, и вода уже была по грудь. Его сносил поток; своим холодом он вовсе не бодрил и давал сил, а убаюкивал, звал расслабиться, лечь, довериться и плыть без воли и сил,

словно бревно от разрушенного моста. Батюшка кашлял, заходя глубже и глубже. Вот-вот воды должны коснуться и замочить рясу, и даже если он выберется на другой берег, то будет вынужден идти в мокром и холодном облачении... И он смирился с этим. Смирился, потому что это его долг – исповедать умирающего.

Два светлых ангела подняли его, понесли над рекой. Он неожиданно вырос, не понимая происходящего, и лишь босые пятки едва чертили по воде. Ангелы безмолвно и легко, словно пушинку, водрузили его на себя и плыли. Он чувствовал тепло, ощущал запах далёкого, наполненного светом мира, откуда пришли они... Лишь когда его вынесло, как пушинку, и ноги ощутили рыхлую почву, разум вернулся, и батюшка увидел – то были вовсе не ангелы, а высокие и грузные, вечно молчаливые братья-кузнецы Прохор и Максим. Заметив издали, как священник заходит в воду, они поспешили к нему, без слов помогли, а теперь даже не смотрели на него, будто любая благодарность была им не по душе. Быстро, как мог, пастырь оделся, стараясь не давать затяжному, тяжёлому кашлю вырваться из груди. Отец Александр перекрестил близнецов и оставил их, зная, что они не уйдут – будут ждать его здесь до тех пор, пока их плечи и сила вновь понадобятся ему для обратного пути...

* * *

Дедушка Иван Матвев переменялся – а ведь и недели не прошло с того дня, как сидели они на пастбище, и старик задавал вопросы, делился сокровенным. Теперь он лежал на печи, и лицо его страшно вытянулось, глазные яблоки ввалились глубоко, будто знали – не видеть им свет новых дней. Пелагея перед уходом затеплила все свечи, что были в доме, поставив их в наполненные просом глиняные чашки. Отцу

Александрю подумалось, что предстоит соборовать старика без исповеди, однако ум Ивана Матвева был чист и светел:

- Я так ждал тебя, батюшка, знал, что придёшь. Посиди со мной.

Перед глазами отца Александра всё смешалось, и почудилось на миг, что сидит он не здесь, а по-прежнему в обители, принимая исповедь не деревенского пастуха, а самого Нектария. Священнику стало по-настоящему плохо, и он прижался к печи, она не топилась, но казалась раскалённой. Слушая старика, он собирал остатки сил:

- Грехов то за мной много, ой как много, батюшка. Обо всём покаяться и не успею, даст мне Бог, опустит и примет таким, какой есть. Вот только есть один грех, о котором я сознаться никогда не мог, и сейчас говорю тяжело, но должен... Этого я с собой снести не могу. В давние годы, когда был я такой, как ты, батюшка, а то и помладше, водился я с одним лихим человеком, и звали его как-то не по-здешнему, вроде бы как имя ему Онега.

- А почему же лихой? Убийца, мошенник? – задал вопрос батюшка, давая понять, что слышит исповедь, принимает её.

- Да он лихой был не в смуте или тем паче в зле. Лихой, это значит, – старик на время замолчал. – Смуту он нёс, но особую. С кем он ни пообщается, так такой буян в душе поднимался, что некоторые аж в петлю лезли. Открывал он глаза всем на жизнь. Смутьян.

А мне тот Онега рассказал и показал, как найти ход к древним сокровищам, что скрыты в окрестностях Лебедяни. А я про то смолоду молчал и так бы унёс с собой.

Наступила тишина. Священник старался понять – бредит ли старик, говорит небылицы, или верно рассказывает из того, что было когда-то и до сей поры хранилось в тайне:

- Однажды тот человек предложил мне много денег,

серебряных и золотых монет в мешочке, сказал, что вынес он их из тех подземелий. А я не взял, сказав, что раз не по добру заработал, не могу принять и не за что мне, а в долгу быть не хочу... потом я понял, что он испытывал меня. А был тот лихой человек высок, с бородою до пупа и космат, но опрятен. В другую ночь пришёл он ко мне, разбудил и сказал, мол, идём. А шли мы почти всю ночь, напрямик к Лебедяни.

Старик вздохнул и замолчал. Не то уснул, не то уже умер, не успев досказать главного. Священник поднялся, взял с чашки и поднёс к лицу Ивана Матвева свечу. Огонёк едва колебался от дыхания.

- Он повёл меня на западную околицу, - тот ожил, однако не поднял коричневых, как кожица гнилого яблока, век. - Я тебе толком всего сказать не могу, надо бы начать с того, как мы с ним спознались. Так, что я, о чём? В общем, пришёл он к нам в село, зашёл в избу, отец его принял, а тот ничего не стал просить, а сразу ко мне. Показалось, что тому Онеге не меньше трёхсот лет, а то и поболее. О чём я?

- О сокровищах, - без особой страсти в голосе выдавил отец Александр, понимая, что старик переходит на бред.

- Да, вот вёл он меня к руслу речки пересохшей, он называл её Лебедянькою. И говорил, будто проходили там в древности две дороги, а разбойники уселись посерёд их. Промеж тех разбойников когда-то был главный, звали его Тяпкой, что значит, рубил он головы налево и направо, как твоя Люба капусту. И не запросто так тот бандит сел между двух дорог и не могли его поймать, ведь было у него подземное логово. Онега тот и вёл меня показать камень, нажми на который - и откроется путь-дорога в тайный спуск, да такая широкая, хоть на коне заезжай. И добра там видимо-невидимо, всем людям надолго хватит. Только войти туда не так легко...

- Отчего же? - спросил священник.

- Охраняет тот вход огромный бык - такой свирепый,

что чужака никогда не впустил. Так-то он обычный камень похожий на быка, но когда чужак появляется, обращается ярым зверем. Он может и впустить, оставаясь до поры камнем, но только затем, чтоб сгубить потом.

- Так что же, дедушка Иван, повернул ты тот камень?

- Никак не повернул.

- Испугался стража?

- Не-е-ет, – протянул тот. – Убоялся я взять грабленное добро. Ведь редко кому такое золото не на погибель. Да и Онега тот видимо мне про быка, что пускает и пожирает, говорил не впрямую, а загадкой. Нету там никакого зверя, в нас он живёт. Я тебе подробней скажу путь к тому камню, ведь знаю – ты его отыщешь и откроешь для пользы, для того, чтобы спасти других. Тебя тот бык не съест...

- Золотом людей не спасти, если за него они готовы душу отдать, – ответил батюшка.

Прошёл час, и в избу вбежала растрепанная Пелагея – она пустилась окольным путём в обход, по мельничной плотине.

- Знай всё ж о том, батюшка, всё сказал я без утайки, и отпусти мои грехи.

Священник дал старику причаститься Телом и Кровью Христовыми, помазал елеем, и лишь завершил таинства, как утих, но не умер старик, заснул бесшумно и глубоко. Отец Александр откланялся, не принял от зарёванной Пелагии никаких подношений, и пошёл домой прежним путём... Вновь подняли его на плечи крепкие братья, пронесли по броду, за рекой проводили до дома, опять же не обронив и слова... С ними он дошёл как-то легко, свободно, словно под защитой. Несмотря на боль в груди даже радовался лёгкому ветру.

Но когда упал на кровать, видел только чёрную непроницаемую хмарь, из которой зло и напряженно смотрел на него подземный свирепый бык...

Он едва слышал голоса над собой. Они возникали и меркли, словно далекие крики птиц:

- Я должен сказать вам... тут чахотка²⁴. Мне не удастся помочь. Могу только оставить лекарства. Некоторые, – ухал филин.

- Что же будет? – верещала и плакала лебедь. – Это лечится?

«Лечится, не лечится, лечится, не лечится», – улетел к небу и растаял где-то в глубине плачущий голос.

Отец Александр почему-то ощутил необыкновенную лёгкость. Боль, мысли, тягостные предчувствия отпустили его. Он видел, как идёт по незнакомой, необыкновенно гладкой дорожке к старенькой церкви. Она с двух сторон цвела вишнями. На паперти сидел оборванец с потухшим взором, завидев священника, бросился в ноги:

- Прости меня, отец! Прости! Сходи к ним и скажи, что ты простил, тогда меня пустют! Вечность тут пробыл, вечность. Скажи же им! Скажи же!

Он едва угадал в нём сына мельника Епифана, который грозил ему переделом и революцией.

Дверь открылась сама, и батюшка услышал певчих, увидел золото икон, горящие свечи. Храм был полон, и люди расступились перед ним.

- Ты простил его? – спросил кто-то.

- Бог простит, – ответил священник. – Он дорог мне, как и все.

Епифана пустили в притвор.

Священник узнавал здесь каждого. Стояла, обёрнутая в саван, тянула руки давно умершая мать, но к ней пока не подпускали; были тут дед и бабушка, и видимо, иные предки. Они держали в руках свечи, но их лиц было не уга-

24 Чохотка – в прошлом так часто называли воспаление лёгких, пневмонию

дать в дыме ладана. Дедушка Иван Матвев стоял помолодевший, в старомодной офицерской форме. В нём было не узнать пастуха, а о молодости его священник ничего не знал.

- Господи, Господи, избави нас от всякия стрелы летящая во дни. Избави нас от всякия вещи во тьме преходящая: прими жертву вечернюю рук наших воздеяния.

Службу вёл старец Нектарий, облаченный в праздничную мантию и украшенную самоцветами митру. И был он так молод, здоров и крепок, что по годам казался почти равным отцу Александру.

Блаженный Ермила стоял почти у самых царских ворот, его никто не гнал. Он смеялся, крестился, пряча за пазуху кошек. Была здесь и народница Игумнова, но стояла на коленях перед иконой Богородицы, и её жгучие глаза, выбившиеся из-под платка локоны были прекрасны. Отец Метродор в чёрной рясе, но без креста на шее замер в углу мощной тенью; он молился искренне, вспоминая себя молодым, когда был совсем другим...

- Грехи юности наша и неведения не помяни, и от тайных наших очисти нас, и не отрини нас во время старости, вегда оскудети крепости нашей, - продолжал Нектарий.

Храм украшали берёзы, и отец Александр понял – пришёл праздник Троицы. Но как же, как же? Сердце заматалось в груди. Это не его храм, и он должен быть сейчас не здесь... Как же проходит праздник у него, и без него?

- Не остави нас, прежде даже нам в землю не возвратится. Сподоби к Тебе возвратится, и вонми нам благоприятием и благодатию.

Кончив молитву, Нектарий подошёл к отцу Александру, обнял и сказал без злобы:

- Ослушался ты меня, чадо, а просил ведь я тебя остаться, повременить. Просил.

Отец Александр упал на колени.

- Не плачь. Ты прощён, и потому вернёшься. Здесь

же собрались те, кто ушёл и кому уготовано будет уйти. Но ты не наш, тебе не по пути с нами, - он посмотрел на Ермилу. – И ты ступай отсюда следом со своей живностью.

Храмовая дверь распахнулась вновь, все умолкли. К аналою шумно ступая и не крестясь, подошёл косматый мужик с длинной бородой и в серой косоворотке.

- Онега! – тут же с трепетом поклонился ему Иван Матвев.

- Отведи его, а мы продолжил, – только и сказал Нектарий. – Прощай, ты исполнил свой урок. Я люблю тебя!

- Батюшка Нектарий! Родные! Мама!

Онега вывел отца Александра грубо под руки, следом семенил, а затем убежал со смехом блаженный. Дверь захлопнулась, приглушённо слышались голоса певчих. Священник спросил первым:

- Кто ты?

Онега погладил бороду, улыбнулся. Его глаза были почти прозрачны, и был он какой-то нездешний, отстранённый, словно сотни лет проходил по земле, но был бесконечно чужд и далёк от мира:

- Помнишь ли, как в детстве вы поехали с отцом в Лебедянь, и ты пошёл один гулять, потому что не видел прежде такой природы, взгорков, камней? Ты оказался на краю обрыва и чуть не упал, но чудом удержался? Тогда ты даже не заметил меня. А потом, когда в семинарии учился, неизвестные, назвавшись друзьями, дали тебе книгу, ты даже не открывал её, но спрятал под подушку, помнишь? Когда твои наставники устроили обыск, у тебя её чудом не оказалось. Чудом... А вот недавно ты стоял в саду, и зашумел в сухостое ёж? То был вовсе не ёж, а я, Онега. И ты бы умер на размякших грядках, никто не ходит на гуменник в дождь, но я отнёс тебя домой. Хочешь ещё спрашивать, кто я?

- Не хочу... исповедь старика... Про сокровища. Зачем мне знать про то?

- Ты не искал золота, искал знаний, а они большее горе, чем золото. Хотя и то и другое не больше чем соль, а соль – слёзы, горечь. Познай вкус соли! Ты хотел знать, что ждёт тебя и остальных в новом веке. Я скажу тебе.

Они остановились, глядя друг другу в глаза. Отцу Александру было трудно удержать взгляд:

- Не изменится ничего! Одним в веке новом уготована погибель, а иным жизнь вечная. Сколько лет я хожу по земле, но закон не менялся. Кого-то простят, но прочих нет. Не сказано ли то древними? Не ради ли проповеди этого ты стал священником? Не то ли тебе позволили зреть сейчас? Так как же смеешь сомневаться! Как смеешь! Иди и неси слово об этом, неси всю жизнь, сколько уготовано! Неси!

- Но как же, почему?

Онега не ответил, уходя.

- Ты вкусил соль, вкусил горечь! Так живи и неси слово!

Отец Александр стоял один на ровной дороге, и падали под ноги, ложились ковром белоснежные лепестки отцветающих вишен.

* * *

- Очнися, отец-батюшка, очнися!

Он не сразу пришёл в себя, ощущая дыхание перед лицом. Открыв глаза и сняв со лба мокрую тряпку, он угадал знахарку Степаниду:

- Эко спал, эко бредил! Я сижучу-думаю – анеж не с самими ангелами спелся там ужо? – она засмеялась.

- Ты как здесь? Дай воды, – спросил он.

- Да вот пришла. Дохтура то – они разя чего знают, – она протянула глиняный кувшин с тёплым отваром трав. – Кабы они знали, так все здоровы были и не помирали. Мне

Любана сказывала, этот с Липецку дохтур болезню у тебя нашёл такую, что не лечится! Брешить! Здоровей тебя ишо поискать!

Она смеялась, и солнце играло в её светлых с редкой проседью волосах. Степанида, молодая вдова, отшельница, что излила столько слёз, была тут, с ним, и радостные морщинки украшали уголки её глаз.

Отец Александр поднялся на ноги, подошёл к окну. Его любимый сад отцвёл и стал уже иным, успокоенным, не праздничным, а готовым к долгому и жаркому лету... Трудно было разобрать в уме, отделить сны от яви. Снова тянуло лечь.

- Я ж говорила, роса Вознесенския споможить. Так вить и спомогла.

- Да причём тут твоя роса, – ответил он без злобы, чувствуя, что нет хрипа в груди.

- Так не токмо она, – звенел голос Степаниды. – То соль помогла. Я тебе её в рот клала, пока ты бредил.

- Какая соль, о чём ты? – не понял он.

- Соль как соль. Дал мне её с мешочка пару крупинок мужик заезжий, да велел тебя проведать. Ох уж и мужик! Стар, да хорош! Уж как я его тянула у себя сдержать, а он никак. Крепкой такой, с бородищей! Ох, чего это я! Любка, Любка, беги сюды! Глянь, сам-то на ногах уже! А ты ревёха!

Отец Александр облокотился на подоконник и смотрел, смотрел. Ему казалось, что в саду, где старые яблони обступили колодец, мелькнула чья-то широкая спина. На миг показалась косматая борода, но растаяла в дымке. Или то была причудливая игра теней? Он не знал.

Вбежала матушка Люба, протягивая к нему исхудалые руки. За стеной верещала на детском языке дочь. Разгорался первый день лета, и он обещал быть ясным...

Мария ЗНОБИЩЕВА

«Как тонка мирозданье держащая нить...»:
несколько мыслей о поэзии Елены Часовских

Рецензия

Поэт и поэзия в современности становятся явлениями, почти параллельными друг другу. Отдельно существует Автор, отдельно – его текст. Приметы авторской личности истончаются, стираются за якобы ненадобностью, вместо неё в большинстве стихотворений живёт и действует языковая субстанция, напоминающая информационную систему, нехотя выдающую ту или иную образную картинку в ответ на поисковый запрос читателя. Возможно, это мнение субъективно, но попытка отождествить творца и его творение в наше время выглядит, по меньшей мере, наивно.

Секрет в том, что ищущие поэзии всегда наивны. Сама потребность в слове, тоска по нему уходит корнями в такое беспросветно-доверчивое детство души, где вера в торжество добра и красоты абсолютна и безусловна. Говоря проще, хочется найти в многообразии написанного не просто качественные тексты (их немало), но явление целостное, гармонически замкнутое в себе и при этом разомкнутое навстречу миру. Трудно представить существование такой поэтической системы вне личности её создателя. Но, обретя встречу с лич-

ностью Автора, обретаешь и дорогу в его неповторимый мир.

Поэзия Елены Часовских дарит сокровенную, ныне почти реликтовую радость целостности. Дело не в законах гендера, предписывающих женщине не только продолжать человеческий род, но и вместе с тем «выполнять охранительную культурную функцию». Дело, прежде всего, в том, что эта целостность – плод вполне осознанного, со всей серьёзностью и раз навсегда совершённого выбора, верности предназначению:

*...Я хотела не действовать и убежать,
В кокон жизни забиться и выйти – обычной.
Я хотела быть суетной и безразличной,
Я желала забиться и не вспоминать.*

*Только разве желание – это не путь?
Не клеймо принадлежности мира иного?
Я сказала «хочу» – вот дорога и суть –
И душа – и судьба для служителей Слова.*

Оттого ли, что выбор окончателен и желанен, оттого ли, что в тандеме «работают» человеческая мудрость и поэтическое мастерство, – стихи Елены Часовских напитаны силой светлой, древней и несокрушимой. Это поэзия правды, далёкая от патетики и бравады, но при этом одинаково близкая звёздам и людям (и так бывает!).

Возвращаясь к культурно-сберегающей функции, нельзя не услышать, как мастеровито поэт заговаривает время: «...Я ребёнок, лежу в колыбели, // Вспоминаю грядущие дни...». Догадка впавшей в детство старухи о том, что конец и есть начало, – это, по сути, славянская модель космоса, движенье по кругу, отправной точкой которого может стать даже смерть.

Отсюда и утверждение бессмертья, обещанного доч-

ке в стихотворении «Девочка! Я никогда не умру...»: «Я не умру. Только буду любить // С каждой минутой светлей и бездонней...». Преодоление последней черты, того «края», память о котором обдаёт холодком узнавания, страха и восторга, во вселенной Елены Часовских возможно только любовью, любовной памятью. И память эта даруется не одними узами кровного родства. Она переходит от сердца к сердцу кровотоком слов, их плотной вязью, соединяющей учителя и ученика, автора и читателя.

«О Время, ты Бог; я служу Тебе словом, // А ты мне – полётом над правым плечом...», – признаётся поэт. Эти строки, родившиеся крылатыми, – не красивый девиз, а сама суть жизни, отданной детям, ученикам, всем тем, кто ищет свой путь в творчестве. Всесильное Время, которому служит автор, вполне узнаваемо и конкретно. Это время – настоящее. Его приметы щедро рассыпаны по страницам публикаций: это джинсы, планшеты, интернет, телефонные гудки, шум города, энергия движенья. Это и то, что стоит за вещами: отчуждённость, равнодушие людей друг к другу, стремительная утечка живого душевного тепла.

Как и всякий русский человек, Елена Часовских талантливо и всегда с наслаждением возвращается в прошлое, органично обретая в нём не находящуюся в настоящем часть себя. Ей присуще чувство своего поколения и, вместе с тем, стремление идти заповедной тропой в такие глубины прапамяти, прогулку по которым можно разделить не с каждым. Пленяющие своей органичностью образы стихотворений «Снегурочка», «Ушла за водой – а назад не вернулась...», «Перстень», «Колыбельная волчицы» отражают не похожие друг на друга лики русской женственности, женские ипостаси, найденные за пределами исторических эпох.

Что может вывести эту вселенную из строя? Абсурдность лозунгов, придуманных людьми, нелепость смерти, не оправданной любовью:

*умри за мир
мурчал эфир
умри за мир
вещал кумир
умри умри
а мир молчал
он вместе с нами
умирал*

Конфликт временного и вечного, истинного и формального рождает горькие и верные строки гражданской лирики. (Эти – о разбившемся в Сирии российском самолёте):

*...Мы в ответе за весь этот божий мир,
Мы обязаны всем на свете.
Этим бредит телек, забит эфир,
Это в школе проходят дети.
Там приказ и долг, там жара, война,
А у нас тут пустует пашня.
Плачет мама. Покорно молчит страна.
Надрывается телебашня.*

А эти – о Боге, которого готовы распять в ребёнке учителя-формалисты:

*...Ко мне приходит маленький Христос
(Используем условные понятия),
Он задаёт неправильный вопрос –
Инструкцией предписано распятье.
И в споре между долгом и душой
Вторая – ненаучна и мифична.
Ученики неплохо держат строй
И верят государству «на отлично».*

Стихотворения о «человеческом, слишком человеческом» – не приговор, а скорее предостережение миру. Даже в них нет и не может быть чувства конца. Приручая настоящее, подчиняя себе прошлое, поэт делает зримым и будущее, наделяя возникающие образные картинки даром движения. Яркий нарративный посыл большинства стихотворений заинтриговывает, держит внимание читателя от первой до последней строки. Передача поэтической энергии от героя к герою столь ощутима, что каждая пядь земли под их ногами обещает продолжение жизни. В поэзии Елены Часовских, несмотря на тонкость её оттенков и филигранность интеллектуальной игры, есть мощь жизнеутверждения, первородная и безусловная.

Чего стоит хотя бы сцена просеивания Девой Марией муки для выпечки хлеба в стихотворении «Рождественская ночь»!

*...Ложилась мука из-под сита на стол.
Мальчонка по белому пальцем провёл,
Лукаво взглянул исподлобья на мать
И новые линии стал рисовать:
Цветы, и круги, и барашков стада,
И море, и радугу, и города...*

Остаётся думать, что старая истина права. Покуда мир сотрясают войны, а человеческие сердца терзают страсти, у женщины, сохранившей в себе себя, найдётся на земле немало дел, ведь только ей под силу спасти его от беспмятства и гибели.

*...И архангельский меч обратился листком,
Вязью слов, и понятной мне, и запредельной:
«Этот мир напитаеть своим молоком,
Этот день укачаешь своей колыбельной».*

Елена ЧАСОВСКИХ

Рождественская ночь

Стихи

* * *

Замешивать хлебы – нетрудное дело.
Мария стучала по ситу и пела.
В горах, на востоке затерянных где-то,
Промчалось уже вифлеемское лето,
Египетской осени время прошло -
И стало по-зимнему снова светло.

Ложилась мука из-под сита на стол.
Мальчонка по белому пальцем провел,
Лукаво взглянул исподлобья на мать
И новые линии стал рисовать:
Цветы, и круги, и барашков стада,
И море, и радугу, и города.

Вздымались над углями волны огня,
И запах лепешек струился, дразня.
А в сумрачном небе далекой страны
В рассеянном свете продрогшей луны

Над лесом, над степью неслись облака,
И сыпался снег, и белел, как мука.

Холод

Тихо. Холодно. Тихоходные,
Стадом тучи идут голодные.
Тучи съели луну и звёзды.
Очень холодно. Очень поздно.

Голо. Ломкие, гололобые,
Из-под крыши искрятся злобою
Ледяные ножи смертельно.
Завтра будет опять метельно.

Стынет немо вся тварь живучая,
Стонет, небо мольбами мучая.
Время вымерзло, поломалось.
Больше времени не осталось.

Романс

Поговорим, как будто мы мертвы,
Как будто мы не связаны телами.
Как будто нам желанья удилами
Уже не направляют головы.

Нет предрассудков; клятвы свершены;
Исполнены кровавые вендетты.
Как будто мы - хвостатые кометы -
Земным законам не подчинены.

Как будто мы - простые гончары, -
На круг времен сырую бросив глину
(Из коей Бог - людей), согнувши спину,
Вылепливаем плоски и миры.

Поговорим, как будто на Суде
Нам присудили: эти встанут справа.
Как будто все прошло - любовь и слава,
И за спиной - сияющий предел.

И так слова предстанут во плоти
Без недомолвок, лжи и искажений;
Штрихами сквозь орнамент предложений
Проступит карта нового пути.

И в тот же миг коснется влага слов
Безмолвных бездн, в которых наши души,
Почти что разучившиеся слушать,
Так терпеливо ждали голосов.

Слова

Кто о любви читает до зари,
А я сижусь, листаю словари.

Едва дышу, чтоб слово не спугнуть.
Оно еще не выбрало свой путь.

Вот слово «боль». Что рядом – «причинить»?
«Терпеть»? Или, быть может, «исцелить»?

Вот слово «смех». Улыбка в пол-лица?
Ухмылочка кривая подлеца?

А в слове «дети» тысяча тревог,
И тысяча ответов в слове «Бог».

Со словом «страх» душа моя дрожит,
Со словом «речка» плещется, бурлит,

Ласкается к тяжелым якорям,
Бежит, бежит к неведомым морям.

Слова легки, как диких уток пух,
И я их проговариваю вслух.

Шепчу, шепчу, губами шевеля:
«Любить, трудиться, молодость, земля,

Зерно, вода, стремиться, понимать».
И я их не устану повторять.

Пока они живут, живем и мы.
Слова, мой друг, нас делают людьми.

Снегурочка

Мне не надо весны, я под солнцем горячим растаю.
Обессилев, пронзённая пламенем ярых мечей,
Растворюсь в синеве и на грудь беспощадному маю
Упаду жемчугами, как слёзы из милых очей.

Плоть земли распоров, к небу ринутся копьями злаки,
И весна, совершая извечный священный обряд,
Сочетается с миром в законном и радостном браке,
От великих щедрот зазывая на пир всех подряд.

И тебя в хоровод завлекут светло-русые змеи.
А подружке зимы по весне не сносить головы.
Я растаю в лучах, ни простить, ни забыть не умея,
Как туман над рекой, как роса на ладонях травы.

* * *

Лазурных птиц летящих силуэты
Затмили день. Мир сумрачен и пуст.
В зените лето. Мёд с раскрытых уст
Персидских роз пьют пчёлы и поэты.

Земля вздыхает – вьётся тёплый пар
У горизонта. Вспыхивают взгляды.
Далёких гроз, и голые наяды
Подбрасывают вверх жемчужный шар.

Обрывки снов венчаются мечтам.
Священник-память шепчет им: «Живите», –
Но наших душ серебряные нити
Нас тянут вниз, к распластанным телам.

Чудеса

И всё же они творятся,
Библейские чудеса!
То в пламени растворятся
Тяжёлые небеса,
То, глыбы пробив махину,
Росток устремится ввысь,
То крылья распорют спину,

То вдруг приручится лис...
Вино превратится в воду,
Гордец потеряет спесь,
И дух обретет свободу
При жизни и прямо здесь.
Как делается, не знаю.
Но видела всё сама.
И, в раны персты влагая,
Устало молчит Фома.

Струны

Вы можете не видеть, но сильней
По осени объятия корней
Под травами, искрящимися льдисто
От «минус два», у этих вот берёз.
Им ведомо: зима придет всерьёз,
И будет строго, холодно и чисто.

Но я тепла ни капли не отдам,
Ведь я жива, поскольку жив Адам -
Конгломерат сердец, стучащих порознь.
Корнями вен срастаюсь с бытиём,
Как те берёзы, что растут вдвоём
И новую воспитывают поросль.

Пусть вслед из-за незапертых дверей
Ворвётся сонм сынов и дочерей -
Моих, чужих, земных, небесных, божьих.
И закалит огонь моих стихов
Стальные струны новых голосов,
И будет не изжит сей век, а прожит.

Нина ЦУРИКОВА

Как свеча, растаяла строка

Стихи

* * *

Запорошен метелью мой дом,
Всё под снегом – скамья и крыльцо.
Одиночество-прошлое в нём
Прячет скорбное, в шрамах лицо.

Всё застыло. Доносится лишь
Скрип стареющих яблонь в саду.
В эту зимнюю, мёртвую тишь
Одиноким скитальцем войду.

И в обнимку с метельной тоской
Буду в двери и окна стучать.
Может снова дрожащей рукой,
Со слезами откроет их мать...

Но никто не услышит мой стук,
Не зажжётся за окнами свет.
А ветра до утра занесут
Горькой памяти поздний мой след...

Земля наших предков

Позабытая Богом глубинка,
Заросла в наслоении лет...
Пусть и жили тогда по старинке,
И неярким в окошках был свет.

Печь топили соломою, торфом,
На капустных листах хлеб пекли.
Но народ был общительным, добрым,
И трудился во славу земли.

Где теперь разухабистый голос
Русской песни, что в праздник звенел?
Где янтарный, налившийся колос,
Что на нивах ухоженных зрел?

Эх, Россия, ужели забыла,
Как в годину голодной войны
Деревенька трудилась, кормила,
Чтоб сражались на фронте сыны?..

Оглянись на заросшие нивы,
Где растут васильки да полынь.
Позаботься, чтоб сделать счастливой
Землю предков, дающую жизнь.

И хлебов золотистые гребни
Будет ветер руками ласкать,
И забытая наша деревня
Возродится, кормилица-мать.

Вернуться в прошлое

Тропой весеннею, зелёной
Вернуться в прошлое, назад -
В помолодевший, обновлённый,
В весеннем буйстве детства сад.

Пройти заветною тропинкой,
Отца увидеть на крыльце,
Разгладить каждую морщинку
На добром мамином лице...

В потоке жизни многотрудном
Не потускнел лучистый взгляд -
Её глаза, как изумруды,
Весенней зеленью горят!

И греет добрая улыбка,
Как счастья миг, как детства сон.
Но явью старая калитка
Тихонько скрипнет, словно стон...

Песня лебединая поэта

*«Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил»*

Сергей Есенин

Кто, когда - известно только Богу -
Этот мир покинет навсегда,
Что возьмёт в последнюю дорогу,
Что скопил за долгие года.

Снежный саван, чистый и безгрешный,
По полям расстелется зимой...
Лучше бы дожить до ветров вешних,
Чтоб в дорогу - с лёгкою сумой.

А ещё - цветеньем насладиться,
Надышаться ароматом трав,
В церкви деревенской помолиться
За поступки, в коих был неправ.

Зреть родных, друзей, знакомых лица,
Что встречались многие года...
Клонит колос на полях пшеница,
На пороге - летняя страда.

А потом заплачут тихо рощи,
Неутешно под слепым дождём.
Сентябрём уйти намного проще
По листве, за синий окоём.

Песня лебединая поэта
На небе застынет болью строк...
Потому цену на свете этом
Каждую травинку и цветок.

Я не сказал...

Немного слов тебе сказал,
Был в чувствах слишком осторожен.
Нас разлучил морской вокзал,
Крик чаек, пенистый причал,
Где докричатся невозможно.

Уплыли звёздные мечты
За горизонт, где даль распята.
Там были рядом я и ты,
Теперь разрушены мосты,
Что вместе строили когда-то.

А на пороге - холода,
Осенний мрак, предзимье, слякоть,
Стекляшки треснувшего льда..
Как мне хотелось иногда
О счастье рухнувшем заплакать!

Безжизненным и тесным стал
Весь мир, безликий и бездумный.
Бездушен и ничтожно мал!
Всё оттого, что не сказал,
Что я люблю тебя безумно...

Рождество

Морозным, светлым утром января
Проснуться с ощущеньем чистоты
И, легкокрылым облаком паря,
Окинуть мир с небесной высоты!

И убедиться, взгляд пославши вниз,
Листы столетий сном перелистав,
Что с этим Рождеством мы родились
От веры светлой в Вечного Христа.

И жизнь земная теплится, пока
Его перстом незримо осенён
Весь мир, который создан на века,
Его Отцом небесным сотворён.

Я репетирую жизнь

*«Вырваться, выбраться, взвиться бы птицею,
жизнь на себе испытать...
Всё репетиции, всё репетиции,
ну а когда же спектакль?!»*
Римма Казакова

Как бы мне вырваться,
Как бы мне выбраться,
Птицею выпорхнуть ввысь?..
Вехами-буднями
Серыми, нудными,
Я репетирую жизнь.

К светлому, чистому
Небу лучистому
В свой, неземной горизонт,
Землями, странами,
С травмами-ранами
Рвусь я в несбыточный сон!

Там - вдохновение,
Освобождение!
Сердца притуплена боль.
Зал с микрофонами...
Сцена - с актёрами.
Там - моя главная роль.

Галлюцинации?!.
Слышу овации,
Зрители с мест поднялись!
Плачу и радуюсь!..
Падает занавес -
«Браво!» (букеты!) и «бис!»
...Я репетирую жизнь...

* * *

Ты мой крест, оставленный на память,
До доски дубовой гробовой.
Будет сердце он саднить и ранить,
Нарушая тишины покой.

Ты моя безвестная дорога,
По которой в вечность мне идти.
 Попрошу я Ангелов и Бога:
- Помогите на моём пути!

Ты моя задумчивая осень,
Запустевший и опавший сад,
Где меня никто уже не спросит,
Кто в разлуке нашей виноват.

Нет кольца на пальце почему-то.
Холодна любимая рука.
Льют дожди всю ночь. Туманно утро.
Как свеча, растаяла строка...

Татьяна КУРБАТОВА

Прощёный день

Стихи

Куликовская битва

Седой истории страницы,
Нарушив вечности покой,
Листаем трепетной рукой.
Мелькают даты, чьи-то лица,
Цари, сраженья, полководцы,
Триумф победы, шумный пир,
Тот – в битве пал, а тот – кумир,
Там – покорились инородцы,
А здесь - защитника державы
Встречают, чувствуя по праву.
И летописец спину гнёт,
Ведя событиям славным счёт.
Победа Дмитрия Донского
На славном поле Куликовом.
- Обогатимся русским златом,
Их грады, веси, церкви – в дым
И прах, и пепел обратим, -
Сказал Мамай на поле ратном.

Князь Дмитрий разослал гонцов,
Сбирать войска, вести в столицу.
Позор терпению отцов!
Пора настала пробудиться
России. Ратных удальцов
У врат кремлёвских несть числа,
От сна Россия ожила.
Страх вековой исчез долой, -
Пусть хан ответит головой.
Полки устроив к выступленью,
Димитрий за благословеньем
К святому старцу поспешил.
И Сергей всех благословил,
Святой водою окропил,
Предвидя тяжкий бой кровавый,
Победу, смерть героев, славу.
Руси великой избавленье
И князя Дмитрия спасенье.
Рассветный час. Туман клубится,
Всё замерло, замолкли птицы.
Поднялся солнца лик багровый...
Войска на поле Куликовом.
Полнеба залила заря,
Всё смолкло в знойном напряженье,
Схлестнулись два богатыря
И пали.

Грянуло сраженье.
Горячей тучей мчатся кони.
Оружья звон и кровь рекой.
Клубится поле, бьётся, стонет...
Гремит кровавый, смертный бой.
- За Русь, Отечество, вперёд! –
Димитрий князь полки зовёт
И бьется, словно рядовой,

Всех увлекая за собой.
На десять вёрст лилася кровь.
Врагов теснила наша сила.
Земля дрожала вновь и вновь,
Став многим братскою могилой.
А где же Дмитрий? В груди тел
Лежит он или уцелел?..
Рукою вражьей щит пробит, -
И бездыханный князь лежит.
Упал с коня, лишившись сил;
Вставай, герой, ты победил!
Открыв глаза, Дмитрий встал,
Своих соратников обнял.
Объехал Куликово поле..
Крик воронья да ветер вольный,
Да в речке красная вода, -
Так пала ханская орда.
Скрипит перо, мелькают даты..
В веках не меркнет подвиг ратный,
Столений пыль на поле Куликовом,
Под звёздным небом спит седой ковыль,
На поле спящее ступает с войском снова
Дмитрий князь. Святой России быль.

* * *

Даль озёрная, тихая, милая,
Даль озёрная, тихий плёс,
Моё сердце навек покорила ты
Разговором своих берёз.
Деревенька, родная, светлая,
Избы вышли, как бабы в ряд,
Деревянной резьбой приветствуют

И задумчиво вдаль глядят.
Что им видится? Пашни дальние,
Разнотравье, лугов простор.
Что-то близкое и печальное
В песне слышится с давних пор.
Величальное да венчальное,
Уходящее навсегда,
Деревенька, родная, дальняя...
Потемнела в реке вода.

Прощёный день

Поклон до земли.
Тяжесть старческих рук.
И вот замыкается памяти круг,
На холмике белом свечи огонёк.
Срок памяти нашей, должно быть, истёк.

Старушки в платочках к могилам пришли,
Поклон вам, солдаты, поклон до земли.
А завтра кто к этим могилкам придёт?
Кто свечку в ладонях сюда принесёт?

Стоят обелиски, имён не прочесть...
Солдаты, солдаты... А сколько – не счесть.
Осыпались фото под снегом, дождём,
А мы по могилам спокойно идём.

По белому снегу, по памяти нашей,
По фотографии, наземь упавшей...
Простите, в Прощёный, так нужным нам день,
Старушки из брошенных деревень,

Пшеном посыпавшие холмиков ряд,
Простите могилы забытых солдат.
Тяжёлое небо. Зима ли, весна?..
Кто вспомнит вас завтра? -

В ответ тишина.

Афганистан

Афганистан! Недавняя война
Ещё жива большим воспоминаньем.
Смешалась с угасающим сознанием
Пробитая снарядами тишина.

Афганистан, страдающий от ран!
Клубится дым, кровь льётся на песок.
Война закончилась, но тлеет уголёк
В сердцах у нас.

Забвения туман

Не скроет никогда любимых глаз,
Глядящих в небо дальней стороны,
Заложников бессмысленной войны.
Они сегодня с нами,

здесь,

сейчас!

Сомкнув ряды, стоят среди нас солдаты.
И колокол гремит в сердцах набатом!

* * *

Вечная память павшим.
Пусть им спокойно спится.

Время листвой опавшей
На плечи им ложится.

Время стирает даты.
Где вы, родные лица?
Братья, сыны, солдаты!
Пусть вам спокойно спится!

* * *

И дрогнет лист, и наземь упадёт.
И дрогнет мир, и небо снег уронит.
Воспоминаний горечь похоронит
И холодом забвенья обожжёт.

Уносит в осень... не слышны шаги.
Листва листаёт дней моих усталость.
И дней так мало впереди осталось.
Друзей всё меньше, круг теснят враги.

И дрогнет нерв. И сердца аритмия
Окрасит кровью гаснувший закат.
Я не последний на войне солдат.
Придут на землю новые мессии.

Песчинка или капля бытия
Опять исчезнет в чреве океана.
Вселенский разум поздно или рано
Сотрёт с Земли понятие Земля.

И дрогнет лес. Я словно лист лечу.
Уносит лист в безвременье и небыль.
И дрогнет мир. И снег уронит небо.
Всё спрячет снег. Я плачу и плачú.

* * *

Поздней осени портрет
В раме тусклой позолоты.
Ускользящий сюжет,
Ливень листьев, власть полёта.

Шорох, шёпот, дуновенье,
Листьев высохшие звенья
Сеются в сухие соты,
Власть иллюзии полёта, -
Свет печали, тень забвенья.
Грани смерти, грёзы рая...
Замирая, умираем,
Чтоб, воскреснув, возродиться,
Оглянуться, удивиться
И смеяться, и мечтать,
И летать, летать, летать...
Падать листьями в тетрадь,
В книгу в твёрдом переплёте.
Сколько радости в полете...
Где бы только силы взять?

Анатолий ТРУБА

Открытый парень

Очерк о Дмитрие Александровиче Ломакине

Над рекой дымкой поднимался туман. Трубный гул воды нарушали кваканье лягушек, свист лески и покашливания рыбаков. Всё живое замерло в предрассветный час. Клёв начинался медленно, но, набирая обороты, увлекал людей, превращал их в добытчиков. Никто и не заметил, что солнце высоко стоит и становится жарко. Рыбаки, с увлечением вытаскивая очередную рыбу, лишь успевали поглядывать по сторонам, ревностно следя за тем, не поймал ли кто больше.

Внезапно одна из лодок покачнулась, и над бортом лодки показалась голова мальчика. Он непонимающе осматривался по сторонам.

- Ух ты, чёрт! – гаркнул громко мужской голос. – Откуда ж он взялся?

- Он всё время в лодке спал, – тихо засмеявшись, ответил мужчина, сидящий в лодке с мальцом.

- А мы и не заметили как ты, Александр, его туда посадил, – уже более спокойно и доброжелательно заговорил собеседник.

- А я его всегда с собой беру, любит он рыбалку, –

стал рассказывать отец мальчика. – Возьму с собой, он спит, проснётся – ловить начинает. Да и пусть спит – главное, что мы вместе, чтобы рядом он был.

Рыбная ловля продолжилась, а проснувшийся мальчик с чистыми открытыми глазами стал с интересом наблюдать за происходящим вокруг.

Так сложилось, что не пришлось отцу и сыну быть вместе, рядом по нелёгкой жизни. Выбранный Дмитрием, так звали мальчика, в 14 лет путь сам по себе не предполагал совместного проживания с семьёй. Решение стать военным стало закономерным результатом сложившихся обстоятельств. Во-первых, отношение к выполнению долга в самой семье, где всегда говорилось о необходимости жить по справедливости. Во-вторых, ярким примером был муж старшей сестры Дмитрия (разница между братом и сестрой была 11 лет), который посвятил себя армии, проходил службу в ВДВ.

Ну а третьей и самой главной причиной являлся характер Дмитрия, с одной стороны, добрый и открытый, немного наивный по отношению к окружающим, с другой – волевой, упорный, что помогало добиться поставленной цели и получить необходимый результат.

В семье выбранный жизненный путь сына поддерживали безоговорочно, хотя в 1990-х годах профессия военного была, мягко говоря, непрестижной.

Как нельзя кстати, в это время благодаря стараниям генерала армии Н. Е. Рогожкина в Мичуринске была открыта кадетская школа, выпускники которой в большинстве своём выбирали военную стезю. И хотя находилось данное учебное заведение на другом конце города, Дмитрий ежедневно с пересадками преодолевал этот путь. Увлёкся спортом, особенно боксом, что в дальнейшем помогло парню по жизни. Не забывалось и увлечение рыбалкой, привитое

отцом хобби переросло в необычную для местных подводную охоту. Незабываемым стал добытый 5-килограммовый сазан, казавшийся огромным.

Дмитрий Ломакин рос, как все подростки своего времени, любил рок-музыку и футбол, гонял на велосипеде, убегал без спроса на речку, не переносил бестолковых гулянок. И в то же время было сильно развито чувство справедливости и доброты. Он мог видеть в людях их достоинства, пытался оправдать окружающих и найти в них хорошее. Умел по-настоящему дружить.

Выбрав свою цель, Дмитрий от неё не отступал. В 2000 году поступил в Московское общевойсковое училище, здесь больше всего и помогла физподготовка. Дмитрий Ломакин не был избалован судьбой. Учёба давалась нелегко, но от этого были ценнее офицерские погоны, полученные в 2004 году. Были во время обучения и яркие, запоминающиеся на всю жизнь события. Одним из таких стала поездка курсантов на матч Суперкубка по футболу ЦСКА – «Ливерпуль» в Монако в качестве болельщиков. Когда о предоставлении такой возможности было объявлено курсантам училища, никто в это не поверил, а Дмитрий в числе многих подал заявку на участие в поездке. Сыграла вера в чудо. И спустя чуть больше шести месяцев, поездка состоялась. Было много препятствий, но молодые курсанты всё это преодолели и попали на игру футбольного клуба ЦСКА. Искренне, до хрипоты болели за своих спортсменов и, счастливые от участия в таком нереальном, как им казалось, мероприятии, вернулись в училище. Это событие стало незабываемым для Дмитрия.

Особо вспоминал Дмитрий участие в двух парадах на Красной площади и подготовку к ним.

Четыре года остались позади, и молодой лейтенант Дмитрий Ломакин был распределён в Читу, где в это вре-

мя проживала семья старшей сестры, и проходил службу её муж. Далее потянулась армейская служба: Улан-Удэ – очень нравилось молодому офицеру прыгать с парашютом, Цугол – уничтожение боеприпасов. Судьба закинула Дмитрия на Курилы, так случилось, что попал он на аэродром «Сокол», где ровно за сорок лет до этого служил его отец. Ломакин-младший ходил с камерой и снимал всё, что видел в этом месте. Видео вызвало бурю эмоций у отца.

И вот снова Чита, где Дмитрий обрёл семейное счастье, о котором родители узнали по телефону от старшей сестры. Перед всеми открытый парень в этом случае засмутился сразу сообщить об этом самым дорогим людям.

В Чите молодая семья сняла квартиру, Дмитрий служил старшим преподавателем 212-го окружного учебного центра подготовки младших специалистов. Один за другим родилось двое сыновей. Очень хотелось побывать родителям на месте службы своего сына, посмотреть своими глазами, как он живёт и работает.

20 мая 2017 года Дмитрий позвонил родителям и сообщил о том, что летит в Сирию. Получив напутствие от родных, и пройдя недельные курсы в Москве, отбыл на место боевых действий. Ежедневно связывался с семьёй и родными, Дмитрий больше расспрашивал о том, что происходит дома, в семье, о себе же говорил: «Всё хорошо».

30 сентября 2017 года в 9 часов вечера Дмитрий позвонил маме – Ольге Александровне – и поздравил с наступающим днём рождения.

- Мама, я сегодня дежурю, – торопливо заговорил сын. – Может, не сумею позвонить. Поздравляю с днём рождения!

Утром 2 октября Ольга Александровна Ломакина принимала поздравления с днём рождения. Когда раздался звонок и сухой голос сообщил, что её сын – капитан Российской

армии Ломакин Дмитрий Александрович – геройски погиб при исполнении воинского долга в Сирии, мир провалился в пропасть...

Капитана Дмитрия Александровича Ломакина похоронили пасмурным осенним утром после отпевания в Ильинском храме города Мичуринска на городском кладбище для воинских захоронений. На пришедших прощаться людей с фотографии смотрело лицо с открытым по-мальчишечьи взглядом.

«Разберёмся! Ты ни о чём не переживай!»

Очерк о Михаиле Игоревиче Мацневе

Приближался Международный женский день, и Ольга Николаевна, закончив со всеми предпраздничными хлопотами, устало присела за стол. Неожиданно зазвонил мобильный телефон, и женщина с тревогой бросила быстрый взгляд на часы, удивлённо отметила время: 23:30.

«Кто может звонить в такой час?» – защемило женское сердце.

Ответив на вызов, Ольга Николаевна услышала голос командира батальона связи Мичуринского авиаполка Сергея Владимировича Курочкина, непосредственного командира её сына:

- Здравствуйте, Ольга Николаевна, – начал сбивчиво тот. – Мы долго сомневались... Не знаю, как начать... В общем, пришло сообщение, что ваш сын Мацнев Михаил Игоревич погиб при исполнении служебных обязанностей.

Возникла звенящая тишина.

- Вы слышите меня, Ольга Николаевна?– испуганно спросил человек по другую сторону связи. И быстро продолжил: – Мы все сомневались, фамилия написана карандашом,

но всё подтвердилось. Самолёт, на котором летел ваш сын, не дотянул 500 метров до полосы.

Больше мать ничего не слышала. Перед глазами стоял улыбающийся, жизнерадостный и такой родной Мишутка – тёплый, открытый человек, стремящийся всем помочь.

Родился Михаил в микрорайоне Кочетовка, и совершенно неудивительно, что жизнь и работа всех членов семьи была связана с железной дорогой. Сама Ольга Николаевна работала инженером по обучению, заместителем начальника по кадрам станции Кочетовка, а при выходе на пенсию стала обучать подрастающие кадры и трудиться преподавателем в железнодорожном колледже. Отец, Игорь Викторович Мацнев, проработал машинистом, получил инвалидность, да и младший сын стал трудиться в железнодорожной компании, а вот Михаил сразу выбрал профессию военного и уверенно воплощал свою мечту в жизнь. Активно занимался спортом, особенно футболом, великолепно владел английским языком, да и другие предметы изучал успешно, оказывая помощь родной матери во всё, особенно любил работать на даче в Старотарбееве, рыбачить в родной реке Лесной Воронеж.

Работа на железной дороге помогала семье Мацневых познавать мир – путешествовать: Москва, Воронеж, Питер, южные города. В последующем Михаил стал сам путешествовать, посещая в качестве болельщика футбольные матчи. Общительность и добродушие помогали находить ему друзей в разных ситуациях, а целеустремлённость и дисциплина – достигать желаемых результатов. Поэтому ни для кого не стало неожиданностью, что он легко поступил в Тамбовское высшее военное авиационное инженерное училище.

Волею судьбы военного, которую Михаил Мацнев избрал, по окончании обучения молодым лейтенантом был направлен в город Балашов начальником радиолокационной

станции. Здесь и встретил свою судьбу – Анну, и через некоторое время у молодых супругов родился сын Максим.

Зарекомендовал себя блестящим и исполнительным офицером, способным найти общий язык с подчиненными и доводить до конца исполнение поставленной цели. Обзавёлся друзьями, но тяга жить на родной земле была очень велика, и через десять лет службы, в сентябре 2016 года, счастливые оттого, что будут работать в родном городе, Михаил и Анна переехали в Мичуринск.

Здесь жизнь закрутилась с новой силой – работа заместителем командира батальона по связи, уход за отцом-инвалидом, помощь матери по дому и даче. Везде успевал Михаил и словно торопился жить, чтобы близким ему людям было полегче.

Не оставался майор Мацнев в стороне от международных военных конфликтов, переживал за интересы страны. Два раза подавал рапорт с просьбой командировать в Сирию, и вот 22 января 2018 года его просьба была удовлетворена. Неделя в Москве – и жаркая сирийская земля встретила вновь прибывших миротворцев.

Для родных Михаила начались дни ожидания телефонных разговоров с близким человеком, которые заканчивались сообщениями о погоде.

С первых дней майор Мацнев зарекомендовал себя как грамотный командир и ответственный военный. Не случайно уже через месяц получил предложение о переходе с запасного аэродрома, где началась его командировка, на основную. При этом предложение больше выглядело со стороны начальства как просьба.

Уступив напору и понимая, что это необходимо, 6 марта 2018 года заместитель командира батальона связи Михаил Игоревич Мацнев в составе группы из 39 человек взошёл на борт транспортного самолёта...

На маленькой кухне сидела молча женщина, перед глазами которой стоял улыбающийся сын и говорил:

- Mam! Разберёмся! Ты ни о чём не переживай!

* * *

Майор Мацнев Михаил Игоревич указом Президента РФ награждён орденом Мужества (посмертно). Его жена Анна Мацнева продолжила традицию семьи мужа и работает железнодорожником – дежурной по станции Кочетовка, подрастает сын Максимка. В июне 2018 года выпускники лётного училища собрались на могиле однокурсника и с особой любовью и теплотой вспоминали друга Мишку.

«...20 лет. Как уже много!!!»

Очерк о Юрии Владимировиче Фролове

Фроловы – простая тамбовская семья из рабочего посёлка. Мать, Надежда Юрьевна, – начальник химической лаборатории на заводе «Первомайскхиммаш», отец, Владимир Иванович, работал там же, а затем устроился слесарем в местный ЖКО. Их сын Юрий с детства отличался общительностью, умением дружить.

Став школьником, учился увлечённо, интересовался химией, биологией, историей и географией, усиленно занимался спортом. Особенно любил путешествовать, Донецк, сибирские и близлежащие города привлекали и манили его. Юра любил природу, постоянно бывал в лесу, на речке, был заядлым рыбаком, сам плёл сети и в любой мороз спешил на зимнюю рыбалку, помогал родителям на даче. Проводя время в гараже, подолгу ремонтировал мотоцикл. Увлекался фотографией.

Десять классов окончил с похвальной грамотой, по-

сле мечтал продолжить образование в институте, но бесплатно поступить не получилось, а платное образование в те трудные времена семья не могла себе позволить. И всё же неудача с поступлением не сломала паренька, и он стал учиться в Мичуринском ПТУ, а получив специальность мастера по ремонту радио- и телеаппаратуры, пошёл работать на завод электриком и в последующем не раз вспоминал свой трудовой опыт.

Ноябрь 1993 года. Юрий Фролов призван в армию. К службе он был подготовлен и физически, и морально: выносливый, спортивный и приученный к дисциплине, Юрий легко переносил тяготы военной службы. Провожая его в армию, родители были уверены, что трудности не сломают сына, он всё преодолеет. Пять месяцев новобранец обучался в учебном подразделении внутренних войск в дивизии им. Дзержинского, по его окончании получил звание младшего сержанта.

Частые письма домой скрашивали службу. Добрые, простые письма, в которых с тёплыми словами Юрий обращался к своим родителям.

«Привезли бы клубнички, а? Клубнички охота, прямо мрак и вишенки тоже! Как там моя дача? Одна картошка, наверно? Как насчёт посылки, нужна фотобумага, плёнка. Посылаю вам фотки...»

«Жалко будет расставаться с друзьями в учебке! Договариваемся после армии встретится. Приеду поеду в турне по армейским друзьям. Везде зовут к себе; в Рязск, в Самару, в Нижний Тагил, и то зовут».

«Уже начинаю задумываться о жизни после армии. Куда идти работать? Как жить. Или жениться сразу? (шутка) Хотя есть на ком».

В январе 1995 года часть отправили в Чеченскую Республику.

«Привет из Чечни. Хотелось сохранить в тайне от

вас, что нас отправляют в командировку, не получилось, меня из-за нее и в отпуск то не отпустили, но ничего уже совсем чуть-чуть и скоро домой».

«Погода здесь нормальная, я уже забыл, что такое (бушлат) зимняя куртка, но очень много грязи. Здесь говорят в начале марта уже сажают картошку, так что я две весны буду встречать».

Всего немногим больше месяца прослужил Юрий Фролов в городе Грозном. 25 февраля он погиб в составе отряда спецназа «Русь». Нелепая, страшная смерть как отражение того, что в то время происходило в стране. Всё просто не поддаётся никакому объяснению, ни тем более здравому смыслу.

«У меня всё нормально. Не успели приехать с картошки начались КШУ (командн. штаб учения). Не спали 2-е суток, вообще глаз не сомкнули с 29 по 1. 2 окт. поехали на службу. 3 и 4 тоже были там. Ну наша задача Белый дом. 2 числа ничего особенного не было, прошла демонстрация где-то 10 тыс человек. То, что говорят и показывают по телеку фигня... когда 4 числа вокруг Белого дома образовали «живое кольцо» нам тут же раздали патроны, думали всё опять война... 5 числа опять мой экипаж подняли в 4-00 поехали опять в тот же колхоз за капустой...»

В одно зимнее туманное утро отряд специального назначения отправился в разведку. Бойцы поднялись на возвышенность...

Дальнейшее описывает газета «Красная звезда»: «...отряд морской пехоты применил взрывное устройство повышенной мощности, не обеспечив максимальную дальность пуска...»

Этим «взрывом повышенной мощности» и накрыло высотку с бойцами...

В этом же газетном сообщении написано:

«Главное управление командующего внутренними войсками МВД РФ выражает соболезнование семьям подполковника П. Зайцева, подполковника О. Калона, старших лейтенантов В. Клочкова, В. Батрикаева, старшего сержанта Ю. Фролова, рядового А. Пантелеева и других погибших».

Имена погибших бойцов были выведены на обелиске, сооружённом из фюзеляжа сбитого вертолёта, который был поначалу установлен в центре Грозного, а после везде, куда забрасывала спецназовцев судьба, этот обелиск был с ними. Последним местом пребывания этого памятника стало почётное место в городе Москве, рядом с гранитным монументом, открытым в отряде «Русь». Четырнадцать солдат и офицеров-спецназовцев не вернулись с чеченской войны. В их числе и наш земляк-тамбовчанин – гвардеец Юрий Владимирович Фролов, награждённый орденом Мужества посмертно.

«Отметил свой День рождение 20 лет. Как уже много!!!»

/Орфография и пунктуация автора писем соблюдены/

Денис ДАРОВОВ

Навеяно дождём

Из цикла стихов

Мираж

В пустыне жизни нет безгрешных.
Ступай спокойно, не спеша,
И не страшись песков безбрежных.
Мираж – не то, что безутешно,
А колыбель для малыша.
Он призрак, что даёт надежду.
Да не обманется душа.
Оставь печаль о наболевшем,
Великий путь осилит пеший
От миража до миража.

Дары

Ларец сокровищ каждому во власть
С рождения достанется по праву.

Он может послужить тебе на славу,
А может безделушкой ухнуть в грязь.
Ларец твой пуст? Возьми же пустоту.
В дарах твоих неведомая сила.
Пусть даже полон он морского ила,
Лишь ты из ила вылепишь мечту.

Как себя

Одно из правил быть достойным.
Но нет достоинства во лжи.
Твой мир удобный и просторный
Другому кажется чужим.
На отражение взирая,
Коря, а может быть, любя,
Вести других возможно к раю
Лишь точно так же, как себя.

Навеяно дождём

Утро. Дождь. Дорога.
Капли на стекле.
На душе так много
Теплых, мокрых брызг.
Доживём до срока.
Мыслью о земле
На руке у Бога
Мы несёмся ввысь.

Депрессий нет

Депрессий не было давно,
Я научился их предвидеть
И предпосылок тонких нити
Срезать. Но так заведено,
Что боль поэтам, словно хлеб.
Пронзает ум колючей стужей.
Порой вытряхивает душу.
Другому смерть, мне не в ущерб.
Но, будь я просто проводник,
Прошла бы боль незримым током
Бесследно вдаль, и этим строкам
(Страданий лопнувший гнойник)
Вовек не брызнуть на тетрадь.
А я сижу в пустой квартире,
Переживая всё, что в мире...
Нет сил ни плакать, ни орать.
Пришёл от мира – миром жив
И мир своим тебя считает.
Пришёл от Света - лишний в стае,
Но Свет тебя вооружит.
Как глупо жить чужой бедой.
Своих проблем, увы, навалом,
А боль планеты жутким шквалом
Меня накрыла. Сердце, стой!
Опять гореть, опять тонуть,
Захлёбываясь от эмоций.
Со всеми и за всех бороться,
Чтоб в душах погасить войну.
Депрессий нет, они слабы.
Они – остаточные муки
Прожитой некогда разлуки
С безумьем в поисках борьбы!

С безумьем жизни и людей,
С безумьем карточных героев...
Я вышел навсегда из строя,
Не растворившись в их среде.
Опять ни сдохнуть, ни вздохнуть.
Опять ни выжить, ни остаться.
Опять сквозь тернии рождаться
И только так проторить Путь.

Последняя ночь

Твоё прощение похоже на обман.
Прощание, как новая ловушка.
Но мышки нет. Наивность крупной стружкой
Слезает, чтобы гладким стал чурбан.

Меня отшлифовала колкость бед
Да истончило куртку до бумаги
Моя отвага... больше нет отваги.
И детского восторга тоже нет.

Сверчок – обычный старый человек –
Меня предупреждал: «Не лезь на сцену.
Ты станешь там открытой мишенью.
Коварство не прощает звонкий смех».

Уставший дед. Он знает свой удел.
Прожил за печкой тихо, боязливо.
Роняет поучения слезливо...
Но я ушёл на поиск славных дел.

Мальчишка дерзкий с верой в чудеса
Не знал, что он и сам творенье чуда.
Возник под звук шарманки ниоткуда,
Когда отец полено обтесал.

И оттого он вышел простоват,
И оттого бежал во двор вприпрыжку,
Зажав подмышкой старенькую книжку.
Он так любил свой нос во всё совать.

А в мире Карабасов нет огня.
А в мире подлецов все носят куртки.
Торчат под капюшонами окурки
И в печь людей бросают, как ягнят.

Ты слышишь?! В печь... наживы и страстей.
Ты слышишь крик обугленного сердца?
Его в золу втоптали чьи-то берцы.
Так без огня сжигают мир идей.

Циничность – вот защита палача.
Страна чудес похожа на помойку.
Лежит мечта лицом на барной стойке.
А я поверил маскам и плащам.

Я деньги не ценил. Я... не умел.
Любовь сберечь – вот истинная ценность,
Спасти друзей, свою подставив челюсть.
Я глуп, а все считают, будто смел.

Не тех берёг. Не теми владел.
Был предан. Был растерзан, как игрушка
И брошен на погибель в пруд к лягушкам.
Но дураки не тонут, вот беда.

Застой и мрак тягучий наяву.
Тоска-акула за ноги кусала.
Лишь память о тебе меня спасала.
И я, как мог, держался на плаву.

Я чудом в этой тьме не озверел,
Не тронулся умом, не проклял Бога...
И в этом одиночестве жестоком
Я стал другим. Очистился. Прозрел.

Ушли под воду грязные слова.
Увязли в тине склоки и обиды.
Поруганную дружбу стало видно,
Да смысла боль болотная трава.

Поэтому я маски посрывал.
Поэтому я здесь с тобой, хоть знаю
Что ты всего лишь кукла заводная,
Что сам себе тебя нарисовал.

Я больше не смеюсь. Увы и ах!
Цена за смех – угрюмая Фемида.
Удел наш безобразно очевидный:
Висеть в чулане тёмном на гвоздях.

Огромный Карабас - всего лишь тролль.
Привязанности чувств лишили воли.
Чужой театр. Мы жизни запороли
И вот висим. А ты играешь роль

И хочешь, чтоб откликнулась душа.
Но пьеса отвратительна, как скрежет.
Её создал насильник и невежа,
В хмельном бреду и жажде барыша.

Не верю, уж прости, в твою игру.
В груди твоей осколочная мина.
И ты, похоже, вовсе не Мальвина.
А врать я не умею... и не вру.

Очаг твой намалёван на холсте:
Искусственный уют, обман для глаза.
Тебя он обогреть не смог ни разу,
А ты всё жжёшь обиды, да не те.

Пьеро молчит. Он выдохся давно.
Смирился Арлекин с унылой миной.
Наверное, и я не Буратино,
А просто неразумное бревно.

Бревно, что не хотело щепкой плыть.
Пенёк, что заразился жаждой чуда
И ключ добыл, чтоб выбраться отсюда,
Но за собой придётся дверь закрыть.

Иди за мной сквозь тёмный коридор,
За тайной дверью, очагом, картиной...
Там занавес спадёт, там сцена мира
И свет от смеха ослепляет взор.

Там дети, словно птицы верещат
И тёплый ветер нежно греет спину.
Что? Нет? Как жаль...увы, ты не Мальвина.
Да, видимо и я не тот. Прощай.

В чужом купе за счастьем не успеть.
В тряпичном платье дух почти не дышит.
Ты повиси. Тебя ещё услышат,
На сцену позовут, попросят спеть.

Роскошный Ад в театре богача
Дешевле миски супа в балагане.
Я уйду. Мой ключ давно в кармане.
Прощай, Мальвина, и чулан, прощай.

Об авторах «Тамбовского альманаха»

Макаров Александр Михайлович – поэт. Родился в 1946 году в деревне Еремеево Староюрьевского района Тамбовской области. Работал плотником, библиотекарем. Заочно окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Публикуется с 1966 года. Сборники «Красный мячик», «Излучина», «Светлый час», «Избранное» и многие другие выходили в Тамбове, Воронеже, в Москве. В конце 2018 года в Тамбове издана книга стихов Александра Макарова «Знаки луны». Лауреат областной премии имени Е. А. Баратынского. Член Союза писателей России.

Гончар Анатолий Михайлович – поэт, прозаик, родился в селе Хорошавка Инжавинского района Тамбовской области. Срочную службу проходил в Афганистане, учился в МГУ им. Ломоносова, не окончил. Работал фермером. Участвовал в боевых действиях на Северном Кавказе. Автор двадцати книг прозы, изданных в «Эксмо», и пяти стихотворных сборников. Победитель литературного конкурса «Твой, Россия, сыновья!» (диплом им. генерала М. Д. Скобелева). Лауреат премии «Во славу Отечества» – за вклад в дело пропаганды военно-художественной литературы. Лауреат премии литературного конкурса «Щит и меч Отечества». Награждён орденом «Красной звезды» и др. военными наградами. Член Союза писателей России.

Мещеряков Юрий Альбертович – поэт, прозаик, ветеран афганской войны. Окончил Омское высшее общевойсковое училище. За участие в боевых действиях награждён орденом «Красной Звезды» и др. военными наградами. Автор романов «Хроники афганской войны», «Панджшер

навсегда», «Меморандум Платова», сборника повестей и рассказов «Время мужчин». Публиковался в журналах «Подъём», «Северное измерение», «Губернский стиль», «Памир», в «Литературной газете» и др. Тяжёлый солдатский труд – основная тема творчества автора. Член Союза писателей России.

Кочуков Сергей Константинович – писатель, историк, краевед, родился в селе Лысые Горы Тамбовской области. Учился в Москве, по образованию юрист-международник, 25 лет прослужил в органах госбезопасности, офицер запаса. Автор трилогии «След веков отшумевших, исторических романов «Полёт белого кречета», «Без вести не пропавшие», «Я завещаю вам рассвет». Организатор фестиваля авторской песни «Там под Лысой Горой». Почётный гражданин Тамбовского района. Член Союза писателей России.

Дорожкина Валентина Тихоновна – поэт, прозаик, публицист, общественный деятель. Автор более тридцати книг, один из авторов «Тамбовской энциклопедии», справочника «Литературная жизнь Тамбовского края XVII – XXI веков», учебного пособия «Литературное краеведение» для учителей и учащихся. Лауреат многих литературных премий, награждена медалью М. А. Шолохова. Заслуженный работник культуры РФ. Кавалер ордена Дружбы. Почётный профессор ТГУ имени Г. Р. Державина, Почётный гражданин города Тамбова. Руководитель детского литературно-творческого объединения «Тропинка». Член Союза журналистов и Союза писателей России.

Доровских Сергей Владимирович – прозаик, публицист. Окончил ТГТУ (кафедра «Связи с общественностью»). Главный редактор журнала «Литературный Тамбов».

Автор книг «Единственный выход», «Ересь», «Патриот, хранимый судьбой», «День твоего имени», «Время Весны». Публиковался в журналах «Наш современник», «Памир», «Сухум», «Странник», «Губернский стиль», в «Тамбовском альманахе» и др. Лауреат областной премии имени И. И. Овсянникова. Лауреат премии им. Л. М. Леонова журнала «Наш современник». Финалист лит. конкурса «В поисках правды и справедливости». Член литактива Тамбовского отделения СПР.

Знобищева Мария Игоревна – поэт, прозаик, критик, литературовед. Родилась в Тамбове, окончила Институт филологии ТГУ им. Г. Р. Державина. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Волга – XXI век», «Вопросы литературы», «Крещатик», в «Литературной газете», на сайте «Российский писатель» и др. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова, премии им. Ю. П. Кузнецова, дипломант Международного Волошинского фестиваля. Руководитель Центра творческого развития детей и подростков «Мир слова» при Центральной детской библиотеке им. С. Я. Маршака. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России.

Часовских Елена Владимировна – поэт, учитель, журналист. Живёт в г. Рассказово Тамбовской области. Окончила ТГУ им. Г. Р. Державина, кандидат филологических наук. Участник поэтической студии Сергея Бирюкова «АЗ». Организатор Рассказовского литературного клуба, внештатный корреспондент инф. портала «ТВОЛК». Победитель конкурса в рамках Всероссийского проекта «Сельский учитель в большой России» в Санкт-Петербурге. Публиковались в Тамбове, Липецке, Воронеже, Ижевске, Санкт-Пе-

тербурге, Москве в газетах, альманахах и поэтических сборниках. Член литактива Тамбовского отделения СПР.

Цурикова Нина Петровна – поэт, педагог, работает преподавателем в детской школе искусств. Автор 12-ти поэтических книг и 6-ти сборников песен. Выступала с авторскими программами в с. Константиново, г. Ряжске, г. Москве, г. Сочи, г. Пензе, г. Минске и др. Является участником международного проекта «Связующее слово». Победитель региональных и всероссийских поэтических конкурсов, заслуженный работник культуры РФ. Почётный гражданин Староюрьевского района. Член Союза писателей России.

Курбатова Татьяна Львовна – поэт, педагог. Родилась в Тамбове, окончила музыкальное училище им. С. В. Рахманинова, факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института (ныне ТГУ им. Г. Р. Державина). Возглавляет литературное объединение «Радуга» при писательской организации. Несколько её стихотворений стали песнями, музыку к которым написала композитор Ольга Егорова. Награждена знаком «За заслуги в культуре». Член Союза писателей России.

Труба Анатолий Сергеевич – прозаик, публицист. Родился в 1978 году в п. Первомайский Тамбовской области. Доктор экономических наук, главный научный сотрудник ВНИОПТУСХ. Профессор кафедры Государственное муниципальное управление РосНОУ. Директор-главный редактор литературно-исторического журнала «Александръ». Член Союза писателей России.

Даровов Денис Сергеевич – поэт, прозаик, драматург. Родился в Тамбове в 1982 г. Окончил факультет рус-

ской филологии ТГУ им. Г. Р. Державина. Автор сборника рассказов и сценических миниатюр «Смешно и грустно», а также 3-х пьес и композиции под названием «Остановка», поставленной в 2012 г. студентами ТГУ кафедры актёрского мастерства. В качестве редактора-составителя выпустил сборник молодых тамбовских поэтов «Излучение». Публиковался в журналах «Литературный Тамбов», «Пегас» в «Тамбовском альманахе».

Содержание

ЭПИГРАФ

Александр МАКАРОВ. Красный мячик. *Стихи*3

ПРОЗА

Анатолий ГОНЧАР. Покушение. *Фрагмент повести*9

Сергей ДОРОВСКИХ. Студёные хутора. *Повесть*159

ПОЭЗИЯ

Юрий МЕЩЕРЯКОВ. Афганский росчерк. *Из цикла стихов*110

Елена ЧАСОВСКИХ. Рождественская ночь. *Стихи*215

Нина ЦУРИКОВА. Как свеча растаяла строка. *Стихи*221

Татьяна КУРБАТОВА. Прощёный день. *Стихи*228

ВКЛЕЙКА

Фотографии из Афганистана.....121

ИСТОРИЯ

Сергей КОЧУКОВ. Там, под Кандагаром. *Очерки об Афганистане*.....127

ИМЕНА

Валентина ДОРОЖКИНА. Непредсказуемый поэт. *К100-летию со Дня рождения Николая Глазкова*137

Николай ГЛАЗКОВ. Мне бы кисть великого художника. *Избранные стихи*.....145

ГОСТЬ АЛЬМАНАХА

Николай ИВАНОВ. Золотистый-золотой. *Новелла*.....151

ВРЕМЯ И ЛЮДИ

Анатолий ТРУБА. Открытый парень. *Очерки*235

НОВЫЕ ЛИЦА

Денис ДАРВОВ. Навяно дождём. *Из цикла стихов*246

КРИТИКА

Мария ЗНОБИЦЕВА. Как тонка мироздания держащая нить: несколько мыслей о поэзии Елены Часовских. *Рецензия*210

СОДЕРЖАНИЕ259

Для заметок

Тамбовский альманах. № 17

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

Главный редактор
Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Редакционный совет
Валентина ДОРОЖКИНА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА

Корректор
Мария ЗНОБИЩЕВА

Подписано в печать Формат 60x84 1/16.
Бумага my print. Печать цифровая гарнитура
Times New Roman. Печ. л. 15.11 Тираж 100 Заказ №10
studiapechati@bk.ru
Студия печати Галины Золотовой